M 76
641
cep. 2
№ 2

ходи

ъ

гъ мѣ

хъ

люд

шилось

...

Дѣдъ Травоѣдъ

ьская.

Русь аграрная
лярная,
предложеніемъ

476

333 M 76/641

Г. Земель 18 27/VI 99 г.

24578.

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Серія 2-ая (1898).

№ 2.

Парвусъ.

МІРОВОЙ РЫНОКЪ

И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КРИЗИСЪ.

(Der Weltmarkt und die Agrar Krisis).

Экономическіе очерки.

Переводъ съ нѣмецкаго Л. Я.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Складъ изданій и книжный магазинъ для иногородныхъ О. Н. ПОПОВОЙ.

Невскій, 54, библ. Черкесова.

1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Мая 1898 г.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

2007334081

Обложка и титулъ печатаны въ типографіи Б. М. Вольфа, Разъѣзжая 15

Текстъ печатанъ въ типографіи И. Н. Скороходова, Надеждинская, 43.

ВВЕДЕНІЕ [1]).

Давно уже стало общимъ мѣстомъ говорить о вліяніи мірового рынка на внутреннее производство отдѣльныхъ странъ. Однако до сихъ поръ это вліяніе еще мало изслѣдовано. Обыкновенное пониманіе этого вопроса довольствуется простымъ констатированіемъ отдѣльныхъ явленій. Извѣстно, что европейское производство хлѣбныхъ продуктовъ страдаетъ подъ давленіемъ развивающагося мірового хлѣбнаго рынка; что европейское овцеводство регрессируетъ вслѣдствіе развитія австралійскаго экспорта шерсти; что положеніе европейской хлопчатобумажной промышленности существенно обусловливается колебаніями американскаго и индійскаго сбора хлопка, и т. д. Но все это только очевидная связь, которая бросается въ глаза уже по аналогіи съ внутреннимъ развитіемъ національнаго рынка. Міровой рынокъ является здѣсь просто, какъ расширеніе области сбыта и производства, а вовсе не въ своихъ капиталистическихъ особенностяхъ, какъ специфически капиталистическій рынокъ. Конкурренція, которая обращаетъ на себя вниманіе, является здѣсь только слѣдствіемъ развитія средствъ сообщенія, и ни изъ чего не

[1]) Главными статистическими источниками для этого изслѣдованія служили англійскія Синія Книги: «Statistical abstract for the principal and other foreign countrie, Statistical abstract for the United Kingdom, Statistical abstract for colonial and other possessions — за разные годы. Гдѣ онѣ оказывались недостаточными, тамъ служили другія оффиціальныя статистическія изданія, англійскія и другихъ странъ. Изъ общихъ обзоровъ назовемъ извѣстные—Нейманъ-Спалларта и Юрашека. Кое-что взято и изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften Conrad'a.

видно, что здѣсь дѣло идетъ о развитіи явленій капиталистическаго мірового производства. Но міровой рынокъ со всѣми его единичными явленіями можетъ быть понятъ только тогда, если его брать, какъ одно цѣлое, во всемъ громадномъ разнообразіи его связей, сплетеній и отношеній, которыя однако въ цѣломъ представляютъ только выраженіе капиталистическаго производства.

Великая революціонная особенность капитализма та, что онъ экономически разрушаетъ всѣ мѣстныя природныя и техническія ограниченія производства и такимъ образомъ впервые создаетъ общественное производство въ большомъ масштабѣ. Это обусловливается не только общественнымъ раздѣленіемъ труда, не только средствами сообщенія и товарнымъ производствомъ, но кромѣ того—и это самый главный, опредѣляющій всѣ остальные моментъ—воспроизводствомъ и накопленіемъ капитала.

Воспроизводство капитала въ расширяющихся размѣрахъ, необходимость возобновлять процессъ производства все въ болѣе широкомъ объемѣ—вотъ что систематически заставляетъ расширять поле сбыта, дѣлаетъ производство все болѣе интенсивнымъ, разрушаетъ и капиталистически преобразуетъ старые способы производства, захватываетъ отдаленнѣйшія страны въ царство капитала.

Національныя производства вступаютъ во взаимную связь—но только для того, чтобы потерять свой національный характеръ. На мѣсто международныхъ сношеній вступаетъ космополитизмъ. Національныя производства теряютъ свою самостоятельность. Они обращаются въ подчиненныя, связанныя, взаимно обусловленныя части одного цѣлаго, не заключеннаго ни въ какой странѣ, и это именно и есть міровой рынокъ.

Чѣмъ дальше идетъ развитіе въ этомъ направленіи, тѣмъ меньше становится возможнымъ выяснить судьбу національнаго производства съ національной точки зрѣнія, даже принявши, какъ коррективъ, международную конкурренцію. Становится необходимымъ выводить ее изъ развитія мірового рынка.

Уже въ настоящее время дѣло зашло такъ далеко, что

серьезное изслѣдованіе каждаго болѣе важнаго экономическаго явленія необходимо приводитъ къ міровому рынку, какъ къ узловому пункту производственныхъ отношеній. Многое, что еще только что казалось яснымъ, оказывается здѣсь загадочнымъ и сложнымъ явленіемъ. Говорятъ, напримѣръ, что низкія цѣны на хлѣбъ зависятъ отъ большого наплыва американскаго хлѣба въ Европу. Но достаточно спросить: а чѣмъ обусловленъ этотъ привозъ, и гдѣ границы нормальнаго и чрезмѣрнаго привоза?—и тотчасъ мы очутимся среди громадной массы сплетающихся отношеній, которую нельзя распутать, пока мы не поймемъ заключающагося въ міровомъ рынкѣ великаго обобществленія и объединенія капиталистическаго производства. Тутъ окажется, что эта связь между хлѣбными цѣнами и привозомъ хлѣба только очень поверхностная, что съ такимъ же правомъ мы могли бы сказать обратно, именно, что большой ввозъ изъ Америки обусловленъ низкими европейскими цѣнами, что хотя, безъ сомнѣнія, характеръ сельско-хозяйственнаго производства Европы и Америки есть одинъ изъ моментовъ, опредѣляющихъ хлѣбныя цѣны, но что и эти цѣны и колебанія хлѣбнаго рынка зависятъ, прежде всего отъ массы другихъ обстоятельствъ, однимъ словомъ, что развитіе сельско-хозяйственнаго производства въ отдѣльныхъ странахъ надо разсматривать только въ связи съ капиталистическимъ міровымъ производствомъ.

Производство становится міровымъ производствомъ. Экономическія условія отдѣльныхъ странъ все болѣе опредѣляются зависимостью, которая лежитъ внѣ сферы ихъ политической власти. Политика государствъ становится игрушкой мірового рынка. Буржуазія оказывается все менѣе въ состояніи управлять своей собственной судьбой, и чтобы понять направленіе ея національной политики въ разныхъ странахъ, становится необходимымъ изучить положеніе мірового рынка.

Мы хотимъ попытаться выяснить теперешнее экономическое и политическое положеніе Европы, и особенно Германіи, на основаніи фактическаго развитія мірового рынка. При этомъ сельско-хозяйственныя условія и связанныя съ

ними политическія движенія выяснятся съ такой точки зрѣнія, на которую до сихъ поръ не обращали вниманія.

Мы не претендуемъ на полное научное изложеніе этихъ въ высшей степени сложныхъ отношеній, а удовольствуемся выясненіемъ общей связи.

Англія и Европа.

Еще до сихъ поръ каждое изслѣдованіе мірового рынка должно начинаться съ Англіи, во-1-хъ, потому, что ея участіе въ міровой торговлѣ по настоящее время является количественно преобладающимъ; во-2-хъ, потому что Англія, благодаря своимъ колоніальнымъ владѣніямъ, могучему флоту и колоссальной хлопчатобумажной промышленности, господствуетъ въ торговлѣ съ Азіей, Австраліей и вообще странами Тихаго океана. Еще въ началѣ 70-хъ годовъ она господствовала и надъ Атлантическимъ океаномъ, такъ что рѣшительно весь заокеанскій рынокъ былъ въ ея власти. Теперь этого уже нѣтъ.

Еще важнѣе значеніе Англіи въ развитіи мірового рынка: каждая вновь выступающая индустріальная нація должна была прежде всего помѣряться съ Англіей. Еще до конца 50-хъ годовъ Англія владычествовала на міровомъ рынкѣ. Ея единственнымъ серьезнымъ конкуррентомъ была Франція, но французская промышленность носила особый характеръ. Здѣсь доминировала шелковая мануфактура, которая въ Англіи никогда не достигала большого развитія. Кромѣ того Франція имѣла уже тогда свои спеціальныя отрасли промышленности. Въ прямое соперничество съ Англіей она вступала только въ шерстяномъ производствѣ. Вывозъ французскихъ шерстяныхъ фабрикатовъ достигалъ двухъ третей англійскаго, остальныя же страны стояли далеко позади Франціи, такъ что вывозъ Великобританіи охватывалъ отъ 50 до 60% всего мірового вывоза шерстяныхъ товаровъ. Абсолютно господствующей, свободной отъ какой-либо заслуживающей упоминанія конкурренціи, была Англія

въ хлопчатобумажной и машиностроительной промышленности.

Обыкновенное отношеніе было такое: Англія получала сырье изъ колоній и изъ Соединенныхъ Штатовъ и оплачивала его частью фабрикатами, частью золотомъ и серебромъ. За свои фабрикаты она вымѣнивала въ Европѣ и тѣхъ же Соединенныхъ Штатахъ предметы первой необходимости—почти исключительно сельско-хозяйственные продукты,—затѣмъ полуфабрикаты—кожи, металлы. Такимъ образомъ Англія была большой міровой фабрикой, и большая часть другихъ странъ стояла по отношенію къ ней если не политически, то экономически на положеніи капиталистическихъ колоній.

Во всѣхъ другихъ странахъ развивающееся капиталистическое производство должно было начинать съ возстанія противъ Англіи, для которой міровой рынокъ былъ къ ея услугамъ, и которая отчасти даже впервые создавала его. Понятно, какую роль при этомъ возстаніи играли охранительныя пошлины. Но не о нихъ рѣчь, а о тѣхъ производственныхъ связяхъ, которыя завязались между континентомъ и Англіей при посредствѣ прогрессирующаго капиталистическаго производства въ Европѣ. Для каждой вновь выступающей капиталистической промышленности первый вопросъ—это рынокъ сбыта. Кажется само собою понятно, что такая промышленность всегда будетъ искать и найдетъ рынокъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствуетъ противоположный ей, отсталый способъ производства. Такъ было и съ англійской промышленностью, которая нашла свой рынокъ на отставшемъ въ производствѣ континентѣ и въ колоніяхъ.

Но иначе было съ европейскими промышленными государствами, которыя явились на всемірный рынокъ п о с лѣ Англіи. (Наше изслѣдованіе послѣ покажетъ, что въ лицѣ Сѣверной Америки, Остъ-Индіи, Японіи и отчасти Россіи выступила новая, третья стадія развитія). Заокеанскія колоніи были единственными странами, надъ которыми они имѣли экономическое превосходство—но здѣсь въ колоніяхъ господствовала Англія. Куда же сбывать товары? Ближай-

шимъ представлялся внутренній рынокъ. Его создала сама Англія уничтоженіемъ или стѣсненіемъ соотвѣтственныхъ ремеслъ и примитивной кустарныхъ промысловъ и возбужденіемъ потребности въ своихъ фабрикатахъ. Онъ имѣлъ еще ту привлекательность, что могъ быть защищенъ пошлинами.

Однако одинъ національный рынокъ недостаточенъ для капиталистическаго производства. Важнѣйшій рынокъ явился какъ разъ въ промышленныхъ странахъ и прежде всего въ Англіи. Эта роль промышленныхъ странъ, какъ области сбыта для вновь возникающихъ національныхъ производствъ была такъ важна, что, напр., въ Германіи во время первоначальнаго быстраго развитія ея производства, въ началѣ 70-хъ годовъ, англійскій ввозъ не уменьшился, (какъ въ Австріи), а возросъ. Такимъ образомъ германская промышленность для своего развитія вовсе не нуждалась въ томъ, чтобы вытѣснить англійскую съ внутренняго рынка.

Однако, какъ объяснить, что промышленность запоздалыхъ европейскихъ странъ не можетъ конкуррировать со своими предшественницами въ странахъ, экономически имъ подчиненныхъ, а между тѣмъ находитъ сбытъ въ этихъ самыхъ странахъ съ изстари развившейся промышленностью? Выясненіе этого кажущагося противорѣчія не трудно.

Странами съ отсталымъ способомъ производства были для Европы, какъ было упомянуто, заокеанскія области. Торговля съ ними предполагаетъ прежде большой торговый флотъ. А это, разъ дѣло идетъ уже больше не о простомъ грабежѣ колоній, предполагаетъ во всякомъ случаѣ достаточную степень промышленнаго развитія.

Но главное дѣло въ томъ, что, чѣмъ болѣе отсталые способы производства господствуютъ въ странѣ, тѣмъ ограниченнѣе въ ней, количественно и качественно, и потребность въ товарахъ. Она распространяется обыкновенно на самое небольшое число продуктовъ, спеціально производимыхъ тѣми промышленными странами, которыя стоятъ въ ближайшей связи съ этими отсталыми націями. Центръ тяжести въ торговыхъ сношеніяхъ лежитъ поэтому для первыхъ во ввозѣ, а не въ вывозѣ. И только по мѣрѣ ка-

питалистическаго преобразованія послѣднихъ—дѣло измѣняется.

Напротивъ того, молодыя европейскія промышленныя страны уже потому нашли поле для сбыта въ старыхъ капиталистическихъ странахъ, что онѣ были связаны съ ними обширными торговыми сношеніями. Да, во многихъ случаяхъ изъ-за границы оказывали конкурренцію своей родной странѣ тѣ же англійскіе или французскіе инженеры и машины, тотъ же французскій или англійскій капиталъ. Сверхъ того сумма потребностей этихъ странъ гораздо болѣе обширна и разнообразна и допускаетъ поэтому гораздо большую спеціализацію и использованіе всѣхъ особенныхъ естественныхъ или экономическихъ преимуществъ молодыхъ странъ, ведущихъ съ ними торговлю. Наконецъ, относительно Англіи надо замѣтить, что тамъ именно, вслѣдствіе ранняго развитія производства для мірового рынка, производство для потребностей собственной страны сравнительно отстало. Это относится не только къ огромному противорѣчію между развитіемъ земледѣлія и обрабатывающей промышленности въ Англіи, но также—что отчасти связано съ этимъ—къ производству большого числа продуктовъ потребленія массы и предметовъ роскоши.

Таковы отношенія мірового рынка, при которыхъ развивалась промышленность европейскаго континента и прежде всего Германіи [1]). Этимъ въ значительной степени опредѣ-

---

[1]) Интересно то своеобразное явленіе, что въ отношеніи капиталистическаго развитія Россію, такъ далеко отставшую отъ Германіи, перегнала Сѣверная Америка, а въ настоящее время даже Японія и Остъ-Индія. Это обстоятельство показываетъ само по себѣ, что основаніе его лежитъ не въ недостаткѣ «внѣшняго рынка», какъ принимаютъ это русскіе «народники», понимая подъ внѣшнимъ — колоніальный рынокъ. Дѣло въ томъ, что всѣ названныя страны одна за другой «открыли» себѣ внѣшній рынокъ уже послѣ того, какъ этотъ недостатокъ «внѣшняго рынка» былъ признанъ народниками залогомъ увѣковѣченія примитивнаго коммунизма русской деревенской общины. На самомъ дѣлѣ, относительно колоніальнаго рынка Россія поставлена въ лучшія условія, чѣмъ, напримѣръ, Германія; она имѣетъ даже исключительно выгодное по-

ляется характеръ, который приняло развитіе германскаго производства. Объ этомъ скажемъ ниже.

Для подкрѣпленія нашихъ общихъ соображеній достаточно слѣдующаго:

ложеніе. При посредствѣ Чернаго моря она связана съ Южной и Восточной Азіей и другими странами Тихаго океана не хуже, чѣмъ страны Средиземнаго моря. Черезъ Сибирскую желѣзную дорогу она можетъ установить прямую связь съ Китаемъ, Японіей и Сѣверной Америкой. Съ заселеніемъ плодородныхъ сибирскихъ равнинъ она можетъ создать экономическія основанія для образованія промышленнаго района огромнаго значенія и съ очень широкой областью сбыта. Все это и еще многое другое было бы уже давно создано, если бы Россія уже была промышленной страной. Вотъ гдѣ щекотливый пунктъ: не потому замедляется промышленное развитіе Россіи, что у нея нѣтъ никакого колоніальнаго рынка, а наоборотъ, потому она не нашла еще для себя колоніальнаго рынка, что ея промышленное развитіе идетъ такъ медленно.

А развитіе промышленности въ Россіи было задержано двумя обстоятельствами, которыя стѣсняли расширеніе внутренняго рынка: устарѣлой податной системой и первобытнымъ деревенскимъ коммунизмомъ. Между прочимъ, общинное землевладѣніе своими столь прославленными особенностями хотя и не особенно способствуетъ задержанію пролетаризаціи массъ, но тѣмъ совершеннѣе оно содѣйствуетъ процессу непролетаріатскаго обнищанія. Оно производитъ нищихъ, которые только потому не дѣлаются пролетаріями, что они прикованы къ землѣ, что они не могутъ свободно распоряжаться своей рабочей силой и, такимъ образомъ, отличаются отъ пролетаріата только своей несвободой. Оно создаетъ экономическія положенія которыя еще гораздо хуже положенія пролетаріата, и близко подходятъ къ рабству за долги и крѣпостному состоянію. Оно поддерживаетъ въ странѣ огромное избыточное населеніе, дѣлающее невозможнымъ всякое улучшеніе положенія крестьянства. Но именно такое зажиточное крестьянство должно было составить внутренній рынокъ въ Россіи, гдѣ недоставало развитія промышленныхъ городовъ. Такимъ образомъ развитію промышленности въ Россіи препятствовала не конкурренція со стороны ремесленниковъ, а гораздо болѣе недостатокъ этой конкурренціи. Устарѣлая податная система наряду съ бюрократической централизаціей разрушаетъ крестьянское хозяйство, а черезъ это и источники экономическаго благосостоянія страны. Для Россіи необходимо было бы дать возможность части лишеннаго средствъ существованія крестьян-

Въ 1893 г. вывозъ въ остальныя европейскія страны достигалъ (въ процентахъ всего вывоза): въ Германіи 76%, во Франціи 74%. Напротивъ, экспортъ Великобританіи въ остальную Европу (тоже въ частяхъ всего вывоза) развивался такъ:

1871—1875 гг.	49%
1876—1880 „	48%
1881—1885 „	43%
1885—1890 „	41%
1890—1894 „	41%

Въ то время, какъ Англія $^3/_5$ своего отпуска направляетъ не въ Европу, Германія и Франція напротивъ $^3/_4$ своего товарнаго экспорта отдаютъ Европѣ; Англія все болѣе вытѣсняется (по крайней мѣрѣ относительно) другими странами съ европейского товарнаго рынка. Мы уже указывали на то, что первый промышленный подъемъ Германіи сопровождался повышеніемъ товарнаго ввоза изъ Англіи. Это продолжалось не долго — кризисъ 1873 г. произвелъ большую перетасовку, и прежде всего между Германіей и Англіей. Не „спекуляція“ произвела кризисъ, а перепроизводство. Что было съ самаго начала спекуляціей—то не имѣло успѣха, болѣе же успѣшно спекуляція развилась уже въ тотъ моментъ, когда проявилось перепроизводство. Это выяснилось прежде всего въ Австріи, гдѣ раньше всего разразился кризисъ, выразившійся еще въ 1872 году паденіемъ вывоза на 17%, т. е. больше, чѣмъ на $^1/_6$.

Во всякомъ случаѣ кризисъ семидесятыхъ годовъ былъ рѣшительнымъ въ томъ смыслѣ, что всеобщее угнетеніе рынка поставило вопросъ: кто отступитъ и кто овладѣетъ позиціей? Рѣшеніе этого вопроса указывается цифрами вывоза. Вывозъ достигъ (въ милліонахъ ф. стерл.).

ства, тѣснящагося въ центральныхъ губерніяхъ, переселиться въ способныя къ культурѣ области Сибири. Тогда и тамъ и здѣсь при уменьшенныхъ налогахъ развилось бы зажиточное крестьянство, освобожденное отъ избыточнаго населенія и, конечно, покончило бы съ послѣдними остатками общиннаго коммунизма. Тогда Россія получила бы возможность экономическаго развитія, аналогичнаго съ Сѣверной Америкой.

	Великобританія.	Германія.
1870 г.	244	—
1871 „	283	—
1872 „	314	116
1873 „	311	115
1874 „	297	117
1875 „	281	124
1876 „	256	127
1877 „	252	138
1878 „	245	144

Мы видимъ, что вывозъ Англіи подъ вліяніемъ кризиса непрерывно и сильно сталъ падать, а вывозъ Германіи непрерывно подниматься, несмотря на кризисъ. Такимъ образомъ она завоевала себѣ мѣсто на всемірномъ рынкѣ.—Торговыя отношенія Англіи къ Германіи съ 70-хъ годовъ совершенно измѣнились. Обороты Англіи достигали (въ милліонахъ фунт. стерлинговъ).

	Обороты съ Германіей.		Обороты съ Франціей.	
	ввозъ.	вывозъ.	ввозъ.	вывозъ.
1871—1875 гг. . . .	100	187	208	148
1876—1880 „ . . .	118	146	213	136
1890—1894 „ . . .	132	137	220	110

Въ оборотахъ съ обѣими странами ввозъ изъ нихъ въ Англію увеличился. Въ настоящее время Англія поглощаетъ отъ 20 до 25% общаго вывоза Германіи. Промышленность, которая производитъ для Европы, а прежде всего для Англіи, должна имѣть другой характеръ, чѣмъ промышленность, продукты которой сбываются въ колоніи. Изслѣдованіе нѣмецкой промышленности и ея способовъ производства яснѣе выкажетъ это различіе.

Положеніе Германіи на міровомъ рынкѣ.

Мы намѣтили въ общихъ чертахъ, при какихъ условіяхъ мірового рынка происходило развитіе національной

промышленности странъ, выступившихъ позже Англіи, странъ, наиболѣе чистый типъ которыхъ представляетъ Германія. Мы указали на разницу въ области сбыта европейскаго материка и Англіи и вывели изъ этого, что различіямъ въ сбытѣ—должны соотвѣтствовать различія въ производствѣ. Нашей ближайшей задачей является выясненіе этихъ различій. Такимъ образомъ центральнымъ пунктомъ нашего теперешняго изслѣдованія является Германія.

Одно тотчасъ бросается въ глаза: малое развитіе отраслей, связанныхъ съ земледѣліемъ въ Англіи, сравнительно съ континентомъ. Винокуреніе, какъ отрасль экспорта и производство свекловичнаго сахара распространены въ Германіи, Франціи, Австріи и Россіи. Въ началѣ 70-хъ годовъ Фридрихъ Энгельсъ писалъ: „картофельный спиртъ составляетъ для Пруссіи то, что для Англіи желѣзо и шерстяные товары—предметъ, который представляетъ ее на міровомъ рынкѣ". Съ тѣхъ поръ положеніе, во всякомъ случаѣ, сильно перемѣнилось, Нѣмецкій спиртъ совершенно вытѣсненъ съ мірового рынка (въ 1884 году его было произведено на 32,6 милл. марокъ, въ 1893 г.—всего на 4,7 милл.!), а выступившій вмѣсто него свекловичный сахаръ тоже уже сильно вытѣсняется. Во всякомъ случаѣ сахаръ представляетъ еще самый значительный предметъ вывоза Германіи: около 200 милл. марокъ $= 5 - 7\%$ всего вывоза. Но гораздо важнѣе роль производства свекловичнаго сахара и винокуренія въ исторіи развитія германской промышленности.

Относительно спирта дѣло было довольно просто. Разъ было выгодно вывозить хлѣбъ (а что это было такъ — за это ручалась вся исторія промышленнаго развитія Англіи), слѣдовательно, было выгодно также экспортировать хлѣбную водку, а въ такомъ случаѣ, конечно, и картофельный спиртъ. Сложнѣе было развитіе сахарной промышленности; оно типично, чтобы прослѣдить на немъ, какъ вообще велась борьба противъ промышленнаго первенства Англіи. Во-1-хъ, Англія ввозила тростниковый сахаръ. Она имѣла громадные заводы, гдѣ перерабатывала его. Притомъ еще до 50-хъ годовъ она вывозила значительное количество

песку и рафинада. Борьба между свекловичнымъ и тростниковымъ сахаромъ явилась прежде всего конкурренціей между двумя видами сырья, отъ которой французскіе и англійскіе рафинадные заводы получали выгоду. Чѣмъ больше тростниковый сахаръ вытѣснялся свекловичнымъ съ европейскаго рынка, тѣмъ болѣе росла конкурренція между самими производителями свекловичнаго сахара. Это вело сразу къ двумъ явленіямъ: во-1-хъ, англійское и французское рафинированіе все болѣе становилось въ зависимость отъ европейскаго (слѣдовательно, также французскаго) производства свекловицы; во-2-хъ, паденіе цѣнъ на песокъ заставляло выносить на рынокъ вмѣсто песка рафинадъ. Результатомъ было уничтоженіе англійскаго рафинированія, которое не могло опираться на производство свеклы внутри страны.

Этотъ процессъ хорошо можно прослѣдить по англійской торговой статистикѣ. Движеніе происходило такъ правильно, что достаточно отмѣтить отдѣльными штрихами различныя стадіи его. Въ 1856 году тростниковаго сахара и свекловичнаго песка ввозилось поровну, а рафинадъ составлялъ 7% ввозимаго сахара. Въ 1870 г. ввозъ тростниковаго сахара спускается до 32%, рафинадъ — 12% сахарнаго ввоза. Въ 1880 г. онъ составляетъ 15%, въ 1885—21%, а въ 1897—почти половину всего англійскаго сахарнаго импорта.

Такъ изъ вывоза сырого продукта, который доставлялъ выгоды только чужой промышленности, развилась въ Германіи въ силу имманентныхъ законовъ капиталистическаго производства, національная фабрикація, которая, въ концѣ концовъ, повела къ господству на всемірномъ рынкѣ.

Не говоря объ особенныхъ обстоятельствахъ, благопріятствовавшихъ развитію сахароваренія и винокуренія въ отдѣльныхъ странахъ, (на роль, которую играло при этомъ уничтоженіе крѣпостного права въ Пруссіи и Россіи указалъ въ свое время Фр. Энгельсъ), кажется надо признать закономъ промышленнаго развитія государствъ европейскаго материка, что они двинулись впередъ при помощи сахара и спирта. Основаніемъ этого служитъ прежде всего

то, что эти отрасли промышленности связаны съ земледѣліемъ. Затѣмъ, ихъ продукты—классическіе предметы массоваго потребленія, находящіе и у себя на родинѣ широкій сбытъ, и прежде всего предметы европейскаго потребленія. Такимъ путемъ и на самомъ дѣлѣ пошло развитіе Франціи, Германіи, Австріи и Россіи.

Такъ какъ общее движеніе капиталистическаго производства не можетъ быть предписано никакимъ европейскимъ правительствомъ, то, конечно, его никто не былъ бы въ силахъ и сдержать, даже въ тотъ моментъ, когда это было бы наиболѣе выгодно для прусскихъ юнкеровъ. Оно двигается впередъ и вызываетъ къ жизни новыя отношенія. Не будемъ однако забѣгать впередъ. Хотя германское винокуреніе за послѣдніе годы ограничилось внутреннимъ рынкомъ, но за то изъ производимаго сахара все-таки 50—60% вывозится и большею частью идетъ въ Англію. Какое значеніе этотъ процессъ имѣлъ для нѣмецкаго земледѣлія—объ этомъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Сдѣлаемъ общее сопоставленіе между промышленной структурой Германіи и Англіи. Здѣсь можетъ служить для ориентированія слѣдующая: таблица, составленная по даннымъ германской профессіональной переписи 1882 г., и англійской 1881 г.

Изъ 1.000 занятыхъ промышленностью принадлежало къ слѣдующимъ группамъ:

	Германія.	Англія и Уэльсъ
I.		
Горное дѣло, выплавка руды и добыча соли	68	85
Обработка металловъ, кромѣ желѣза	11	26
Обработка желѣза	72	74
Производство машинъ, орудій и проч.	45	64
Текстильныя производства	133	188
II.		
Химическое производство	14	10
Бумажное и кожевенное производство.	35	24

Обработка дерева	82	42
Производство пищевыхъ продуктовъ	104	54
Обработка камня и глины	51	33

III.

Строительная промышленность	148	150
Производство предметовъ одежды и попеченіе о чистотѣ	208	204
Полиграфическая промышленность	10	15
Художественная	4	3
Остальныя отрасли	15	20
Итого	1.000	998

Таблица ясно показываетъ три подраздѣленія:

1) отрасли, въ которыхъ Англія стоитъ выше Германіи,

2) отрасли, въ которыхъ перевѣсъ на сторонѣ Германіи;

3) *отрасли, одинаково развитыя тамъ и тамъ.* Это раздѣленіе соотвѣтствуетъ важному дѣленію капиталистической промышленности вообще.

Отрасли, приведенныя подъ рубрикой III, тѣсно связаны съ развитіемъ городовъ. Относительно строительной промышленности это понятно. Попеченіе о чистотѣ (бани, прачешная и т. д.) тоже чисто городская промышленность. Это производство для внутренняго рынка. Безъ сомнѣнія, и производство предметовъ одежды также обязано своимъ развитіемъ большимъ скопленіямъ массъ народа и утонченнымъ жизненнымъ потребностямъ городовъ. И эта промышленность предназначена, главнымъ образомъ, для внутренняго рынка, однако ея продукты способны къ вывозу и образуютъ поэтому переходъ къ группѣ второй, о которой смотри ниже.

Группа I содержитъ машиностроеніе и текстильную промышленность вмѣстѣ съ примыкающими къ нимъ производствомъ. Это производство для производительнаго капиталистическаго потребленія и для колоніальнаго рынка. Къ производительному потребленію надо причислить и потребленіе продуктовъ текстильной промышленности, дающее основу

широко распространенному производству предметовъ одежды. Здѣсь, какъ показываетъ наша таблица, Англія имѣетъ большой перевѣсъ. Однако различіе, особенно относительно текстильной промышленности, въ этомъ сопоставленіи имѣетъ очень несовершенное значеніе, такъ какъ оно даетъ только число лицъ, занятыхъ въ промышленности, не различая крупнаго и мелкаго производства. А такъ какъ въ Германіи еще очень сильно развито ремесленное и кустарное производство, то итогъ получится еще болѣе благопріятный для Германіи.

Большая группа текстильной промышленности представляетъ также въ своемъ внутреннемъ составѣ различія между Англіей и Германіей. Число занятыхъ въ различныхъ отрасляхъ достигаетъ:

	Германія.	Великобританія.
Хлопчатобумажная промышленн.	30,0%	51,0%
Шерстяная „ .	24,0	28,0
Льняная и пеньков. „ .	18,0	13,0
Шелковая „ .	12,0	4,3
Чулочные товары	11,0	2,0
Производство кружевъ	5,0	1,7
Итого .	100,0%	100,0%

Тогда какъ въ Англіи текстильное производство представлено главнымъ образомъ хлопчатобумажной и шерстяной промышленностью, въ Германіи оно распредѣлено болѣе равномѣрно на всѣ отрасли. Бросается въ глаза относительно сильное развитіе шелковой, чулочной и кружевной промышленности въ Германіи. Это именно отрасли, разсчитанныя прежде всего на европейское потребленіе. Разсмотрѣніе хлопчатобумажной и шерстяной промышленности порознь указываетъ, что въ Германіи относительно сильнѣе развито ткачество. Это результатъ англійскаго вывоза пряжи. Опять примѣръ, какъ Англія сама для себя создаетъ конкуррентовъ. Вообще детальное разсмотрѣніе текстильной промышленности показываетъ, что въ Германіи она болѣе раздроблена и потому она развита здѣсь сильнѣе

въ противоположность своему общему характеру, разсчитана на производство предметовъ личнаго потребленія въ Европѣ. Такова первая группа. Горное дѣло (каменный уголь) связываетъ ее съ группой III, а обработка желѣза съ группой II.

Группа II, специфически германскія отрасли промышленности, является смѣшанной. Главное мѣсто въ ней занимаетъ производство пищевыхъ продуктовъ и притомъ это, главнымъ образомъ, производство для отечественнаго потребленія. Но и здѣсь есть экспортныя отрасли: сахаровареніе и винокуреніе, какъ мы изложили выше. Обработка камня, глинъ и т. д. связываетъ эту группу съ группой III, но кромѣ того, она включаетъ замѣтныя отрасли производства для вывоза: стекло и его обработка (зеркала) и фарфоровое производство фаянса. Общая характеристика этой пестрой группы такова: это—фарфоровая фабрикація предметовъ болѣе утонченнаго житейскаго потребленія и вспомогательныхъ матеріаловъ для европейской промышленности (краски). Если группу I мы характеризовали, какъ производство для производительнаго капиталистическаго потребленія, то группу II надо обозначить, какъ производство для потребностей европейскаго городского потребленія. Такимъ образомъ оказывается, что случайный съ перваго взгляда по ея предметамъ составъ германской промышленности, обусловленъ въ дѣйствительности мѣстомъ Германіи въ процессѣ развитія мірового рынка. Это положеніе мы охарактеризовали въ предыдущей главѣ.

Зависимость промышленности отъ сбыта выражается въ качественномъ составѣ вывоза. Тогда какъ англійскій вывозъ на 44% состоитъ изъ текстильныхъ фабрикатовъ—въ германскомъ они составляютъ только 21%. Хлопчатобумажные составляютъ въ Англіи 30% вывоза, въ Германіи—5%. Цѣнность германскаго вывоза хлопчатобумажныхъ фабрикатовъ отстаетъ еще значительно отъ цѣнности ввозимаго ею сырого хлопка, — доказательство, что сбытъ въ этой отрасли производства еще въ огромной степени разсчитанъ на внутренній рынокъ. Обратно, цѣнность вывозимыхъ хлопчатобумажныхъ фабрикатовъ въ Англіи вдвое превышаетъ цѣнность ввозимаго туда хлопка. Но зато Германія

имѣетъ относительно и абсолютно болѣе значительный вывозъ чулочныхъ товаровъ, кружевъ, вязанныхъ и позументныхъ товаровъ.

Относительная отсталость Германіи сравнительно съ Англіей по вывозу текстильныхъ фабрикатовъ вознаграждается вывозомъ нашей II группы, входить въ детальное разсмотрѣніе которой мы не будемъ. Группа II доставляетъ болѣе 40% всего германскаго вывоза. Она для Германіи составляетъ то, что для Англіи группа I: она „представляетъ“ ее на всемірномъ рынкѣ.

До сихъ поръ мы на примѣрѣ Германіи старались показать типическое положеніе континентальной европейской страны на всемірномъ рынкѣ. (Позже мы увидимъ, какъ съ нимъ связано развитіе сельскаго хозяйства). Понятно, конечно, что въ торговыхъ отношеніяхъ Германіи къ отдѣльнымъ странамъ должны быть различія. Эти различія можно свести въ три типическія группы, для которыхъ представителями мы выберемъ: торговый оборотъ Германіи съ Англіей, Франціей и Соединенными Штатами. Этимъ полнѣе обозначится картина положенія Германіи на всемірномъ рынкѣ. Годичные отчеты о внѣшней торговлѣ Германіи дадутъ намъ въ этомъ случаѣ прекрасно подготовленный матеріалъ.

Торговый оборотъ съ Англіей. Здѣсь достаточно привести общую характеристику, данную статистическимъ бюро за 1893 годъ. „Какъ по ввозу, такъ и по вывозу во внѣшней торговлѣ нѣмецкой таможенной территоріи Англія занимаетъ первое мѣсто. Она получаетъ отъ Великобританіи значительную часть сырья и полуфабрикатовъ, необходимыхъ ему для многихъ отраслей промышленности. Въ этомъ отношеніи надо выдвинуть на первый планъ промышленность текстильную, обработку металловъ и кожи, также какъ химическую вмѣстѣ съ производствомъ жировъ и маслъ. Часть сырыхъ продуктовъ, которые Англія доставляетъ германской таможенной территоріи, произведена въ заокеанскихъ странахъ, другая добывается въ самой Англіи. Къ послѣднимъ принадлежатъ прежде всего каменный уголь и мѣдь. Обработанные продукты, ввозимые изъ Англіи,

кромѣ полуфабрикатовъ—хлопчатобумажной и шерстяной пряжи—надо поставить на второмъ планѣ. Вывозъ изъ таможенной территоріи Германіи въ Англію состоитъ, главнымъ образомъ, изъ фабрикатовъ, тогда какъ сырые продукты и полуфабрикаты играютъ подчиненную роль".

Главнѣйшіе предметы вывоза изъ Германіи въ Великобританію слѣдующіе: сахаръ, полушелковые товары, предметы одежды и модные товары, тонкіе кожаные товары, сукна и нѣкоторыя другія шерстяныя матеріи, раскрашенныя печатныя картины, гравюры, масло и маргаринъ, перчаточныя кожи, тонкіе деревянные товары, позументы и пуговицы, плотныя бумажныя ткани (крашенныя и печатныя), рояли и піанино и т. д. Это детальное перечисленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что мы раньше сказали объ общемъ характерѣ германскаго вывоза. Такимъ образомъ, отношенія Германіи къ Англіи какъ будто стали обратными: прежде Германія получала изъ Англіи фабрикаты, теперь наоборотъ. Но Германія оплачивала свой ввозъ предметами первой необходимости и уже на второмъ мѣстѣ—сырьемъ, Англія же уплачиваетъ прежде всего сырьемъ и полуфабрикатами. Прежній обмѣнъ былъ окончательнымъ, такъ какъ предметы первой необходимости шли на личное потребленіе въ Англіи, а фабрикаты въ Германіи; теперешній обмѣнъ—отнюдь не окончательный, такъ какъ сырье, которое Германія получаетъ отъ Англіи, служитъ не для поддержанія жизни, а для поддержанія производства. Оно должно служить для расширенія производства, чтобы цѣнность вывозимыхъ Германіей фабрикатовъ могла быть вполнѣ покрыта, такъ какъ цѣнность фабрикатовъ, по природѣ вещей, дороже цѣнности соотвѣтственнаго количества сырья. Чѣмъ больше развивается въ этомъ направленіи оборотъ Германіи съ Англіей, тѣмъ болѣе, при прочихъ равныхъ условіяхъ, должна расширяться ея промышленность, тѣмъ сильнѣе ея потребность въ вывозѣ фабрикатовъ, тѣмъ острѣе въ странѣ противоположность между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ, тѣмъ болѣе потребность ввоза предметовъ первой необходимости и необходимость вступать въ торговыя отношенія со страной, откуда

можно было бы получать ихъ въ обмѣнъ за фабрикаты. Какъ найденная кость даетъ возможность палеонтологу понять постройку всего организма, такъ экономисту торговое отношеніе двухъ націй, вырванное изъ общей связи мірового рынка, показываетъ, какого рода должны быть всѣ отношенія этихъ странъ—такъ органически связанъ міровой рынокъ. Съ другой стороны, чѣмъ больше германскій вывозъ становится вывозомъ фабрикатовъ, чѣмъ болѣе собственное производство покрываетъ внутренній рынокъ, тѣмъ болѣе Англія вынуждается покрыть этотъ вывозъ сырыми продуктами. Она вымѣниваетъ, какъ и раньше въ колоніяхъ, сырье за фабрикаты, но вмѣсто того, чтобы перерабатывать его дома и вымѣнивать полученные фабрикаты въ Германіи на предметы первой необходимости, она посылаетъ это сырье въ Германію, а фабрикаты получаетъ оттуда. Такъ какъ притекающій обратно въ Англію потокъ фабрикатовъ по цѣнности выше, чѣмъ вывозъ сырья, то приходится систематически увеличивать послѣдній. Затѣмъ, въ концѣ концовъ, Англія оказывается не въ состояніи сама потребить всѣ ввезенные фабрикаты, и приходится часть ихъ оттуда вывозить. Это констатируется германскимъ статистическимъ бюро: „фабрикаты, вывезенные германской таможенной территоріей въ Великобританію, часто опять вывозятся оттуда въ заокеанскія страны“. Это развитіе ни въ какомъ случаѣ не есть простое перемѣщеніе торговыхъ сношеній. Между Германіей и Остъ-Индіей стоитъ не просто англійскій купецъ: между ними стоитъ потребность Англіи въ сырьѣ и фабрикатахъ, короче—вся англійская промышленность. Здѣсь дѣло идетъ о вмѣшательствѣ и посредничествѣ одного національнаго капитала въ циклахъ оборотовъ другого и о вступленіи ихъ въ циркуляцію единаго общественнаго капитала, который не знаетъ никакихъ національныхъ или политическихъ рамокъ.

Торговый оборотъ между Германіей и Франціей указываетъ намъ на отношеніе двухъ однородныхъ національныхъ промышленностей.

Сахаровареніе и винокуреніе общи и Германіи и Франціи. Но это вовсе не уничтожаетъ ихъ взаимнаго обмѣна.

Общимъ для Германіи и Франціи является и извѣстное число другихъ производствъ. Поэтому взаимный ввозъ и вывозъ ихъ очень часто является въ видѣ однихъ и тѣхъ же продуктовъ. Такъ, напр., взаимно ввозятся и вывозятся шерстяныя матеріи, сукна, одинаковыя перчаточныя кожи, шелкъ - сырецъ, овечья шерсть, тонкіе кожевенные товары и т. п.

Поэтому торговый оборотъ очень разбросанъ: нѣтъ никакихъ крупныхъ группъ товаровъ. При общей стоимости французскаго товарнаго ввоза въ Германію (1893 г.) въ 241 милл. марокъ, цѣнность главнѣйшаго предмета ввоза—вина=16 милл. марокъ; со стороны Германіи въ томъ же году при 203 милл. марокъ стоимости вывоза во Францію, цѣнность главнаго предмета его—кокса равнялась 12 милл. марокъ. Обмѣнъ состоитъ изъ массы малыхъ группъ товаровъ, которыя приблизительно равны другъ другу по цѣнѣ. Цѣлыхъ 35 видовъ товаровъ было ввезено на суммы 1—2 милліона марокъ. Національное различіе французской и нѣмецкой промышленности почти исчезло. Торговый оборотъ приближается къ внутреннему обороту и, если этого не произошло еще вполнѣ, то этому мѣшаютъ только таможенныя стѣсненія.

Соединенные Штаты составляютъ тотъ дополнительный членъ для внѣшней торговли Германіи, на который мы уже указывали при изложеніи ея отношеній къ Англіи. И здѣсь мы можемъ удовольствоваться общей характеристикой, данной въ нѣмецкой оффиціальной статистикѣ. „Въ торговлѣ съ Соединенными Штатами предметомъ ввоза для германскаго таможеннаго союза служатъ, главнымъ образомъ, сырыя произведенія земледѣлія и горнопромышленности: хлопокъ, хлѣбъ, нефть, необработанные табачные листья, мѣдь; затѣмъ предметы скотоводства, какъ мясо, свиное сало.

„Напротивъ, Америка получаетъ изъ Германіи различные обработанные продукты, преимущественно фабрикаты текстильной промышленности, какъ чугунные товары, далѣе полушелковыя и шерстяныя ткани, затѣмъ сахаръ, перчатки и другіе продукты кожевенной промышленности“.

Это капиталистическій колоніальный обмѣнъ, только

колоніей служитъ не первобытная, но культурная страна. Поэтому предметы германскаго ввоза здѣсь тѣ же, какъ и для европейскаго потребленія. Вывозъ Германіи въ Соединенные Штаты составляетъ 11%, что вмѣстѣ съ вывозомъ въ Европу даетъ 87% всего германскаго вывоза. Изобразивши отношеніе Германіи и Европы къ Соединеннымъ Штатамъ, мы вполнѣ охарактеризовали ея положеніе на всемірномъ рынкѣ. Появленіе новообразованій на этомъ полѣ можно не принимать во вниманіе. Равнымъ образомъ, Сѣверную Америку можно разсматривать только какъ область сбыта, а не во всемъ ея промышленномъ и сельскохозяйственномъ развитіи.

Такимъ образомъ, относительно промышленности и торговли Германіи можно сказать, что она типична для европейскаго континента; это отчасти показало уже разсмотрѣніе торговыхъ отношеній Германіи съ Франціей. Для полноты картины бросимъ бѣглый взглядъ на внѣшнюю торговлю Франціи. Какъ въ Германіи, такъ и здѣсь вывозъ текстильныхъ фабрикатовъ составляетъ только 20% общей суммы. Кромѣ того Франція вывозитъ значительныя количества сырой шерсти и шелка-сырца. Видное мѣсто занимаютъ также сахаръ, спиртъ, какъ и въ Германіи, но сверхъ того—вино. Остальное состоитъ изъ другихъ предметовъ извѣстной намъ группы II нашего обзора: бумажные и кожанные товары, стекло и фарфоръ, затѣмъ особенно характерные для Франціи. ювелирныя издѣлія и мелкіе предметы роскоши. Какъ мы видимъ, и здѣсь качественный составъ вывоза соотвѣтствуетъ особенному характеру европейскаго сбыта. Ясно, что промышленность европейскаго материка, производящая на внутренній и общій европейскій рынокъ, должна имѣть другіе торгово-политическіе интересы, чѣмъ промышленность Англіи, которая производитъ для колоніальнаго рынка. Въ самомъ дѣлѣ, различіе въ направленіи промышленности рѣзко отражается въ видѣ различія торговой политики. Между тѣмъ какъ торговая политика Англіи направилась на открытіе внѣшнихъ рынковъ, торговая политика европейскихъ государствъ стремится прежде всего оградить внутренній рынокъ. Въ европейской таможенной

охранѣ выражается внутренняя связь капиталистическаго производства Европы, поэтому также связь между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ но все это, соотвѣтственно характеру капиталистическаго производства, въ видѣ противоположностей и противорѣчій.

Города и желѣзныя дороги.

Тогда какъ желѣзныя дороги, по своему происхожденію, всецѣло принадлежатъ современности, города, наоборотъ, имѣютъ позади себя вѣковую исторію. Однако города имѣютъ теперь ясно выраженный капиталистическій характеръ и существенно отличаются отъ городовъ предшествовавшихъ общественныхъ формъ. Дѣло не только въ томъ, что современные города гораздо болѣе дифференцированы, какъ справедливо указываетъ на это профессоръ К. Бюхеръ въ своемъ интересномъ трудѣ о внутреннихъ переселеніяхъ. Самое интересное есть типъ капиталистическаго крупнаго центра. Это большой городъ, съ сотнями тысячъ и милліонами жителей; онъ соединяетъ въ себѣ всѣ возможные виды дѣятельности и вырабатываетъ множество новыхъ видовъ, вступаетъ въ обширныя хозяйственныя связи, выходящія далеко за предѣлы страны; является самостоятельной хозяйственной организаціей на міровомъ рынкѣ, ведетъ собственное городское хозяйство, собственную финансовую политику; стремится къ неудержимому, безпредѣльному расширенію, ограничиваясь даже общими хозяйственными условіями только въ степени роста, а не въ самомъ ростѣ; но при всемъ этомъ онъ лишенъ основы всякаго общественнаго существованія—производства пищи и даже напротивъ—систематическимъ высасываніемъ, поглощеніемъ земледѣльческаго населенія, относительно уменьшаетъ въ странѣ этотъ классъ производителей.

Этотъ капиталистическій крупный городъ, одно изъ самыхъ важныхъ и замѣчательныхъ явленій капиталистическаго производства, остался до сихъ поръ, можно сказать,

совершенно неизслѣдованнымъ. Наука лучше изучила нѣмецкіе города среднихъ вѣковъ, чѣмъ города второй половины XIX столѣтія. А вѣдь тамъ приходится пользоваться лишь отрывочными лоскутками матеріаловъ, тогда какъ здѣсь подъ руками находится такая масса буквально подавляющаго статистическаго и описательнаго матеріала.

Въ одномъ только разница: чтобы понять капиталистическое развитіе городовъ, надо понять капиталистическое производство—для прежнихъ эпохъ такого знанія не было нужно. Здѣсь недостаточно рыться въ пыли архивовъ,—изслѣдуется не мертвое тѣло, которое можно положить на научный секціонный столъ. Приходится окунуться въ самый водоворотъ дѣйствительности и, находясь среди самой вѣчно измѣняющейся жизни, постигнуть, что такое эта жизнь.

Да простятъ намъ это отступленіе. Это жалоба писателя, который для рѣшенія практическихъ вопросовъ долженъ коснуться тѣхъ областей изслѣдованія, которыя только трудами другихъ могутъ быть разработаны съ такою научною глубиною, чтобы для писателя, разрабатывающему практическіе допросы, оставалось только брать готовые общіе выводы. Наша характеристика промышленнаго рынка имѣла бы чувствительный пробѣлъ, если бы мы не затронули роли городовъ и желѣзныхъ дорогъ при изображеніи внутренняго рынка. И только въ этомъ отношеніи объ нихъ и будетъ говориться.

Начинаемъ съ желѣзныхъ дорогъ. Можетъ показаться страннымъ, что мы разсматриваемъ ихъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія внутренняго обращенія. Однако несомнѣнная ихъ задача въ дѣйствительности такова: способствовать внутри страны обращенію между городами и сельскимъ населеніемъ. Относительно передвиженія людей это не требуетъ особыхъ доказательствъ; относительно товарнаго обращенія слѣдующія указанія будутъ служить поясненіемъ.

Изъ всего товарнаго движенія по германскимъ желѣзнымъ дорогамъ (въ 1891 г.=162 милл. тоннъ) на внутреннее обращеніе падало 137 милл. тоннъ. Изъ этой послѣд-

ней суммы, конечно, надо отчислить желѣзнодорожный подвозъ къ гаванямъ для экспорта, и товары поступившіе изъ-заграницы. Однако все товарное обращеніе между германскими желѣзными дорогами и гаванями не достигаетъ и 20 милл. тоннъ (въ 1891 г. около 18 милл.).

Въ числѣ 137 милл. тоннъ внутренняго обращенія по желѣзнымъ дорогамъ слѣдующія 3 группы товаровъ представляли главныя составныя части:

1. Средства отопленія 63,1 милл. тоннъ (въ томъ числѣ 51,6 милл. каменнаго угля).

2. Строительные матеріалы 20,3 милл. тоннъ (12,3 милл. камня для построекъ и мостовыхъ).

3. Хлѣбъ и картофель 6,4 милл. тонъ.

Итого 89,8 милл. тоннъ.

Несомнѣнно, эти три группы служатъ прежде всего потребностямъ городовъ. Но и изъ прочаго обращенія предметовъ питанія и промышленнаго сырья, конечно, львиная часть падаетъ на долю городовъ.

Подобное отношеніе очень понятно для такой страны, какъ Германія. Сельское населеніе состоитъ здѣсь изъ угнетеннаго, голоднаго крестьянства, которое нищенски живетъ, плохо одѣвается, ограничивается минимумомъ въ удовлетвореніи потребностей. Но есть еще и другое объясненіе. Всегда высоко цѣнился дешевый паровой транспортъ. При этомъ всегда подразумѣвается массовой транспортъ. Онъ сталъ возможенъ впервые благодаря желѣзнымъ дорогамъ. Безъ массовой перевозки желѣзныя дороги, по понятнымъ причинамъ, были бы слишкомъ дороги. Но массовый транспортъ необходимо требуетъ большихъ торговыхъ центровъ.

Такимъ образомъ, все стремится къ городамъ и отъ городовъ. Растутъ города — растутъ и ихъ потребности; растетъ городская промышленность — растетъ и желѣзнодорожное обращеніе. Города способствуютъ развитію желѣзныхъ дорогъ, а желѣзныя дороги, въ свою очередь, содѣйствуютъ развитію городовъ. Понятно какъ относительно первыхъ, такъ и относительно вторыхъ мы имѣемъ дѣло не съ одною причиною. Но сройте до основанія го-

рода — и желѣзныя дороги рушатся (понятно, рѣчь идетъ только о капиталистическихъ отношеніяхъ); устраните желѣзныя дороги — и города не будутъ въ состояніи существовать.

Слѣдующая таблица даетъ понятіе объ этой связи для Берлина.

За промежутокъ времени.	Протяженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, съ которыми Берлинъ вступилъ въ соединеніе.	Средній приливъ населенія на 1.000 наличныхъ жителей.
Отъ 1841—1850 гг.	941 килом.	18,1
„ 1851—1860 „	137 „	9,6
„ 1861—1870 „	684 „	32,8
„ 1871—1880 „	987 „	22,4

Конечно, не всегда соединеніе города съ новой желѣзной дорогой обусловливаетъ притокъ населенія къ этому городу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ опубликованное въ нѣмецкой статистикѣ, правда, очень неполное изслѣдованіе [1]) указываетъ для малыхъ городовъ на уменьшеніе относительнаго прироста, даже абсолютное уменьшеніе числа жителей, благодаря выселенію непосредственно послѣдовавшему за открытіемъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

Здѣсь происходила, при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ, задержка роста меньшихъ городовъ въ пользу концентраціи населенія въ большихъ центрахъ. Новѣйшія австрійскія работы по статистикѣ населенія указываютъ на этотъ процессъ вытѣсненія малыхъ городовъ большими въ еще болѣе рѣзкомъ свѣтѣ. Желѣзныя дороги благопріятствуютъ развитію не городовъ вообще, но прежде всего большихъ городовъ.

Чѣмъ больше развиваются желѣзныя дороги, тѣмъ болѣе концентрируется товарное обращеніе въ большихъ городахъ, гдѣ, въ концѣ-концовъ, образуется центръ тяжести всего внутренняго производства. Желѣзныя дороги

[1]) Monatshefte zur Statistik d. Deutschen Reichs, 1884, v. S. 9.

являются какъ бы густою сѣтью щупальцевъ, посредствомъ которыхъ большіе города притягиваютъ къ себѣ людей и товары со всей страны. Благодаря этому, развитіе производства тѣсно связано съ развитіемъ большихъ городовъ.

Но что такое эти *большіе города*? Какъ они живутъ? Чтобы дать отвѣтъ на эти вопросы, мы должны бросить взглядъ на городскую статистику профессій. Оффиціальная обработка данныхъ германской профессіональной переписи 1882 г. даетъ отдѣльную статистику большихъ городовъ (съ населеніемъ свыше 100 тыс.). По этимъ даннымъ процентное распредѣленіе населенія, самостоятельно поддерживающаго свое существованіе, было таково:

Отрасли занятій.	Въ большихъ городахъ.	Во всей Германіи.
A. Земледѣліе и лѣсоводство	1,1	40,4
B. Промышленность, включая горную и строительную	43,2	31,5
C. Торговля и сношенія, включая содержаніе гостинницъ.	20,4	7,8
D. Домашняя прислуга [1]).	15,7	8,3
E. Государственная и общественная служба и свободныя профессіи [2]).	10,3	5,0
F. Самостоятельно существующія лица, безъ профессіи [3]).	9,5	6,6

[1]) Главнымъ образомъ, домашняя прислуга. Оффиціальная статистика страннымъ образомъ не причисляетъ домашнюю прислугу къ «самостоятельно поддерживающимъ свое существованіе (Erwerbsfähige)», но причисляетъ къ нимъ солдатъ. Мы исправили это, причисливши домашнюю прислугу къ промышленнымъ классамъ. Поэтому наши процентныя отношенія не вполнѣ сходятся съ оффиціальными. Кромѣ того у насъ говорится не только о фактически-поддерживающихъ самостоятельно свое существованіе, но и къ тому способныхъ.

[2]) Въ томъ числѣ расположенные въ городахъ войска.

[3]) Какъ въ городахъ, такъ и во всей странѣ, главнымъ образомъ, рентьеры.

Какъ мы видимъ, недостатокъ сельско-хозяйственнаго производства въ городахъ не вознаграждается промышленностью. Нѣмецкіе большіе города вовсе не фабричные города; скорѣе ихъ можно было бы назвать торговыми городами, т.-е., рубрика С въ нихъ втрое сильнѣе выражена, чѣмъ во всей странѣ (даже съ отчисленіемъ содержателей гостинницъ отношеніе останется то же). Но одна торговая дѣятельность недостаточна, чтобы охарактеризовать въ хозяйственномъ отношеніи нѣмецкіе города.

Слѣдующее общее различіе бросается въ глаза: тогда какъ во всей странѣ 72% всѣхъ самостоятельно поддерживающихъ свое существованіе относится къ земледѣлію и промышленности, т.-е. къ производству предметовъ потребленія, въ большихъ городахъ ихъ всего 43% [1]). Пусть дѣятельность другихъ классовъ городского населенія такъ же общественно полезна, но все же она основывается на томъ, что предметы потребленія производятся для нихъ другими. Они выступаютъ въ экономическомъ смыслѣ какъ потребители, но не какъ производители. Насколько дѣло идетъ объ этихъ 57% городского населенія, обмѣнъ между большимъ городомъ и деревней является одностороннимъ: городъ получаетъ товары, но не отдаетъ товаровъ взамѣнъ ихъ.

Представляетъ ли дѣятельность остальныхъ 43% достаточное возмѣщеніе за эту односторонность? Мы сейчасъ это разберемъ.

Общее число всѣхъ занятыхъ собственно промышленной дѣятельностью въ большихъ городахъ достигало 744.534. Въ числѣ ихъ занятій есть много отраслей, служащихъ исключительно потребностямъ самихъ большихъ городовъ.

---

[1]) Даже каждый отдѣльный нѣмецкій большой городъ давалъ въ 1882 году приблизительно равное отношеніе. Такъ соотвѣтственный % достигалъ: въ Берлинѣ—50,8, Гамбургѣ—40,8, Бреславлѣ—41,5, Мюнхенѣ—40,4, Дрезденѣ—41, Лейпцигѣ—41,4, Кёльнѣ—41, Кенигсбергѣ—30,8, Франкфуртѣ-на-Майнѣ—35,7, Ганноверѣ—45, Штуттгартѣ—42,5, Бременѣ—44, Данцигѣ—36,7, Страсбургѣ—40,3 Нюрнбергѣ—51,3.

Такова строительная промышленность съ ея вспомогательными отраслями; затѣмъ такія отрасли, какъ газовое освѣщеніе, водоснабженіе, — обусловленныя только существованіемъ большихъ городовъ; затѣмъ такія занятія, какъ булочники, мясники и т. п.—вообще посвященныя удовлетворенію непосредственныхъ жизненныхъ потребностей; сюда принадлежатъ аптекари и, наконецъ, производства, занятіе которыми, по большей части, нераздѣльно съ мѣстожительствомъ покупателей, какъ напр., фотографія. Эти всѣ занятія, понятно, не имѣютъ никакого или почти никакого знанія въ смыслѣ экспорта товаровъ изъ города въ деревню. Сосчитавши общую сумму занятыхъ всѣми этими отраслями, найдемъ большое число 239.176 чел.=13,7% всѣхъ самостоятельно поддерживающихъ свое существованіе. Такимъ образомъ на долю вывозящихъ товары изъ города останется только 29,5% (43,2%—13,7%=29,5%).

Но и эти 30% ни въ какомъ случаѣ не производятъ, главнымъ образомъ, для внѣшняго потребленія. Напротивъ, между ними есть занятія, которыя въ значительной степени служатъ потребностямъ большихъ городовъ. Чтобы сдѣлать возможнымъ дальнѣйшее сравненіе, мы разсчитали, сколько жителей, въ среднемъ, въ большихъ городахъ и во всей странѣ приходится на одного занятого въ извѣстной группѣ промышленности.

Группы промышленности.	Число жителей, приходящееся на 1 занятого въ промышленности.	
	Въ 15 городахъ.	Во всей странѣ.
Горнозаводская промышленность	490	103
Производство изъ камня и глинъ	281	136
Текстильная промышленность	101	53
Обработка желѣза	97	99
Предметы необходимости и удовольствія.	46	68
Предметы одежды и забота о чистотѣ.	15	34

Переработка металловъ (кромѣ желѣза)	177	632
Машины, инструменты и т. д.	53	158
Химическая промышленность	186	511
Бумага и кожи.	78	206
Деревянныя и рѣзныя вещи.	51	86
Полиграфическія производства	108	650
Художественная промышленность	512	1.892

Чѣмъ меньше число жителей, приходящееся на одного занятого промышленностью, тѣмъ сильнѣе представлена соотвѣтственная отрасль промышленности. Наша таблица показываетъ, что въ большихъ городахъ горное дѣло, производство изъ земель и камня, текстильная промышленность представлены вообще слабѣе, чѣмъ во всей странѣ, слѣдовательно здѣсь надо скорѣе ждать привоза, чѣмъ вывоза товаровъ. Для Берлина это и фактически можно показать статистикой передвиженія товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Обработка желѣза распредѣлена равномѣрно. Производство предметовъ необходимости и удовольствія въ городахъ хотя значительнѣе, но это объясняется большею потребностью городовъ въ этихъ продуктахъ. Уже не въ такой степени относится это къ производству одежды и поддержанію чистоты [1]). И только затѣмъ уже слѣдуютъ тѣ отрасли промышленности большихъ городовъ, которыя разсчитаны на отправку за ихъ предѣлы.

Городскія экспортныя отрасли промышленности занимаютъ всѣ вмѣстѣ 251.000 человѣкъ, что составляетъ 14,4% всего числа самостоятельно поддерживающихъ свое существованіе. Поэтому мы сдѣлаемъ даже черезчуръ высокую оцѣнку, если примемъ, что изъ общаго числа добывающихъ

[1]) Для отдѣльныхъ городовъ, какъ Берлинъ, производство готоваго платья составляетъ значительную отрасль экспорта.

средства къ жизни въ городахъ 10% заняты тѣмъ, что производятъ товары для обмѣна за полученные изъ деревни предметы потребленія.

Теперь общая хозяйственная картина нѣмецкихъ городовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

56% всего самостоятельнаго населенія не производятъ ничего.

34% производятъ индустріальные товары для этихъ 56% и для себя,

10% доставляютъ товары для обмѣна за сельско-хозяйственные продукты и недостающіе продукты обрабатывающей промышленности, получаемые изъ деревни. Въ деревнѣ же изъ каждыхъ ста жителей 40 необходимы, чтобы покрыть потребность въ сельско-хозяйственныхъ продуктахъ. Предметы, требующіе труда четырехъ десятыхъ, и даже болѣе того, всего числа сельскихъ жителей, должны быть обмѣнены на продукты работы одной десятой части жителей большихъ городовъ. Явно, это невозможно, какъ массовое явленіе. Такимъ образомъ, города должны получать товаровъ отъ деревни больше, чѣмъ отдавать ей, а разницу оплачивать деньгами. Мы не обладаемъ статистикой внутренняго товарнаго обращенія. Но для предположеннаго нами достаточную иллюстрацію даетъ статистика вѣса товаровъ. Такъ въ 1894 году Берлинъ получилъ черезъ желѣзныя дороги 4,4 милл. тоннъ товаровъ, а отправилъ 800 тыс.; Бреславль получилъ 2,5 милл. тоннъ, а отослалъ 500 тыс. Это опять бросаетъ свѣтъ на роль желѣзныхъ дорогъ: онѣ служатъ не только посредниками во взаимномъ обмѣнѣ, но составляютъ средства подвоза къ городамъ.

Но откуда берутъ города деньги для уплаты за недостающіе для ихъ потребленія товары. На это опять намъ отвѣтитъ распредѣленіе занятій ихъ жителей.

Прежде всего торговля, несоразмѣрно сильно развитая въ городахъ, приноситъ туда, въ видѣ денегъ, часть прибавочной стоимости, произведенной внѣ городовъ. Сюда надо включить и кредитное обращеніе при посредствѣ банковъ, такъ какъ оно даетъ прибыль соотвѣтственнымъ учрежденіямъ. Второй источникъ денегъ это—содержаніе чиновни-

ковъ, которое получается при посредствѣ налоговъ. Третій источникъ есть тотъ доходъ, который получаютъ рентьеры отъ своихъ имуществъ. Эти денежныя поступленія лишь настолько увеличиваютъ, сравнительно съ деревнею, покупательную силу городовъ, насколько они не вытекаютъ изъ распредѣленія произведенной въ городахъ прибавочной стоимости, но достаются городамъ извнѣ, т. е. (оставаясь на почвѣ внутренняго общенія), притекаютъ изъ деревни. Это деньги, полученныя изъ деревни, и ими города покупаютъ у деревни товары для удовлетворенія своихъ излишнихъ потребностей.

По саксонской статистикѣ доходовъ 14% всѣхъ городскихъ доходовъ состоятъ изъ рентъ, а въ деревняхъ всего 9%. Но эти числа еще не показываютъ настоящихъ отношеній. Именно, саксонская статистика приводитъ въ городахъ еще доходъ отъ земельной собственности, какъ особый источникъ дохода, тогда какъ онъ представляется въ городахъ производнымъ доходомъ, который, въ видѣ процента за наемъ квартиръ, падаетъ на другіе виды дохода и менѣе всего на доходы отъ рентъ. Если мы уменьшимъ на эту сумму общій доходъ, то разумѣется процентное отношеніе рентныхъ доходовъ возрастетъ. Рентный доходъ распадается, въ свою очередь, на двѣ большія группы: доходъ отъ государственныхъ долговъ и доходъ отъ гипотекъ. И государственные доходы и гипотеки дѣлаютъ деревню данницею большихъ городовъ.

Такимъ образомъ, города являются какъ бы резервуарами, въ которые стекаются потребленіе и деньги. Прибавочная стоимость попадаетъ сюда, чтобы отчасти быть потребленной какъ доходъ, отчасти, посредствомъ кредитныхъ учрежденій, опять вступить въ производство. Вотъ почему здѣсь также находится мѣстопребываніе биржи.

При посредствѣ биржи завязываются отношенія, которыя распространяются гораздо дальше, чѣмъ внутренняя сѣть желѣзныхъ дорогъ. Теперь прибавочная стоимость изъ самыхъ отдаленныхъ странъ достигаетъ большого города, обращается здѣсь, раздѣляется на доходъ потребляемый и доходъ, обращаемый въ капиталъ, и начинаетъ два

различныхъ круговорота. Большой городъ разламываетъ яичную скорлупу національности и становится узловымъ пунктомъ мірового рынка.

Производя операціи съ космополитическимъ капиталомъ, онъ противопоставляетъ себя своей собственной странѣ.

Всякія національныя границы производства исчезаютъ: съ однимъ нажатіемъ ручки телеграфнаго аппарата являются деньги, средства производства, сырье, рабочіе изъ отдаленнѣйшихъ странъ. И какъ производство становится міровымъ производствомъ, такъ городъ становится міровымъ городомъ.

Но не всякій городъ можетъ сдѣлаться центральнымъ пунктомъ на міровомъ рынкѣ, и на пути къ этому высшему развитію товарнаго обращенія и накопленію капитала, являются различныя фазы и формы развитія.

Вообще можно отличить три формы капиталистическихъ городовъ, которыя, въ свою очередь, могутъ явиться тремя стадіями развитія одного и того же города.

I. Торговые и промышленные города, доставляющіе деревенскому населенію иностранные товары и продукты внутренней промышленной дѣятельности населенія страны. Ихъ необходимой чертой является большой вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Самый чистый типъ ихъ можно наблюдать въ Америкѣ.

II. Фабричный городъ, концентрирующій въ себѣ, по большей части, одну опредѣленную отрасль промышленности. Онъ предполагаетъ, главнымъ образомъ, колоніальный сбытъ. Во всякомъ случаѣ онъ требуетъ, чтобы таковой былъ болѣе, чѣмъ спорадическимъ явленіемъ. Этотъ родъ городовъ совершеннѣе всего развился въ Англіи.

III. Большой городъ, какъ центръ потребленія и накопленія денегъ. Такую форму городовъ выработало сравнительно рано капиталистическое развитіе Германіи, которой не суждено было имѣть ни сельско-хозяйственнаго вывоза, господствующаго надъ всей хозяйственной жизнью, ни области колоніальнаго сбыта. Такому характеру развитія благопріятствовали особенности прусско-германскаго чиновничьяго и гарнизоннаго государства, особенности, которыя, въ свою очередь, получаютъ опору въ такомъ ходѣ развитія.

Нѣмецкіе большіе города оказываютъ въ высшей степени революціонное вліяніе на нѣмецкое сельское хозяйство. Посредствомъ капиталистическихъ отношеній, которыя вмѣстѣ съ ними вторгаются въ деревню, они разрушаютъ ея натуральное хозяйство. Они образуютъ первую область сбыта для отраслей промышленности, связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ. Но они же доставляютъ и капиталъ, чтобы развивать эти отрасли промышленности. Въ концѣ-концовъ, посредствомъ товарнаго и кредитнаго обращенія они связываютъ тѣснѣйшимъ образомъ судьбу сельскаго хозяйства съ своей собственной судьбой. Прошли тѣ времена, когда сельское хозяйство составляло хозяйственную основу государства. Города могутъ теперь существовать и безъ отечественнаго сельскаго хозяйства. Но безъ городовъ невозможно сельское хозяйство. Нельзя выводить развитія городовъ изъ развитія сельскаго хозяйства, но уже нельзя теперь понять процесса развитія сельскаго хозяйства, если не принимать во вниманіе развитія городовъ.

Характеристикой городовъ и желѣзныхъ дорогъ мы пока заканчиваемъ разсмотрѣніе индустріальныхъ отношеній, чтобы обратиться къ сельскому хозяйству.

Аграрныя противорѣчія.

Сельско-хозяйственныя отношенія представляютъ въ настоящее время множество противорѣчащихъ другъ другу явленій. Мы укажемъ вкратцѣ на нѣкоторыя изъ этихъ противорѣчій, прежде чѣмъ дать положительное изложеніе сельско-хозяйственнаго развитія.

1. Мы слышимъ жалобы на иностранную конкурренцію въ производствѣ хлѣба, которая давитъ на рынокъ. Такими конкуррентами являлись до самаго послѣдняго времени Россія и Соединенные Штаты. На дѣлѣ ихъ конкурренція была такъ сильна, что она смѣялась надъ всякими таможенными ограниченіями. И тѣмъ не менѣе въ 1891 г. мы видѣли, какъ

Россія дохозяйничалась до голода. И Соединенные Штаты, могущественнѣйшій изъ конкуррентовъ по ввозу пшеницы, несмотря на то, что населеніе этой страны увеличилось на 25% и относительная сумма производства осталась прежней, за послѣдніе 15 лѣтъ не расширили своей площади посѣва пшеницы, а напротивъ, уменьшили ее.

2. Міровое производство зерновыхъ продуктовъ, въ особенности европейское и производство важныхъ для европейскаго рынка странъ, взятое вмѣстѣ, не указываетъ за послѣдніе годы ни на какое абсолютное увеличеніе; напротивъ, оно уменьшается сравнительно съ числомъ населенія. Также издержки производства не уменьшились ни въ Соединенныхъ Штатахъ, ни въ Европѣ (съ 1885 г. и фрахты въ Соединенныхъ Штатахъ остались безъ измѣненія). И тѣмъ не менѣе хлѣбныя цѣны падаютъ.

3. Если взять болѣе крупные періоды, то для Германіи окажется, что, несмотря на паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, потребленіе хлѣба уменьшается

4. Хотя хлѣбныя цѣны падаютъ, и потребленіе на душу населенія уменьшается, тѣмъ не менѣе внутреннее хлѣбное обращеніе въ Германіи увеличивается.

Эти аграрныя противорѣчія разрѣшаются сами собою, если поставить сельско-хозяйственное развитіе въ связь съ общимъ развитіемъ капиталистическаго производства. Сельско-хозяйственное товарное обращеніе само по себѣ, безъ связи съ промышленностью и съ капиталистическимъ міровымъ производствомъ такъ же мало понятно, какъ кровообращеніе безъ пониманія дѣятельности сердца и процесса дыханія.

Промышленность и сельское хозяйство.

Прежде всего слѣдуетъ выяснить общую связь между промышленнымъ развитіемъ и развитіемъ капиталистическаго сельскаго хозяйства. Это не представляетъ болѣе особыхъ трудностей послѣ того, какъ появился третій томъ „Капитала“ Карла Маркса.

А. Вліяніе промышленнаго развитія на хлѣбныя цѣны.

Хлѣбныя цѣны могутъ подыматься при неизмѣнной площади посѣва, неизмѣнномъ населеніи и даже неизмѣнномъ производствѣ хлѣба—единственно вслѣдствіе развитія промышленности.

Мы объяснимъ это положеніе на абстрактномъ примѣрѣ. Мы предполагаемъ полное развитіе капиталистическихъ отношеній въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ. При такихъ обстоятельствахъ въ странѣ существуютъ только наемные работники и капиталисты: промышленные и землевладѣльцы. Далѣе мы предполагаемъ, что работники получаютъ плату только въ деньгахъ. Это не самый легкій случай, а напротивъ, представляетъ для анализа наибольшія трудности.

Примемъ, что въ этой странѣ, чтобы она не нуждалась въ сельско-хозяйственномъ ввозѣ, общественное производство распредѣлено такъ, что одинъ милліонъ работниковъ занятъ въ сельскомъ хозяйствѣ и одинъ милліонъ въ промышленности. Этотъ милліонъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ производитъ, слѣдовательно, пищевые продукты, которые необходимы для поддержанія жизни всего общества. Для большей легкости мы принимаемъ вмѣсто пищевыхъ продуктовъ главнѣйшій изъ нихъ—хлѣбъ. Предположимъ еще площадь посѣва, достигающую одного милліона гектаровъ—число безразлично. Въ этой странѣ будетъ теперь опредѣленная цѣна хлѣба, образовавшаяся на основаніи общихъ законовъ цѣнности и ренты. Предположимъ теперь, что вслѣдствіе развитія мірового рынка въ промышленности этой страны является *болѣе сильная потребность* въ рабочихъ. Тогда, при наступающемъ процвѣтаніи промышленности, часть сельско-хозяйственныхъ рабочихъ *будетъ отнята* отъ земледѣлія.

Резервная армія не измѣняетъ ничего въ данномъ случаѣ. Во-первыхъ, опредѣленный классъ безработныхъ всегда долженъ быть на лицо. Онъ порождается внутренними отношеніями промышленности—такими, какъ сезонная

работа, срочные заказы и т. п. Затѣмъ, чѣмъ больше резервная армія поглощается, тѣмъ болѣе растетъ заработная плата (этимъ доказывается, что существуетъ относительный недостатокъ въ рабочихъ). Съ возвышеніемъ заработной платы въ промышленности потокъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ долженъ направиться къ фабрикамъ, даже если оставить въ сторонѣ обычное различіе въ заработной платѣ между сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью. Въ концѣ-концовъ вѣдь это тенденція капиталистической промышленности—развиваться безпредѣльно. Поэтому, если накопляется капиталистически излишняя резервная армія, то это доказательство недостаточнаго развитія мірового рынка. Изъ этого можно было бы уже получить требуемое объясненіе, разъ мы еще только бѣгло говоримъ объ общей связи. Сверхъ того надо еще замѣтить, что эмиграція представляетъ капиталистическій регуляторъ резервной арміи.

Если мы предположимъ, что число промышленныхъ рабочихъ увеличится до 1.200.000, то за земледѣліемъ останется только 800.000. Если производительная сила труда остается та же самая, то эти 800 тысячъ не могутъ болѣе обработать прежнюю площадь посѣва въ милліонъ гектаровъ. Капиталистическіе арендаторы и землевладѣльцы станутъ тогда жаловаться на „стремленіе въ городъ“, недостатокъ рабочихъ рукъ и высокую заработную плату (теперешнія жалобы прусскихъ юнкеровъ имѣютъ другое основаніе, о которомъ будетъ сказано ниже), и въ странѣ возникнетъ недостатокъ въ хлѣбѣ. (Надо помнить, что мы предполагаемъ чисто капиталистическія отношенія, при которыхъ все крестьянство уже давно экспропріировано и пролетаризовано).

Недостатку хлѣба можно было бы помочь ввозомъ. Но это уже предполагаетъ повышеніе цѣны на хлѣбъ, иначе нельзя понять, отчего этотъ ввозъ уже раньше не имѣлъ мѣста. Степень возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ можетъ, конечно, быть обусловлена иностраннымъ ввозомъ. Мы можемъ однако, совершенно не обращать вниманія на ввозъ хлѣба изъ-за границы, потому что или эта другая страна стоитъ

на другой ступени капиталистическаго развитія, а этимъ уничтожалось бы наше предположеніе чисто капиталистическаго производства, или она стоитъ на одинаковой ступени развитія, но имѣетъ другое распредѣленіе общественнаго труда на промышленный и земледѣльческій, и тогда явилась бы необходимость измѣнить условія нашего примѣра, чѣмъ онъ, конечно, не измѣнился бы нисколько по существу; или, наконецъ, эта другая страна вполнѣ подобна странѣ, взятой для нашего примѣра, и тогда торговыя отношенія уже совершенно не могутъ ничего измѣнить.

Чтобы предупредить неправильное пониманіе, можно было бы еще упомянуть, что мы совершенно не утверждаемъ, будто хлѣбныя цѣны образуются только внутри страны. Дѣло идетъ не объ образованіи цѣнъ вообще, но лишь объ одномъ опредѣленномъ случаѣ возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ, какъ это ближе было охарактеризовано во вступленіи. И лишь этотъ случай, мы повторяемъ это, объясняется на нашемъ абстрактномъ примѣрѣ [1]).

Остается только или усилить интенсивность полевыхъ культуръ, чтобы 800 тыс. гектаровъ доставляли теперь

---

[1]) Два обстоятельства затрудняютъ изслѣдованіе фактическихъ условій развитія капиталистическаго мірового хозяйства: во-первыхъ то, что мы въ каждый данный моментъ имѣемъ дѣло съ различающимися другъ отъ друга ступенями и формами развитія; во-вторыхъ то, что эти отдѣльныя различія не могутъ быть поняты сами по себѣ, такъ какъ въ нихъ проявляются общіе законы капиталистическаго производства. Такимъ образомъ, задача состоитъ въ томъ, чтобы, отвлекаясь отъ особенностей, находить общіе законы, и затѣмъ уже, на основаніи найденныхъ законовъ, объяснять особенности. Карлъ Марксъ въ своемъ «Капиталѣ» окончательно рѣшилъ первую задачу. Онъ высказываетъ какъ здѣсь, такъ и въ другихъ трудахъ блестящіе взгляды также и относительно положенія и развитія отдѣльныхъ странъ. То же можно сказать и относительно Фридриха Энгельса. Но многое въ ихъ трудахъ еще не полно, многаго они оба еще и не могли изслѣдовать, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы объяснить все далѣе и далѣе измѣняющуюся жизнь. Теорія не дѣлаетъ излишней дальнѣйшую умственную работу — она только укрѣпляетъ умъ и вооружаетъ его на новыя битвы.

столько же хлѣба, какъ прежде милліонъ; или же возвысить производительность труда, напримѣръ, введеніемъ новыхъ машинъ, такъ чтобы 800 тыс. работниковъ могли обработать милліонъ гектаровъ земли; или же, что само собою понятно, комбинировать оба способа. Разъ теперь производство недостающаго хлѣба связано, хотя бы только отчасти, съ бо̀льшими капитальными затратами, слѣдовательно и съ бо̀льшими издержками производства, чѣмъ тѣ, которыя до тѣхъ поръ регулировали цѣну хлѣба — ц ѣ н а х л ѣ б а п о в ы с и т с я. Будутъ ли бо̀льшія капитальныя затраты произведены на машины, на удобреніе, на меліораціи, или же будутъ введены новые способы производства, или старые будутъ примѣнены тамъ, гдѣ они не примѣнялись раньше—это нисколько не измѣняетъ дѣла въ качественномъ отношеніи. Количественно, т.-е. на высоту разницы въ цѣнахъ могутъ оказывать вліяніе различныя обстоятельства. Можетъ случиться, что благодаря улучшеніямъ въ земледѣліи возвысится спросъ на индустріальные продукты промышленности и произойдетъ дальнѣйшее повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, пока не наступитъ равновѣсіе между сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью. Въ политической экономіи, какъ и въ природѣ, бываютъ только взаимодѣйствія.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь а б с т р а к т н ы й случай возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ, несмотря на то, что 1) населеніе остается прежнимъ, 2) производство тоже, 3) площадь посѣва не измѣняется или даже уменьшается.

Чтобы приблизить нашъ абстрактный примѣръ къ дѣйствительности, введемъ промежуточный членъ и предположимъ, что сельско-хозяйственные работники отчасти вознаграждаются in natura.

Въ нашемъ первомъ случаѣ весь хлѣбъ шелъ на рынокъ. Предложеніе и спросъ состояли съ одной стороны въ массѣ произведеннаго хлѣба, съ другой—въ общемъ числѣ потребляющаго населенія (на капиталистическомъ рынкѣ принимается во вниманіе, разумѣется, не просто потребность, но и покупательная сила). При происшедшемъ измѣненіи въ распредѣленіи общественнаго труда все-таки еще вся жатва

шла на рынокъ, только въ началѣ она стала меньше, чѣмъ до тѣхъ поръ.

Иначе въ нашемъ второмъ случаѣ. Масса хлѣба, достигающая рынка, равняется всей жатвѣ, за исключеніемъ части, потребленной in natura производителями. Рыночный спросъ, напротивъ, равняется только потребностямъ индустріальнаго населенія. Если считать доходъ съ гектара равнымъ одной тоннѣ, то въ первомъ случаѣ предложеніе въ одинъ милліонъ тоннъ противостояло спросу двухъ милліоновъ людей, если мы будемъ считать потребителями только рабочій классъ, что можно сдѣлать для простоты. Во второмъ же случаѣ предложеніе въ 500 тыс. тоннъ стоитъ противъ спроса милліона людей. Какъ мы видимъ, только количества другія, а отношеніе въ обоихъ случаяхъ остается одно и то же, именно 1 : 2 [1]).

Цѣнность хлѣба не зависитъ отъ того, будутъ ли земледѣльческіе работники получать плату натурой или деньгами. Это видно изъ того, что арендаторъ или землевладѣлецъ, вычисляя цѣну производства, долженъ или вычесть изъ всей суммы жатвы ту часть ея, которая отдана рабочимъ, или же прибавить денежную цѣнность послѣдней къ заработной платѣ. Но при образованіи рыночной цѣны часть хлѣба, идущая рабочимъ in natura такъ же мало принимается во вниманіе, какъ и зерно, оставленное для посѣва или отданное въ кормъ скоту. Она оказываетъ пассивное вліяніе на спросъ и предложеніе, уменьшая то и другое на соотвѣтствуемую сумму. Но въ тотъ моментъ, когда спросъ и предложеніе стоятъ другъ противъ друга на рынкѣ, эти in natura потребленныя количества перестаютъ играть роль. Мы вскорѣ увидимъ, какое вліяніе это оказываетъ.

Въ нашемъ второмъ случаѣ отношеніе рыночнаго спроса

---

[1]) Это выраженіе ирраціонально, такъ какъ одинъ разъ говорится о массѣ хлѣба, а другой—о числѣ населенія. Правильное выраженіе было бы такое: отношеніе стоимости, доставленной на рынокъ, къ требуемой стоимости. Но подстановка раціональнаго понятія только ненужно усложнила бы расчетъ.

къ рыночному предложенію, какъ мы уже упомянули, такое же, какъ и въ первомъ случаѣ=1 : 2.

Представимъ себѣ теперь такое же измѣненіе производственныхъ отношеній, какъ и въ первомъ случаѣ: количество промышленныхъ рабочихъ увеличится до 1.200.000, а земледѣльческихъ уменьшится до 800 тысячъ. Какъ установится теперь положеніе рынка?

800 тыс. работниковъ на 800 тыс. гектаровъ производятъ только 800 тыс. тоннъ хлѣба. Изъ нихъ земледѣльческіе работники удерживаютъ въ видѣ натуральной платы при той же нормѣ заработка, 400 тыс. тоннъ. До рынка доходитъ 400 тыс. тоннъ, которымъ противостоитъ возросшій спросъ 1.200.000 промышленнаго населенія.

Отношеніе рыночнаго предложенія къ рыночному спросу, выражая послѣднее въ числѣ представителей спроса, составляетъ теперь 4 : 12 или 1 : 3.

Если мы постараемся теперь привести въ сравнимыя числа тѣ измѣненія въ рыночныхъ отношеніяхъ, которыя проявляются въ разсматриваемыхъ нами измѣненіяхъ производственныхъ отношеній, то получимъ слѣдующее:

Первый случай.	Предложеніе хлѣба. Тонны.	Спросъ хлѣба. (Число спрашивающихъ).	Отношеніе на рынкѣ.
(При денежной платѣ). прежде.	1.000.000	2.000.000	2 : 4
(При денежной платѣ). теперь.	800.000	2.000.000	2 : 5
Второй случай.			
(При натуральной платѣ). прежде.	500.000	1.000.000	2 : 4
(При натуральной платѣ). теперь.	400.000	1.200.000	2 : 6

Тогда какъ въ первомъ случаѣ, при денежной платѣ, отношеніе на рынкѣ измѣняется отъ 2 : 4 до 2 : 5; во второмъ случаѣ, при натуральной платѣ—отъ 2 : 4 до 2 : 6, т.-е. при натуральной платѣ, вслѣдствіе измѣненія въ распредѣленіи общественнаго труда, рыночное отношеніе измѣняется болѣе въ пользу спроса, чѣмъ при денежной платѣ. Ясно — почему. При денежной платѣ на рынкѣ уменьшается только предложеніе, тогда какъ спросъ, выраженный въ числѣ населенія остается неиз-

мѣнным, — при натуральной платѣ не только уменьшается предложеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и спросъ на рынкѣ, такъ какъ онъ представляется возросшимъ промышленнымъ населеніемъ. Мы видимъ, что въ этомъ случаѣ, оставляя изъ вида различныя его видоизмѣненія, подъ вліяніемъ промышленнаго развитія еще скорѣе возникаетъ повышеніе цѣны хлѣба. Примемъ теперь, что недостающее въ земледѣліи число рабочихъ можетъ быть возмѣщено извнѣ, — какимъ образомъ — это для насъ теперь безразлично. Теперь, при той же площади посѣва и интенсивности культуры, противъ предложенія въ 500 тыс. тоннъ будетъ стоять спросъ 1.200.000 человѣкъ. Предложеніе остается неизмѣннымъ, но спросъ увеличился. Въ то же время является увеличеніе населенія, но это увеличеніе не есть причина возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ, но наоборотъ, оно обусловлено этимъ возвышеніемъ. Одинъ важный моментъ отличаетъ этотъ случай отъ предыдущаго: здѣсь нѣтъ необходимости ни въ какомъ повышеніи заработной платы, чтобы объяснить повышеніе цѣны хлѣба. Плата земледѣльческимъ рабочимъ можетъ даже пасть, если новые явившіеся въ страну рабочіе имѣютъ низшія потребности, и это паденіе сельско-хозяйственной заработной платы можетъ повести къ паденію платы и въ промышленности, если подъ давленіемъ пониженія платы часть сельско-хозяйственныхъ рабочихъ устремится на фабрики. Подобнымъ образомъ происходило развитіе и въ дѣйствительности.

Намъ остается еще послѣдній промежуточный членъ— крестьянство. Его надо разсматривать въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ источникъ притока рабочихъ. Въ этомъ отношеніи дѣло уже разъяснено. Различіе состоитъ лишь въ томъ, что при пополненіи числа сельско-хозяйственныхъ рабочихъ изъ крестьянства, не является никакого увеличенія населенія. Во-вторыхъ, крестьянина надо разсматривать, какъ самостоятельнаго сельско-хозяйственнаго производителя.

Относительно послѣдняго пункта надо замѣтить слѣдующее: крестьянство не однородно. Изъ общей массы должно быть прежде всего выдѣлено американское

Всесоюзная библиотека

фермерство. Оно проходитъ процессъ своего развитія и ведетъ производство при условіяхъ жизни капиталистической колоніи. Поэтому его надо изслѣдовать въ другой связи. Крестьянинъ европейскаго материка, для котораго законъ капиталистической ренты проявляется въ цѣнѣ земли, ведетъ производство при тѣхъ же условіяхъ, какъ и капиталистическій землевладѣлецъ. Разъ онъ держитъ слугъ и имѣетъ наемныхъ работниковъ, онъ такъ же терпитъ отъ отлива рабочихъ на фабрику, какъ и послѣдній. Кромѣ обыкновенныхъ капиталистическихъ средствъ къ увеличенію производства хлѣба, ему представляется еще одно—уменьшеніе собственнаго потребленія. Но этому менѣе всего способствуетъ возвышеніе цѣны хлѣба, напротивъ, какъ продавецъ, онъ получаетъ отъ этого свою выгоду, какъ и всякій другой. Поэтому конкурренція европейскаго крестьянства рѣзко проявляется только тогда, когда хлѣбныя цѣны падаютъ.

Вліяніе промышленнаго развитія на хлѣбныя цѣны не уничтожаетъ общаго закона образованія хлѣбной цѣны и земельной ренты. По этому закону цѣну опредѣляютъ издержки производства хлѣба, произведеннаго при самыхъ худшихъ природныхъ условіяхъ, если это производство необходимо для покрытія потребности. Въ предѣлахъ, поставленныхъ потребностью, дѣйствуетъ общій законъ образованія цѣны и земельной ренты. На рынкѣ имѣетъ значеніе только потребность въ товарахъ. Это общее явленіе и сельско-хозяйственные продукты не составляютъ исключенія. Основанія опредѣленія потребностей капиталистическаго рынка въ хлѣбѣ, опредѣляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ образованіе хлѣбныхъ цѣнъ, такъ какъ они опредѣляютъ наименьшій предѣлъ обрабатываемыхъ земель.

Эти основанія, какъ вообще основанія опредѣленія спроса и предложенія, принадлежатъ къ ученію о конкурренціи, которое, выходя за предѣлы плана „Капитала“, не было отдѣльно развито К. Марксомъ [1]). Но только что приведен-

[1]) Такимъ образомъ это до сихъ поръ непочатый уголъ. Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ трудятся на этомъ полѣ ученики «австрій-

ный общій законъ образованія рыночной цѣны и его дѣйствіе при образованіи цѣны хлѣба и ренты выясненъ имъ съ глубиною и ясностью съ разныхъ сторонъ. Вотъ мѣсто наиболѣе многозначительное для сельскаго хозяйства: „Рента и вмѣстѣ съ нею цѣна земли, если мы говоримъ только о собственно-земледѣльческой рентѣ, развиваются вмѣстѣ съ рынкомъ для продуктовъ земледѣлія и потому вмѣстѣ съ ростомъ неземледѣльческаго населенія; съ ростомъ его потребностей и его спроса отчасти на пищевые продукты, отчасти на сырые матеріалы. Въ природѣ капиталистическаго способа производства лежитъ то, что оно систематически уменьшаетъ земледѣльческое населеніе въ отношеніи къ неземледѣльческому, такъ какъ въ промышленности (въ тѣсномъ смыслѣ) ростъ постояннаго капитала въ отношеніи къ перемѣнному связанъ съ абсолютнымъ ростомъ, но съ относительнымъ уменьшеніемъ перемѣннаго капитала; въ то же время въ земледѣліи перемѣнный капиталъ, нужный для эксплоатаціи опредѣленной единицы пространства земли, абсолютно уменьшается; такимъ образомъ онъ можетъ возрастать только, насколько въ обработку вступаетъ новая земля, это же опять предполагаетъ еще бо́льшее возрастаніе неземледѣльческаго населенія“ [1]). Эта связь между промышленнымъ развитіемъ и возвыше-

---

ской школы» и работаютъ въ потѣ лица, чтобы унавозить его. Но то, что они выдаютъ за политико-экономическіе законы, есть только философія профессоровъ, получающихъ за отсутствіемъ слушателей скверный гонораръ, и они предаются ей, чтобы легче можно было переносить превратности судьбы. На дѣлѣ капиталистическія рыночныя отношенія обусловливаются общественными отношеніями—экономически-классовымъ раздѣленіемъ производства, общественнымъ раздѣленіемъ труда, общимъ соціальнымъ дѣленіемъ, развитіемъ производительныхъ силъ, особенно развитіемъ мірового рынка и т. п. отношеніями, которыя, въ свою очередь, отчасти обусловливаются отношеніями рынка. Ибо жизнь есть діалектическій процессъ...

Какъ важно изслѣдованіе этой области, видно уже изъ того, что тогда лишь и будетъ возможна полная теорія кризисовъ.

[1]) Марксъ. «Капиталъ» III т., стр. 526, рус. перевода.

ніемъ хлѣбныхъ цѣнъ, которая, чтобы быть понятой, должна быть изучена прежде всего въ ея вліяніи на всю страну, бросается тотчасъ въ глаза, когда дѣло идетъ объ одиночномъ вліяніи на ограниченную область. Такъ, извѣстно, что большой городъ удорожаетъ жизненные припасы на опредѣленномъ пространствѣ вокругъ себя. Развитіе путей сообщенія и океанскаго ввоза, конечно, затемняетъ ясное проявленіе этого вліянія. Какъ велико оно было прежде, показываетъ слѣдующая таблица, которую приводитъ Артуръ Юнгъ въ своихъ путевыхъ очеркахъ Англіи (1763).

Разстояніе мѣста отъ Лондона.	Цѣна въ пенсахъ. Хлѣбъ.	Масло.	Сыръ.
до 50 (англійск.) миль .	$1^1/_2$	$6^3/_4$	4
„ 50—100 „ .	$1^1/_2$	6	$3^3/_4$
„ 100—200 „ .	$1^1/_4$	6	$3^1/_4$
„ 200—300 „ .	1	6	3
„ 300 и болѣе „ .	—	5	$2^1/_2$

Что это явленіе не исчезло и теперь, показываетъ слѣдующее сравненіе цѣнъ для Берлина и провинціи Бранденбургъ (за килограммъ въ пфеннигахъ въ 1894 г.).

	Пшеница.	Рожь.	Бобы.	Картофель.	Говядина.	Масло.
Городской округъ Берлина	13,5	11,7	35,0	4,7	125	234
Провинція Бранденбургъ	13,5	11,5	26,7	3,7	119	214

Это отношеніе проявляется какъ относительно городовъ, такъ и при сравненіи различныхъ областей одной и той же страны другъ съ другомъ [1]). Родбертусъ въ третьемъ

[1]) При разсмотрѣніи капиталистическаго сельскаго хозяйства города обращаютъ на себя вниманіе не только своимъ индустріальнымъ характеромъ и не только какъ конгломераты неземледѣльческаго населенія, но еще какъ концентраціонные пункты рынка (Тюненъ: «Исторія распространенія хозяйственныхъ культуръ»). Но съ такой точки зрѣнія мы разсмотримъ города въ другой связи.

изъ своихъ „Sociale Briefe“ даетъ, впрочемъ съ другими цѣлями, обзоръ хлѣбныхъ цѣнъ въ отдѣльныхъ прусскихъ провинціяхъ для 1816—1837 гг., который прекрасно освѣщаетъ эту разницу въ цѣнахъ. Мы приводимъ эту таблицу и присоединяемъ къ ней соотвѣтственныя числа для 1894 г.

Провинціи.	Цѣна ржи въ 1816—1837 гг. За шеффель.	Цѣна ржи въ 1894 г. За тонну.
Познань	34, 3 зильберггрош.	109 марокъ.
Шлезвигъ. . . .	38, 0 „	113 „
Бранденбургъ .	38, 4 „	115 „
Померанія. . . .	38, 4 „	114 „
Саксонія.	40, 3 „	120 „
Вестфалія. . . .	47,75 „	125 „
Рейнская провинція	49, 4 „	123 „

Мы видимъ, что, несмотря на громадное развитіе производства и обмѣна, которое произошло въ странѣ за эти три четверти вѣка, все-таки теперь, какъ и прежде, наиболѣе промышленныя провинціи—Саксонія, Вестфалія и Рейнская, имѣютъ наивысшія хлѣбныя цѣны. Сравнивать большія области, напримѣръ, цѣлыя страны, можно только съ большой осторожностью, такъ какъ здѣсь, при образованіи цѣнъ, дѣйствуютъ еще многія другія различія. Считать различіе въ высотѣ хлѣбныхъ цѣнъ для такихъ большихъ областей дѣйствіемъ индустріальнаго развитія можно скорѣе всего тогда, когда разница въ этомъ развитіи между ними громадна. Такъ, напримѣръ, если мы сравниваемъ Англію и Сибирь [1]).

[1]) Различіе въ цѣнахъ жизненныхъ припасовъ въ различныхъ странахъ, ступени промышленнаго развитія которыхъ очень различаются другъ отъ друга, такъ же, какъ и различія цѣнъ въ отдѣльныхъ частяхъ той же страны, смотря по ихъ индустріальному развитію, приводятъ также и Родбертуса къ предположенію, что здѣсь дѣло идетъ объ общихъ капиталистическихъ отношеніяхъ. Для поясненія служатъ ему прежде всего города Но ихъ значеніе онъ понимаетъ только въ смыслѣ концентраціи рынка. Жизненные припасы должны быть тѣмъ дороже, чѣмъ отдаленнѣе мѣстности, изъ которыхъ они

Показать статистически, что въ развитіи цѣлой страны возвышеніе цѣнъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и особенно хлѣба есть дѣйствіе промышленнаго развитія, представляетъ затрудненія и вотъ по какимъ основаніямъ:

доставляются. Но этимъ утверждается ничто другое, какъ то, что жизненные припасы продаются дороже, потому что они стоятъ дороже, т.-е. такъ какъ они дороже, то они имѣютъ болѣе высокую цѣну?! Но вѣдь вопросъ заключается именно въ томъ, почему становится возможнымъ продавать жизненные припасы за болѣе высокую цѣну?

Такъ какъ онъ чувствуетъ неудовлетворительность этого объясненія, то даетъ дальнѣйшее основаніе: переходъ отъ натуральной платы земледѣльческимъ рабочимъ къ денежной платѣ. Съ распространеніемъ денежной платы растетъ рыночный спросъ—но здѣсь онъ натыкается на уничтожающее возраженіе, что въ той же степени, въ какой, вслѣдствіе перехода отъ натуральной платы къ денежной, растетъ рыночный спросъ, растетъ и рыночное предложеніе, такъ какъ продукты, прежде отдаваемые in natura, теперь идутъ на рынокъ. Онъ совершенно запутывается въ этомъ противорѣчіи и указываетъ на побочныя обстоятельства, которыя совершенно не имѣютъ значенія для даннаго отношенія. Такъ, онъ думаетъ, напримѣръ, что цѣны повышаются оттого, что спросъ «раздробленъ между тысячами людей». Справедливо противоположное: концентрированный спросъ возвышаетъ цѣны. Кромѣ того и фактически невѣрно, что съ переходомъ къ денежной платѣ спросъ становится раздробленнымъ.

Онъ приводитъ, наконецъ, еще одно основаніе: дороговизну денегъ въ болѣе бѣдныхъ странахъ. Онъ думаетъ, что хотя издержки производства денежнаго металла одинаковы, однако въ болѣе «богатыхъ», т.-е. капиталистически болѣе развитыхъ странахъ деньги дешевле (слѣдовательно, товары дороже), потому что въ этихъ странахъ, вслѣдствіе относительно болѣе сильнаго прилива золота изъ міровой торговли, является «высшее отношеніе наличнаго количества денегъ къ наличному количеству товаровъ». Фактически предположеніе ложно, но вполнѣ ложенъ также и общій теоретическій контекстъ, въ которомъ оно стоитъ, такъ какъ вмѣстѣ съ притокомъ денегъ въ еще большей степени можетъ возрастать производство и обращеніе товаровъ. Тогда какъ докапиталистическія общества довольствуются небольшимъ запасомъ денежнаго металла, капиталистическія, несмотря на колоссальное, не только абсолютное, но и относительное возрастаніе запасовъ денежнаго металла, не

1) Хлѣбныя цѣны изъ года въ годъ и даже на болѣе продолжительное время въ высокой степени обусловливаются результатомъ жатвы.

2) Внѣшній ввозъ хлѣба нарушаетъ образованіе хлѣбныхъ цѣнъ внутри страны.

3) При этомъ надо было бы выдѣлить дѣйствіе общихъ законовъ образованія цѣны и денежнаго обращенія.

4) Возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, какъ видно изъ предшествующихъ разъясненій, наступаетъ только тогда, когда производство недостающаго хлѣба требуетъ относительно большихъ издержекъ производства; это, конечно, бываетъ не всегда.

Бываютъ однако періоды времени, когда дѣйствіе промышленнаго развитія такъ рѣзко отражается на возвышеніи хлѣбныхъ цѣнъ, что объясненіе этого возвышенія другими причинами бываетъ недостаточно. Такъ было въ Англіи въ исходѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія, въ то время, когда имѣли мѣсто великія открытія, и капиталистическая промышленность проходила свою первую фазу развитія.

До средины XVIII столѣтія Англія вывозила значительное количество хлѣба. Одинъ англійскій писатель жалобно восклицаетъ въ 1739 г.: „что было бы съ землевладѣльцемъ, если бы не было сбыта за границей? Превращеніе Англіи въ страну хлѣбнаго ввоза было такъ стремительно, что объясненіе этого простымъ ростомъ населенія является недостаточнымъ. Еще въ 1763 и 1764 гг. Англія вывозила 820.000 квартеровъ пшеницы, а въ 1767 и 1768 гг. она уже ввезла 830.000 квартеровъ. При этомъ ея годичное потреб-

---

смотря на все большее развитіе кредита, несмотря на необыкновенно ускорившееся денежное обращеніе, являются вынужденными замѣщать металлъ бумажными знаками (банкнотами).

При этомъ удобномъ случаѣ мы замѣтимъ, что Родбертусъ въ своей критикѣ теоріи ренты Рикардо неправъ въ томъ смыслѣ, будто онъ ее вполнѣ опровергъ, тогда какъ онъ лишь показалъ необходимость ея пополненія и большей глубины. Его же собственная теорія страдаетъ совершенной односторонностью и недостаточностью.

леніе оцѣнивалось въ это время въ 4.000.000 квартеровъ [1]). Этому стремительному превращенію способствовалъ рядъ неурожаевъ. Но съ тѣхъ поръ и доселѣ Англія осталась страной, ввозящей хлѣбъ, и этого уже нельзя объяснить неурожаями. Площадь посѣва и интенсивность культуръ возросли въ неожиданныхъ размѣрахъ, но, несмотря на это, хлѣбный ввозъ съ желѣзной необходимостью остался существенной составною частью англійскаго сельскаго хозяйства — доказательство, что онъ былъ вызванъ не абсолютнымъ, но относительнымъ недостаткомъ хлѣба, т.-е. разницею въ цѣнахъ сравнительно съ заграницей. Движеніе цѣнъ было вотъ какого рода:

Средняя цѣна пшеницы достигала:

Годы.	За винчестерскій квартеръ.
1701—1750	35 ш. 9 п.
1751—1764	37 „ 2 „
1765—1792	49 „ 10 „

Мы видимъ, что промышленный періодъ указываетъ на сильную разницу въ цѣнахъ сравнительно съ предшествующими годами и занимаетъ исключительное положеніе во всемъ столѣтіи.

Въ 1793 году началась война съ Франціей, длившаяся до 1813 г. Мы не будемъ разсматривать здѣсь, какъ эта война повліяла на развитіе англійской промышленности. Достаточно указать, что, хотя торговыя сношенія Англіи съ Европой временно испытали чувствительное паденіе, но въ то же время Англія оставалась полной владычицей морскихъ сношеній, и обмѣнъ съ тропическими странами значительно развился. Въ общемъ, какъ признано, это былъ періодъ возвышающагося промышленнаго развитія. Но что для насъ особенно интересно въ этомъ періодѣ, это то, что ввозъ хлѣба въ Англію былъ стѣсненъ. Это произошло отчасти потому, что французскій спросъ на иностранный хлѣбъ, вслѣдствіе революціонныхъ потрясеній и

[1]) Ср. Th. Tooke. History of prices; и дальнѣйшія цифры относительно Англіи, если не указанъ источникъ, взяты изъ этого капитальнаго сочиненія.

послѣдовавшей затѣмъ войны сильно возросъ; затѣмъ европейскій хлѣбный экспортъ, вслѣдствіе общаго военнаго положенія, былъ стѣсненъ; наконецъ, съ конца 1807 года повліяла и извѣстная Наполеоновская континентальная система. Такъ какъ заокеанскій привозъ хлѣба въ то время былъ еще очень мало развитъ, и торговля съ Сѣверной Америкой еще очень страдала отъ послѣдствій англо-американской войны, а полученіе хлѣба съ европейскаго континента было, въ свою очередь, сопряжено съ возрастающими издержками, то мы имѣемъ передъ собою въ высшей степени удобный случай, чтобы изучить вліяніе промышленнаго развитія на хлѣбныя цѣны. Въ среднемъ между 1793 и 1813 гг. пшеница стоила 86 ш. 4 п.—громадное возвышеніе даже сравнительно съ предшествующимъ періодомъ. Въ теченіе этого промежутка въ 21 годъ были, конечно, большія колебанія.

Вздорожаніе хлѣба, по понятнымъ причинамъ, должно было быть тогда наибольшимъ, когда къ общему повышенію цѣнъ присоединялось дѣйствіе неурожая. На такіе годы приходятся и парламентскія попытки помѣшать вздорожанію. Прежде всего въ 1795 году парламентъ назначилъ ввозныя преміи за хлѣбъ, чтобы помѣшать вздорожанію, тогда какъ въ прежнее время употреблялось всегда обратное средство—запрещеніе вывоза. Это примѣненіе ввозныхъ премій много разъ повторялось въ теченіе нашего періода.

Въ 1797 году цѣна хлѣба понизилась. Это положеніе продолжалось и въ 1798 году, но цѣна пшеницы все же оставалась 54 ш. 6 п. Въ 1802 г. является возможность болѣе свободнаго ввоза, а вслѣдствіе этого цѣна пшеницы значительно падаетъ. „Смерть императора Павла и миръ съ Даніей послѣ сраженія при Копенгагенѣ опять открыли путь сношеніямъ черезъ Балтійское море, и подъ вліяніемъ премій и высокихъ цѣнъ явился большой привозъ хлѣба, въ теченіе года, достигшій $1^1/_2$ милл. кварт. пшеницы, 114.000 кв. ячменя, и 600.000 кв. овса. 30-го іюня цѣны стояли: пшеницы 129 ш. 8 п., ячменя 69 ш. 7 п., овса 37 ш. 2 п. и послѣ сравнительно хорошей жатвы въ концѣ

года они опустились: пшеница до 75 ш. 6 п., ячмень—44 ш. овесъ 23 ш. 4 п. Подписаніе предварительныхъ мирныхъ условій съ Франціей... умножило источники ввоза и уменьшило его издержки. Сравнительно съ мартомъ прошлаго года цѣны стояли на 5% ниже".

Въ 1803 г. тенденція къ пониженію продолжается. Все же цѣна пшеницы достигаетъ 60 ш., слѣдовательно, на 6 ш. больше, чѣмъ въ 1798 г., на 11 ш. болѣе указанной нами средней цѣны 1765—1792 г., на 25 ш. болѣе средней для первой половины XVIII столѣтія.

Возвышеніе цѣнъ пшеницы вслѣдствіе промышленнаго развитія происходило, такъ сказать, въ видѣ террассъ: каждый разъ цѣны поднимались на болѣе высокій уступъ, на которомъ уже происходили болѣе мелкія колебанія вслѣдствіе другихъ причинъ. Не только среднія цѣны каждаго послѣдующаго періода, но и минимальныя были выше среднихъ предшествовавшаго періода [1]).

Только два года продолжалось сравнительное пониженіе цѣнъ, въ 1804 г. мы видимъ маленькое пониженіе съ 88 ш. до 78 ш. за квартеръ. Въ ноябрѣ этого года открылась великая блокада Англіи. Замѣчательно, что, несмотря на необыкновенныя затрудненія, ввозъ хлѣба не прекратился. Такъ, въ 1810 году опять было ввезено $1^1/_2$ милл. квартеровъ пшеницы. Это было время огромнаго повышенія цѣнъ, и высокія цѣны превозмогали опасности ввоза Но въ 1811 г., въ видѣ исключенія, было сравнительное пониженіе цѣнъ, и это замѣчательно потому, что на это время приходится торговый кризисъ.

Континентальная система, какъ было упомянуто, не помѣшала промышленному развитію Англіи, отчасти потому,

---

[1]) Т. Тукъ не замѣчаетъ этого своеобразнаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ уступами. Анализируя цѣны каждаго года, онъ не замѣчаетъ, что каждый разъ находится на болѣе высокомъ уступѣ. Такъ какъ, сверхъ того, онъ, чтобы доказать исключительную зависимость отъ урожая цѣнъ хлѣба, принимаетъ въ разсчетъ то жатву предшествующаго года, то жатву настоящую, то виды на будущую, то ему такъ же легко все доказать, какъ въ наше время г. Рудольфу Фадьбу легко предсказывать, будетъ ли дождь или ясная погода.

что могущественно развились сношенія съ тропическими странами, отчасти потому, что особенно въ первые годы были найдены пути и средства обойти запрещеніе. Слѣдующія числа бросаютъ свѣтъ на индустріальное развитіе.

Ввозъ въ Англію достигалъ:

	Шерсть. Фунты.	Шелкъ-сырецъ. Фунты.	Хлопокъ. Фунты.	Сахаръ. Центнеры.
1808 г.	2.353.725	637.102	43.605.982	3.753.485
1809 „	6.845.933	698.189	92.812.252	4.001.148
1810 „	10.936.224	1.341.475	136.487.935	4.808.663
1811 „	4.739.972	622.383	91.662.344	—

Мы видимъ, что 1811 г. нанесъ ударъ возвышающемуся движенію. Тропическіе рынки были переполнены англійскими товарами, такъ что ихъ стали отсылать обратно, и блокада въ нѣмецкихъ портахъ соблюдалась строже. (Детали см. у Тука. Цѣна пшеницы въ 1811 г. въ среднемъ сравнительно съ 1810 г. пала съ 112 ш. на 108 ш.; въ августѣ 1810 года она достигала 116 ш. и падала непрерывно до 87 ш. 2 п. въ іюнѣ 1811 г. Затѣмъ она стала подыматься, пока въ 1813—1814 году прекращеніе войны и устраненіе континентальной системы не повели за собою открытія свободнаго ввоза хлѣба и сильный торговый кризисъ. Цѣна пшеницы съ 120 ш. въ 1813 г. пала до 85 ш. въ 1814 г.

Вотъ общій обзоръ повышенія хлѣбныхъ цѣнъ за это полустолѣтіе (1765—1813 гг.):

Годы.	Минимальн. цѣны.	Среднія.	Максимальн. цѣны
1701—1750 гг.	22 ш. $^3/_4$ п.	35 ш. 9 п.	69 ш. $7^1/_2$ п.
1751—1764 „	29 „ 11 „	37 „ 2 „	44 „ $5^1/_4$ „
1765—1792 „	36 „ $2^3/_4$ „	49 „ 10 „	59 „ $1^1/_4$ „
1793—1807 [1]).	49 „ $6^3/_4$ „	77 „ 6 „	128 „ 6 „
1808—1813 [2]),	85 „ 3 „	108 „ 2 „	120 „ — „

[1]) Отъ начала войны до введенія континентальной системы.
[2]) Время континентальной системы

Это былъ золотой вѣкъ англійскаго сельскаго хозяйства. Стремительное промышленное развитіе возвышало хлѣбныя цѣны еще болѣе, чѣмъ цѣны возвышали ренту, чѣмъ рента возвышала арендную плату, а вмѣстѣ съ нею и цѣну земли. Площадь посѣва была расширена, культура стала болѣе интенсивной, и крупное производство быстро распространилось. Къ землевладѣльцамъ притекали громадныя богатства, а арендаторы обдѣлывали превосходныя дѣла. Никогда впослѣдствіи не было такого развитія земледѣлія. Оно представляетъ такой же единственный въ своемъ родѣ примѣръ, какъ и индустріальное развитіе Англіи того времени. Но кто же долженъ былъ выносить на своихъ плечахъ все это благополучіе? Это былъ рабочій классъ. Его скудная плата, несмотря на громадное вздорожаніе хлѣба, была едва увеличена. Какія жизненныя условія были результатомъ этого — объ этомъ можно почитать у Карла Маркса и Фр. Энгельса. Даже холодные дѣловые люди, какъ Т. Тукъ, должны были сознаться, что нужда рабочихъ была ужасная, и что они были близки къ тому, чтобы умирать голодною смертью. Но такъ какъ заработная плата все-таки нѣсколько повысилась, то Тукъ думаетъ, что „такимъ образомъ случаи смерти отъ нужды стали лишь единичными явленіями“.

Чтобы помочь бѣдствіямъ голодающихъ рабочихъ, члены парламента дали тогда великодушное обѣщаніе, уменьшить потребленіе хлѣба въ своихъ семействахъ на одну треть, т.-е. замѣнить его мясомъ и дорогими овощами. Затѣмъ введенъ былъ налогъ на пудру, чтобы уменьшить потребленіе пшеничной муки. Мода посыпать волосы пудрой должна была прекратиться. Такъ пускали пыль въ глаза голодному народу! Такъ возвышало англійское индустріальное развитіе хлѣбныя цѣны, обогащало землевладѣльцевъ, разоряло рабочій классъ и превращало Англію изъ экспортирующей въ импортирующую хлѣбъ страну!

Мы надѣемся, что теперь на процессѣ дѣйствительнаго развитія подтвердили нашъ теоретическій выводъ, что тенденціей промышленнаго развитія является возвышеніе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты. Мы не

принимали при этомъ во вниманіе возможнаго параллельнаго увеличенія относительнаго потребленія, т.-е. потребленія на душу населенія. Напротивъ, доказательство вело какъ разъ къ тому, чтобы при прежнемъ потребленіи показать повышеніе цѣнъ.

Мы видимъ на примѣрѣ Англіи, что эта тенденція достаточно сильна, чтобы проявиться даже и при падающемъ относительномъ потребленіи. Но это вовсе не есть общій законъ промышленнаго развитія, что оно уменьшаетъ относительное потребленіе хлѣба.

Бываютъ періоды, когда и относительное потребленіе растетъ. A. de Foville (La France économique 1889) даетъ слѣдующій разсчетъ:

	1821—1830 гг.	1870—1880 гг.
Средній годовой урожай.	44.542.587 ц.	74.132.009 ц.
Избытокъ ввоза надъ вывозомъ. . .	260.000 „	7.800.732 „
Итого.	44.802.587 ц.	51.932.741 ц.
Отчисляя на посѣвъ	7.436.828 „	10.412.714 „
Остается на потребленіе	37.365.759 ц.	71.520.027 ц.
Что составляетъ на душу населенія.	118,5 клгр.	193 клгр.[1]).

Если къ повышающему дѣйствію промышленнаго развитія прибавляется еще относительное увеличеніе потребленія, то, конечно, цѣны должны тѣмъ скорѣе повышаться. Наоборотъ, уменьшенное потребленіе должно противодѣйствовать повышенію цѣнъ.

Ясно, что охарактеризованное дѣйствіе промышленнаго развитія и тогда сохраняетъ свое вліяніе на цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, когда оно не выражается въ движеніи

[1]) При этомъ надо принять въ разсчетъ увеличеніе промышленнаго потребленія хлѣба.

цѣнъ. Если хлѣбныя цѣны падаютъ при развивающемся промышленномъ процвѣтаніи, надо признать, что онѣ еще болѣе пали бы, если бы промышленный характеръ даннаго періода былъ другой. Никакое движеніе нельзя разсматривать, какъ результатъ лишь одной силы, дѣйствующей въ извѣстномъ направленіи; но каждое движеніе есть результатъ многихъ силъ, которыя отчасти уничтожаютъ другъ друга. Отнимите только одну изъ нихъ—и тотчасъ же измѣнится и движеніе.

В. Вліяніе промышленнаго развитія на земельную ренту, арендную плату и цѣну земли.

Связь между земельной рентой, арендной платой и цѣной земли исчерпана и необыкновенно ясно изложена Карломъ Марксомъ въ III томѣ „Капитала“. Мы удовольствуемся тѣмъ, что возможно кратко повторимъ самое необходимое въ той связи, какая нужна для нашей темы. Хлѣбныя цѣны не должны необходимо повышаться, чтобы образовалась рента. Рента можетъ образоваться при неизмѣнныхъ и даже падающихъ хлѣбныхъ цѣнахъ.

Если расширеніе хлѣбнаго производства страны происходитъ такимъ образомъ, что въ обработку вступаетъ все лучшая земля, то произойдетъ слѣдующее: если худшая земля остается въ обработкѣ, то цѣна хлѣба останется прежней. Но между новой землей—лучшей, и прежней—худшей возникаетъ рента, такъ какъ издержки производства на новой землѣ должны быть меньше. Если лучшая земля войдетъ въ обработку въ такомъ количествѣ, что худшая будетъ оставлена, то хлѣбныя цѣны понизятся, но рента останется, такъ какъ новая земля будетъ лучше, чѣмъ прежняя. Въ дѣйствительности въ обработку поступаютъ земли различнаго рода, смотря по обстоятельствамъ,—отчасти лучшія, отчасти среднія. Смотря по комбинаціи будетъ различно и вліяніе на ренту. Цѣна хлѣба подъ различными вліяніями будетъ то повышаться, то падать. Но всякій разъ, какъ новая земля входитъ въ обработку, возникаетъ рента: или старыя земли даютъ ренту по отношенію къ новой, или обратно. Вмѣсто расширенія площади посѣва, можно на той же площади усилить интенсивность культуры, чтобы

получать бо̀льшіе урожаи. Но и здѣсь возвышеніе цѣны хлѣба вовсе не есть необходимое предположеніе. Хлѣбныя цѣны повысятся лишь тогда, когда въ какой-либо части страны придется увеличить издержки производства на единицу продукта, чтобы покрыть спросъ. Иначе цѣна хлѣба останется безъ измѣненія или падетъ. Рента же всегда будетъ возникать, какъ только будетъ образовываться разница въ издержкахъ производства на разныхъ земляхъ. Мы видѣли, что съ расширеніемъ рыночнаго спроса, благодаря развитію промышленности, возникаетъ необходимость:

или на уменьшенномъ пространствѣ земли получить прежнее количество хлѣба,

или обработать прежнее количество земли съ меньшимъ числомъ рабочихъ,

или, если возможно будетъ замѣстить ушедшихъ земледѣльческихъ рабочихъ—получить на той же площади большее количество хлѣба, или же расширить площадь посѣва.

Это можетъ, но не должно необходимо сопровождаться возвышеніемъ цѣны хлѣба. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ образуется новая земельная рента. Неизвѣстно только, какъ установится отношеніе между рентами на земли различнаго качества и общая сумма рентъ всей страны (das Rental у Маркса).

Другой вопросъ, какъ установится подъ этими вліяніями рента на опредѣленномъ участкѣ земли опредѣленнаго качества. Если качество почвы во всѣхъ частяхъ этого участка одинаково, то рента на единицу продукта (напр., на центнеръ хлѣба) или по отношенію къ капиталу, приложенному на единицу площади земли (т.-е. „норма ренты“ Маркса) будетъ повышаться только тогда, когда будетъ возрастать цѣна хлѣба. (Конечно, мы предполагаемъ при этомъ, что увеличеніе количества хлѣба, получаемаго на этомъ участкѣ земли не потребуетъ относительно меньшихъ издержекъ производства и капитала). Но этотъ результатъ остается лишь при приведенномъ способѣ исчисленія. Если мы будемъ вычислять ренту просто на гектаръ, безъ связи съ приложеннымъ капиталомъ—какъ это дѣлается обыкновенно (и вполнѣ раціонально), то

здѣсь возвышеніе зависитъ не только отъ цѣны хлѣба, но также просто отъ массы произведеннаго хлѣба. Этотъ моментъ очень важенъ и долженъ быть поэтому изслѣдованъ ближе.

Возьмемъ участокъ воздѣланной земли въ 100 гектаровъ. Пусть гектаръ дастъ 600 килогр. хлѣба. Такимъ образомъ, всего будетъ 600 метрическихъ центнеровъ. Издержки производства достигаютъ 6.000 марокъ. Приложенный капиталъ пусть = 60.000 марокъ. При нормѣ прибыли въ 5% земля должна давать прибыли 3.000 марокъ, 6.000 марокъ (=издержекъ производства) + 3.000 марокъ (=прибыль) даютъ вмѣстѣ 9.000 марокъ. Если цѣна хлѣба 20 марокъ за центнеръ, то общая стоимость нашего хлѣба = 12.000 марокъ, и 3.000 марокъ на гектаръ. При разсчетѣ на метрическій центнеръ, рента будетъ достигать 5 марокъ. И отношеніе ренты къ приложенному капиталу, норма ренты, составляетъ 3.000 : 60.000 или на гектаръ 30 : 600, т.-е. 5%.

Предположимъ теперь, что удастся, посредствомъ удвоенія издержекъ производства, при соотвѣтственномъ увеличеніи капитала, удвоить количество получаемаго продукта. Мы имѣемъ, слѣдовательно: издержки производства=12.000 марокъ, капиталъ=120.000 марокъ, прибыль (5%)=6.000 марокъ, урожай=1.200 метрическ. центнер. Теперь цѣна производства (издержки + прибыль) метрическаго центнера хлѣба = (12.000 + 6.000) : 1.200 = 180 : 1 = 15 марокъ. При постоянной цѣнѣ въ 20 марокъ за центнеръ рента остается=5 марокъ на центнеръ, точно такъ же, какъ и прежде. Но общее количество ренты съ нашего участка будетъ теперь 5 марокъ, помноженное на 1.200 = 6.000 марокъ. Это даетъ на гектаръ 60 марокъ, вмѣсто 30, т.-е. рента, вычисленная по отношенію къ площади земли, удвоилась, несмотря на неизмѣнную цѣну хлѣба. Напротивъ, норма ренты въ данномъ случаѣ 6.000 : 120.000, т.-е. опять 5%— осталась безъ перемѣны. Затѣмъ, смотря по тому, больше или меньше издержекъ производства и капитала будетъ приложено, чтобы увеличить количество продукта, и, смотря по отношенію между издержками производства и капиталомъ, явятся разнообразныя варіаціи. Эти варіаціи не из-

мѣняютъ общаго закона, который можно формулировать такъ: каждое увеличеніе количества собраннаго хлѣба повышаетъ земельную ренту, при разсчетѣ на единицу площади земли *), исключая единственный случай, когда увеличеніе количества продукта связано съ такимъ увеличеніемъ издержекъ производства, что эта новая затрата, вмѣстѣ съ соотвѣтствующей ей средней нормой прибыли, поглощаетъ все увеличеніе денежнаго дохода, образовавшееся благодаря увеличенію количества продукта **). Если

*) Родбертусъ зналъ это. «Съ увеличеніемъ земельной ренты не увеличивается въ томъ же отношеніи число морговъ, на которое она распредѣляется. Такимъ образомъ, благодаря увеличенію земельной ренты прежнее отношеніе между ею и числомъ морговъ, на которое она распредѣляется, во всякомъ случаѣ измѣняется, такъ какъ на послѣднее падаетъ теперь большая сумма ренты». «Dritter Socialer Brief», стр. 126). Родбертусъ очень вѣрно развиваетъ дальше, на стр. 132, что на томъ же основаніи каждое обезцѣненіе денегъ должно вести за собою номинальное возвышеніе ренты. Къ этому стремятся аграріи путемъ серебряной валюты. Конечно, это явная безсмыслица, такъ какъ дѣло идетъ не о цифрѣ, которая стоитъ на монетѣ, а о ея цѣнности въ товарномъ обмѣнѣ. Если рента со 100 м. золотомъ «подымается» до 120 м. серебромъ, что пользы въ этомъ, если за 120 м. можно купить теперь столько же, какъ прежде за 100? И, однако, за этимъ монетнымъ фантомомъ скрываются очень реальные интересы. Мы раскроемъ эту спекуляцію въ слѣдующей главѣ.

**) Отдѣльные случаи изслѣдованы Марксомъ и отчасти Энгельсомъ въ главѣ: «Дифференціальная рента II». Относительно сдѣланной Энгельсомъ вставки надо при этомъ замѣтить слѣдующее: Энгельсъ въ своемъ общемъ заключеніи дѣлаетъ выводъ, что только въ случаяхъ, когда «земля А (самая худшая) поставлена внѣ конкурренціи, и земля В, слѣдующая ближайшая, регулируетъ цѣну и потому не даетъ ренты», вторая затрата капитала (и соотвѣтственное расширеніе производства хлѣба) не увеличиваетъ общей ренты (стр. 596). Но это вытекаетъ изъ взятыхъ имъ готовыхъ отношеній, а вовсе не есть необходимый выводъ изъ общей связи. Можно взять другія числа, которыя дадутъ противоположный результатъ, не нарушивши ни на іоту данныхъ предположеній.

Поэтому совершенно невѣрно, когда онъ потомъ возводитъ это слѣдствіе въ общее положеніе: «Чѣмъ больше капитала, слѣдова-

мы возьмемъ общую сумму рентъ всей страны (das Rental), то развитіе этой общей суммы, общей ренты всей страны, зависитъ не только отъ законовъ образованія и возвышенія земельной ренты, но и отъ того, какъ площадь возделы-

---

тельно, употреблено на земли, чѣмъ выше развитіе и вообще цивилизація въ странѣ, тѣмъ болѣе возвышается рента на акръ, такъ же какъ и общая сумма ренты, тѣмъ чудовищнѣе подать, которую уплачиваетъ общество землевладѣльцамъ въ видѣ прибавочной прибыли — до тѣхъ поръ, пока всѣ земли, занятыя культурой, способны къ конкурренціи» (стр. 597).

Не говоря уже о неточности выраженія, которая очень странна въ данномъ случаѣ,—это невѣрно, поскольку, какъ упомянуто выше, есть случаи, въ которыхъ земли остаются «способными къ конкурренціи», а ренты и ихъ общая сумма (не годится уже и это соединеніе вмѣстѣ ренты и общей суммы всѣхъ рентъ) при новой затратѣ капитала не повышаются. Подробный разсчетъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко, но мы постараемся въ нѣсколькихъ словахъ выяснить теоретическую связь. Уже вообще предполагается, что новая затрата капитала на опредѣленный участокъ земли можетъ быть произведена и тогда, когда не получается никакой другой прибыли сверхъ обычной. Для этого достаточенъ обыкновенный въ странѣ % на капиталъ, соотвѣтствующій средней нормѣ прибыли. Теперь берется произвольное количество родовъ земель съ любою градаціей рентъ. Но предположимъ, что на каждой изъ этихъ земель возможно только такое расширеніе производства хлѣба, которое будетъ давать на новый приложенный капиталъ лишь среднюю норму прибыли, но никакой прибавочной прибыли. Тогда, разумѣется, никакая изъ этихъ новыхъ затратъ капитала не будетъ давать ренты, и общій результатъ образованія новой ренты будетъ = 0. Такимъ образомъ, нѣтъ никакого возвышенія рентъ и ихъ общей суммы. Но развѣ поэтому произошло какое-нибудь измѣненіе въ «способности занятыхъ культурою земель къ конкурренціи?» Конечно никакого. Прежнее отношеніе другъ къ другу рентъ, которыя получались съ этихъ земель, останется и теперь. Онѣ ничего не потерпѣли отъ того обстоятельства, что новыя затраты капитала не даютъ никакой ренты, такъ какъ, по вѣрному выраженію Энгельса въ другомъ мѣстѣ, «не абсолютныя количества продукта, а разницы этихъ количествъ опредѣляютъ ренту. Ранѣе земля А (самая худшая) давала, скажемъ, 10 бушелей, земля Б — 12, рента для В была 2 бушеля. Теперь, при

ваемой земли распредѣляется количественно между различными сортами земли. Если эта площадь на одну десятую состоитъ изъ земли худшаго рода, не дающей никакой ренты (для простоты мы не обращаемъ вниманія на абсолютную ренту съ самой худшей земли), и на $^9/_{10}$ изъ земли, дающей ренту, то, конечно, сумма всѣхъ рентъ будетъ другая, чѣмъ при обратномъ отношеніи, когда лишь $^1/_{10}$ земли давала бы ренту. Если рента на гектара остается та же, то 9 гектаровъ даютъ въ 9 разъ больше, чѣмъ одинъ Эта разница, понятно, сохраняетъ свою силу и при движеніи ренты.

Такимъ образомъ, если землевладѣлецъ оперируетъ съ комплексомъ земель различнаго качества (что почти всегда и бываетъ), то рента, которую онъ получаетъ, разсчитывая въ общемъ среднемъ на гектаръ, зависитъ не только отъ высоты ренты на различныхъ сортахъ земель, но и отъ количественнаго отношенія разныхъ земель въ его владѣніи. Для отдѣльнаго землевладѣльца поэтому всегда выгоднѣе расширять производство на лучшихъ частяхъ своего владѣнія, такъ какъ онѣ даютъ ему бо́льшую ренту и этимъ увеличиваютъ общую сумму ренты его земли. Но для землевладѣльцевъ, какъ класса, выгоднѣе, по большей части, обратное, т.-е. обращеніе къ возвдѣлыванію худшихъ земель, такъ какъ тогда повышается цѣна хлѣба, и этимъ обусловливается поднятіе всѣхъ рентъ. Такъ, инте-

---

увеличеніи производства А даетъ 20 бушелей, Б—22. Новые 10 бушелей на В не даютъ ренты, но въ общемъ остается прежняя разница 22—20 = 2 бушеля ренты. Теперь, какъ и прежде, земля А, опредѣляющая общую цѣну продукта, и всѣ роды земель остаются «способными къ конкурренціи». (Выраженіе: «способный къ конкурренціи» употребляется Энгельсомъ въ совершенно особенномъ смыслѣ, къ которому мы присоединяемся для простоты). Можно пойти еще дальше и доказать, что при извѣстныхъ условіяхъ можетъ имѣть мѣсто и уменьшеніе ренты, благодаря расширенію производства, несмотря на то, что всѣ «земли, занятыя культурой, остаются способными къ конкурренціи». Достаточно, однако, указать, что заключенія, которыя дѣлаетъ самъ Марксъ изъ дифференціальной ренты II, совершенно противорѣчатъ только что разобранному положенію Энгельса. (См. стр. 600—607).

ресы отдѣльныхъ землевладѣльцевъ идутъ въ разрѣзъ съ ихъ собственными интересами, какъ класса.

Такимъ образомъ, для положенія собственниковъ земли въ странѣ важна не только высота ренты, но также количественная разница земель по ихъ плодородію. Поэтому ихъ доходы наиболѣе возрастаютъ тогда, когда приходится переходить все къ худшей землѣ, но въ то же время, когда худшая земля относительно меньше участвуетъ, въ расширеніи производства.

Такимъ образомъ, не просто высота хлѣбныхъ цѣнъ, не высота ренты, но величина общей суммы ренты, которая, въ чистомъ ли видѣ, или въ видѣ арендной платы, соединяетъ въ себѣ всѣ эти вліянія,—вотъ что составляетъ центральный пунктъ интересовъ землевладѣльцевъ. Эта общая сумма возрастаетъ:

чрезъ возвышеніе ренты;

чрезъ возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ;

чрезъ переходъ къ болѣе выгодной комбинаціи изъ земель различнаго качества.

Нѣтъ надобности доказывать, что на всѣ эти факторы про мышленное развитіе, путемъ повышенія рыночнаго спрос на хлѣбъ, оказываетъ благопріятное вліяніе. Если даже подъ его вліяніемъ хлѣбныя цѣны не повышаются, такъ какъ противодѣйствуютъ другія условія, то все же есть еще многія причины, возвышающія ренту, и тоже многія, увеличивающія общую сумму ренты. И именно тѣ причины, которыя повышаютъ ренту и общую сумму ея, между прочимъ, именно онѣ являются препятствіемъ для возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ. Только тогда, когда всѣ моменты дѣйствуютъ въ одномъ направленіи,—только тогда дѣйствительно и безусловно повышается общая сумма ренты, и вмѣстѣ съ нею повышается арендная плата, въ среднемъ для всей страны, для отдѣльныхъ областей и для отдѣльныхъ имѣній.

Только взявши во вниманіе всю эту связь, мы поймемъ то громадное поднятіе арендной платы и вмѣстѣ съ нею стоимости земли, которое имѣло мѣсто въ 70-хъ годахъ нашего вѣка, поднятіе, которое далеко оставляетъ за собою повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, а иногда и прямо противорѣчитъ ему. Конрадъ даетъ въ своемъ „Handwörterbuch der Staats-

wissenschaften“ интересную таблицу повышенія арендной платы на прусскихъ государственныхъ земляхъ за время съ 1849 г. Мы присоединяемъ сюда обзоръ движенія цѣнъ на рожь за тотъ же періодъ по пятилѣтіямъ (1846—1850, 1866—1870, 1876—1880, 1886—1890) и данныя о ростѣ населенія теперешней Германской имперіи (1850, 1870, 1880, 1890). Мы получаемъ слѣдующій общій обзоръ:

Административные округа.	Возвышеніе арендной платы за гектаръ [1]) 1849=100.			
	1849	1869	1879	1890/91
Кенигсбергъ (въ Пруссіи)	100	208,8	274,0	285,6
Гумбинненъ		205,5	231,4	257,1
Данцигъ		235,2	277,8	252,1
Маріенвердеръ		240,0	344,4	374,0
Познань		215,9	255,6	260,0
Бромбергъ		236,5	262,6	251,7
Штеттинъ		192,2	216,3	225,2
Кеслинъ		204,5	281,2	235,2
Штральзундъ		267,8	281,7	266,4
Бреславль		177,9	248,4	323,7
Лигницъ		174,1	304,7	310,5
Оппельнъ		173,8	271,6	354,4
Потсдамъ		234,5	296,6	298,1
Франкфуртъ на Одерѣ		192,5	250,1	260,7
Магдебургъ		175,7	289,0	338,5
Мерзебургъ		128,0	189,4	238,1
Эрфуртъ		135,4	179,2	163,0
Вообще	100	224,3	256,3	280,2
Увеличеніе цѣнъ на рожь	100	131,0	128,0	109,0
Абсолютныя числа цѣнъ ржи [2]) (марокъ за тонну)	130	170,0	166,4	142,0
Ростъ населенія на территоріи государства	100	115,0	125,0	140,0

[1]) Общая сумма ренты, раздѣленная на площадь удобной земли.

[2]) Для 1876—1880 и 1886—1890 по Handwörterbuch подъ словомъ Getreidepreise. Для 1846—1850 и 1866—1870 г. вычислено мною по оффиціальной статистикѣ (1 шеффель ржи=40 килограм.)

Мы видимъ, что огромное поднятіе арендной платы не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ движенію цѣнъ на рожь и къ росту населенія. Подобно этому должны были развиваться и вообще отношенія въ капиталистическомъ землевладѣніи Пруссіи. Это обозначаетъ колоссальное обогащеніе класса землевладѣльцевъ, все-равно отдается ли ихъ земля въ аренду или обрабатывается за счетъ самихъ владѣльцевъ и огромное повышеніе стоимости земли.

Что же произвело этотъ результатъ? Прежде всего развитіе промышленности. Мы должны упомянуть еще о нѣкоторыхъ особенныхъ причинахъ, которыя при извѣстныхъ условіяхъ вызываютъ повышеніе арендной платы и имѣютъ значеніе для нашего дальнѣйшаго изложенія.

Арендная плата можетъ повышаться вслѣдствіе того, что арендаторъ довольствуется меньшей прыбылью. Если дѣло идетъ о мелкомъ арендаторѣ, напр., о крестьянинѣ, то это ясно. Онъ не имѣетъ другой возможности существовать и долженъ терпѣть возвышеніе арендной платы до крайности, такъ какъ не имѣетъ возможности получить землю на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Но и капиталистическій арендаторъ имѣетъ свои основанія терпѣть уменьшеніе своей прибыли. Если онъ лишается аренды, то его капиталъ остается безъ приложенія. Онъ долженъ искать, какимъ образомъ приложить его, а это сопряжено съ трудностями и потерями. Если землевладѣлецъ самъ ведетъ хозяйство, то лишается, конечно, этого особеннаго способа обогащенія.

Доходъ арендатора можетъ возрастать, если сокращается плата земледѣльческимъ рабочимъ. Здѣсь случается то же, что во всякомъ капиталистическомъ предпріятіи, только здѣсь землевладѣлецъ уступаетъ свою добавочную прибыль арендатору. Если онъ самъ свой арендаторъ, то эта выгода достается ему. Однако есть разница, сокращаетъ ли плату фабрикантъ или землевладѣлецъ. Дальше мы увидимъ почему.

Цѣна земли возвышается съ паденіемъ процента на капиталъ. Это паденіе есть законъ развитія капиталистическаго производства.

Это изслѣдованіе между прочимъ показываетъ, что развитіе сельскаго хозяйства есть комплексъ дѣйствія различныхъ факторовъ. Поэтому невѣрно судить о состояніи сельскаго хозяйства лишь по состоянію хлѣбныхъ цѣнъ. И аграрная политика, которая стремится только къ тому, чтобъ поднять цѣны, можетъ привести къ разрушенію сельскаго хозяйства.

Однако, каково же состояніе европейскаго сельскаго хозяйства въ настоящее время?

Существуетъ ли аграрный кризисъ, или это только призракъ? Конечно аграрный кризисъ существуетъ и онъ все обостряется и углубляется. И онъ характеризуется не только паденіемъ арендной платы, цѣнъ на землю и уменьшеніемъ площади посѣва, но также и кажущимся опроверженіемъ закона капиталистической конкурренціи, такъ что при извѣстныхъ условіяхъ даже является относительное вытѣсненіе капиталистическаго крупнаго производства крестьянскимъ парцеллярнымъ хозяйствомъ. И оно имѣетъ мѣсто не со вчерашняго дня и представляетъ не запоздалый горькій плодъ открытія Америки, но непреложное слѣдствіе развитія капиталистическаго производства.

Доказать надо слѣдующее: какимъ образомъ промышленное развитіе, обогащая земледѣльцевъ, ведетъ къ ихъ разоренію. Это ближайшая задача, которую намъ нужно разрѣшить.

Общее объясненіе капиталистическихъ аграрныхъ кризисовъ.

А. Теорія земельной ренты.

Въ началѣ этого столѣтія англійскіе экономисты и публицисты очень много спорили о томъ, *хорошіе* или *плохіе* урожаи болѣе выгодны для землевладѣльцевъ. Особенно приверженцы свободной торговли старались доказать, что правильно послѣднее, такъ какъ при помощи этого они выставляли въ яркомъ свѣтѣ противорѣчіе инте-

ресовъ землевладѣльцевъ интересамъ всего общества. Т. Тукъ слѣдующимъ образомъ формулировалъ этотъ взглядъ: „Исторія нашего земледѣлія доказываетъ самымъ яснымъ образомъ, что во всѣхъ выдающихся случаяхъ плохихъ или богатыхъ урожаевъ, колебанія хлѣбныхъ цѣнъ далеко оставляли за собою самые крайніе разсчеты относительно измѣненія количества хлѣба, а каждый замѣтный переходъ отъ дороговизны къ избытку вызывалъ жалобы на разореніе сельскаго хозяйства". Думали даже, что можно вычислить математически, въ какой степени повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ превосходитъ уменьшеніе урожая, такъ что, напримѣръ, давалась такая скала: уменьшеніе жатвы на $^1/_{10}$ ведетъ за собой повышеніе цѣны на $^8/_{10}$, уменьшеніе въ $^2/_{10}$ соотвѣтствуетъ повышеніе цѣны въ $^8/_{10}$, уменьшенію въ $^8/_{10}$—повышеніе въ $^{16}/_{10}$ и т. д.

При всѣхъ видимыхъ преувеличеніяхъ этихъ выкладокъ, онѣ все же содержатъ частицу истины. Дѣйствительно, тенденція неурожаевъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, въ особенности при неизмѣнномъ ввозѣ, состоитъ въ томъ, что они возвышаютъ хлѣбныя цѣны значительно болѣе, чѣмъ относительно уменьшается урожай. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на общеизвѣстныя статистическія цифры, чтобы убѣдиться въ этомъ. Мы беремъ, напримѣръ, годы 1890 и 1891, въ Германіи — годы наибольшаго таможеннаго покровительства. Въ 1890 г. урожай былъ хорошій. Рожь въ среднемъ для Германіи дала по 1,01 тонны съ гектара. Напротивъ, въ 1891 г. былъ неурожай. Ржи собрано по 0,87 тонны съ гектара — уменьшеніе сравнительно съ предыдущимъ годомъ на 13,8%. Цѣна ржи однако возрасла съ 170 марокъ до 211,2 марокъ, т.-е. на 24%. Поэтому въ 1891 г. землевладѣльцы получили съ каждаго гектара по 183,7 м., тогда какъ въ предыдущемъ году, при богатой жатвѣ, всего по 171,7 м. Уменьшеніе жатвы почти на $^1/_7$ дало имъ выручку на 7% бо́льшую. Такимъ образомъ неурожай имъ былъ выгоденъ. Уменьшеніе количества сельско-хозяйственнаго продукта обогащаетъ капиталистическихъ сельскихъ хозяевъ—прелестное противорѣчіе, возможное только въ капиталистическомъ обществѣ.

Ввозъ дешеваго заграничнаго хлѣба въ достаточномъ количествѣ, конечно, устранилъ бы дороговизну и сдѣлалъ бы неурожай для капиталистическихъ землевладѣльцевъ тѣмъ, что онъ дѣйствительно представляетъ съ общественной точки зрѣнія при всякихъ условіяхъ—хозяйственнымъ бѣдствіемъ.

Объяснить это возвышеніе цѣны хлѣба вслѣдствіе неурожая можно только съ точки зрѣнія рыночныхъ отношеній—спросъ на хлѣбъ превосходитъ предложеніе. Опредѣляющимъ моментомъ для этого случая (игнорируя ввозъ) служитъ то обстоятельство, что данный запасъ хлѣба не можетъ быть расширенъ въ теченіе цѣлаго года. Разъ жатва кончена—новая, при нашемъ климатѣ можетъ быть только черезъ годъ. Это условіе дано самой природой. Предѣлъ повышенія хлѣбныхъ цѣнъ въ теченіе этого года, отъ жатвы до жатвы лежитъ поэтому не въ издержкахъ производства хлѣба на худшей землѣ, какая только можетъ быть взята въ обработку—такъ какъ этотъ хлѣбъ можетъ быть доставленъ на рынокъ только послѣ ближайшей слѣдующей жатвы—но исключительно въ рыночномъ спросѣ на хлѣбъ. Выигрышъ, который получаютъ землевладѣльцы отъ этого вздорожанія, не имѣетъ, такимъ образомъ, ничего общаго съ различіемъ сортовъ земли и съ издержками производства хлѣба. Неурожай вовсе не долженъ быть всеобщимъ, чтобы произвести это явленіе. Представимъ себѣ большое государство, которое на нѣсколько лѣтъ достаточно защищено высокими таможенными пошлинами отъ иностраннаго ввоза. Примемъ теперь, что въ этомъ государствѣ на трехъ четвертяхъ засѣянной земли урожай хорошъ, а на одной четверти плохъ. Тогда явится вообще недостатокъ хлѣба, а если страна „богата“, имѣетъ цвѣтущую промышленность, относительно высокую заработную плату, то цѣна хлѣба можетъ подняться въ гораздо высшей пропорціи, чѣмъ недостатокъ хлѣба въ затронутой неурожаемъ мѣстности. Если землевладѣльцы въ этой части страны только что не потерпятъ вреда, то за то другіе обогатятся въ громадныхъ размѣрахъ.

Въ промышленности подобный случай невозможенъ. Если

здѣсь по какимъ-либо причинамъ въ одной части фабрикъ извѣстной отрасли произойдетъ ухудшеніе условій производства, то соотвѣтственные фабриканты не могутъ изъ-за этого повысить цѣны. Если они это сдѣлаютъ, то тотчасъ другіе расширятъ производство и вытѣснятъ ихъ съ рынка. Но мы найдемъ также, что если гдѣ-нибудь въ промышленности возникаетъ общее вздорожаніе, то оно зависитъ отъ сельскаго хозяйства, такъ что составляетъ слѣдствіе вздорожанія сырья (подобно сельскому хозяйству дѣйствуетъ здѣсь и горнопромышленность).

Причина этого различія между капиталистическимъ сельскимъ хозяйствомъ и капиталистической промышленностью въ общемъ та, что увеличеніе хлѣбнаго производства поставлено въ извѣстные предѣлы, которые не существуютъ для промышленности. И увеличеніе индустріальнаго производства не абсолютно безгранично, но въ капиталистическомъ обществѣ оно относительно таково.

Увеличеніе индустріальнаго производства ограничено: даннымъ числомъ рабочаго населенія, совпадающимъ въ послѣднемъ счетѣ съ общимъ числомъ населенія, данной производительной силой труда, наличными запасами средствъ производства. Но развитая капиталистическая промышленность имѣетъ такой резервъ рабочихъ, средствъ производства и являющихся ad hoc изобрѣтеній, что она можетъ удовлетворить каждому возможному въ капиталистическомъ обществѣ внезапному повышенію рыночнаго спроса; кромѣ того, она можетъ еще увеличить производство посредствомъ измѣненія въ относительной производительности отдѣльныхъ отраслей промышленности. Мы видѣли уже только что обстоятельство, дѣлающее невозможнымъ произвольное увеличеніе хлѣбнаго производства въ каждый данный моментъ,—это зависимость процесса производства отъ естественнаго процесса растительной вегетаціи. Здѣсь дѣло идетъ не только о продолжительности процесса производства, но и объ его связи временами года, такъ какъ жатва можетъ производиться только въ лѣтніе періоды [1]).

[1]) Развитіе путей сообщенія расширяетъ эти естественныя границы, соединяя другъ съ другомъ страны съ различнымъ време-

Всего этого уже достаточно, какъ мы видѣли, чтобы доставить землевладѣльцамъ прибавочную прибыль, образовать ренту. Однако эта прибавочная прибыль случайна и колеблется такъ же, какъ и исходъ жатвы [1]).

Какимъ образомъ землевладѣльцы присваиваютъ эту прибавочную прибыль? Въ силу чего это имъ удается? Разница въ качествѣ земель, какъ мы упомянули, не имѣетъ въ данномъ случаѣ значенія. Эта разница исчезаетъ на цѣлый годъ въ тотъ моментъ, когда жатва собрана. Мѣшокъ ржи не становится ни больше ни меньше, ни лучше оттого, что пространство земли, на которомъ онъ уродился

немъ жатвы. Но это обстоятельство до сихъ поръ не оказывало сильнаго вліянія на хлѣбный рынокъ отчасти потому, что перевозка черезъ океанъ сама до извѣстной степени связана съ временемъ года; еще болѣе потому что страны, наиболѣе важныя для хлѣбнаго рынка какъ по ввозу, такъ и вывозу хлѣба—Европа, Россія, Соединенные Штаты имѣютъ близкое другъ къ другу время жатвы (выступившія въ послѣднее время: Остъ-Индія, Австралія, Аргентина составляютъ, конечно, исключеніе); наконецъ, потому, что съ увеличеніемъ разницы во времени жатвы возрастаетъ и географическое разстояніе, слѣдовательно и время, необходимое для перевозки хлѣба.

[1]) По той же причинѣ, какъ прибавочная прибыль въ случаѣ неурожая, т.-е. потому, что отъ жатвы до жатвы запасъ хлѣба не можетъ быть увеличенъ, возникаетъ и колебаніе цѣны хлѣба въ теченіе земледѣльческаго года. Никакой индустріальный продуктъ не проявляетъ такого правильно повторяющагося движенія цѣнъ. Волнообразному движенію хлѣбныхъ цѣнъ содѣйствуютъ: исходъ жатвы, рыночная потребность, наличные запасы прежняго хлѣба, виды на будущую жатву. Колебанія подъ этимъ вліяніемъ такъ значительны, что, напримѣръ въ Пруссіи въ 1893 — 1894 годахъ, несмотря на привозъ хлѣба изъ за границы, несмотря на развитіе путей сообщенія и т. п., разница между низшей и высшей мѣсячной цѣной ржи достигала 11,6%.

На этихъ колебаніяхъ цѣнъ свила себѣ гнѣздо биржевая игра—сдѣлки на разницу. Спекуляція не производитъ колебаній хлѣбныхъ цѣнъ, возникающихъ изъ сущности капиталистическаго сельскаго хозяйства, но она пользуется ими, чтобы отнять этимъ способомъ у землевладѣльцевъ ихъ прибавочную прибыль. Достаточное основаніе, чтобы тѣ ненавидѣли спекуляцію.

*

даетъ 12 или 20 такихъ мѣшковъ. И частная собственность на землю и почву сама по себѣ не имѣетъ здѣсь значенія. Вспомнимъ только, что въ каждой странѣ есть огромныя пространства плодородной земли, свободной отъ всякаго владѣнія и доступной всѣмъ: кончилась жатва—и до будущей весны они теряютъ значеніе, такъ какъ подъ снѣгомъ и морозомъ хлѣбъ не можетъ зрѣть. Но землевладѣлецъ выступаетъ здѣсь какъ владѣлецъ средствъ производства вообще, безразлично, состоятъ ли они въ землѣ, въ лошадяхъ, скотѣ или машинахъ, такъ же точно, какъ и всякій капиталистъ. Какъ таковой, онъ имѣетъ право собственности на произведенный товаръ. Такимъ образомъ вся произведенная масса хлѣба принадлежитъ прежде всего землевладѣльцамъ. Это помогаетъ имъ, пользуясь указанными рыночными отношеніями, возвышать хлѣбныя цѣны и прятать въ карманъ получаемую прибавочную прибыль, насколько ея не отхватываетъ биржа.

Мы указываемъ прежде всего на это особенное происхожденіе ренты потому, что оно ясно показываетъ, что рента есть явленіе не природное, а общественное, въ частности капиталистическое. Неурожай и зависимость производства хлѣба отъ времени года обусловливаютъ сами по себѣ лишь слѣдующее: необходимость ограничивать потребленіе хлѣба. Въ капиталистическомъ же обществѣ изъ этого для потребителей возникаютъ два слѣдствія: во 1-хъ, они должны ограничивать потребленіе хлѣба, а во 2-хъ, при извѣстныхъ условіяхъ должны платить землевладѣльцу прибавочную прибыль. Эту прибавочную прибыль землевладѣльцы присваиваютъ себѣ такимъ же точно образомъ, какъ классъ капиталистовъ вообще присваиваетъ прибавочную стоимость, а слѣдовательно и всякую прибыль: въ силу ихъ частной собственности на средства производства. Природа такъ же мало производитъ прибавочную прибыль, какъ различіе двухъ половъ—проституцію.

Но на ряду съ пріуроченіемъ производства хлѣба къ естественному процессу роста, что даетъ землевладѣльцамъ прибавочную прибыль лишь случайно, подъ условіемъ недостаточности собраннаго количества хлѣба, въ капитали-

стическомъ земледѣліи есть еще другое ограниченіе для расширенія производства, которое дѣйствуетъ правильно и постоянно образуетъ ренту. Оно возникаетъ изъ того обстоятельства, что въ производство хлѣба вступаетъ—*какъ факторъ производства*—земля.

Земля не однородна, но имѣетъ различную способность приносить доходъ. Отсюда возникаетъ разница въ издержкахъ производства хлѣба на земляхъ различнаго сорта. Но если издержки производства хлѣба различны, какъ образуется тогда цѣна хлѣба? Какія издержки производства явятся опредѣляющими для цѣны хлѣба: произведенныя при наихудшихъ или наилучшихъ условіяхъ?

Положимъ, что опредѣлять цѣну хлѣба будутъ наименьшія издержки производства на лучшей землѣ—это вполнѣ правдоподобно, такъ какъ вѣдь тенденція конкурренціи состоитъ въ томъ, чтобы удешевлять товары. Въ этомъ случаѣ, очевидно, производство хлѣба на земляхъ худшихъ, требующихъ бо̀льшихъ издержекъ, не будетъ окупаться. Эта земля выйдетъ, слѣдовательно, изъ обработки. Идя въ абстракціи дальше, мы достигнемъ того, что лишь *самая лучшая* земля должна оставаться въ обработкѣ.

Однако, здѣсь мы наталкиваемся на предѣлъ расширенія производства: ограниченность пространства земли лучшаго качества. Разъ рыночная потребность растетъ дальше, съ нею возвышается и цѣна хлѣба, пока не станетъ, наконецъ, выгоднымъ занять культурою и землю худшаго качества. Ясно, что теперь издержки производства на худшей землѣ, пока она находится въ достаточномъ количествѣ, будутъ полагать предѣлъ возвышенію хлѣбныхъ цѣнъ.

Но если цѣна хлѣба опредѣляется издержками производства на худшей землѣ, то лучшая земля, съ меньшими издержками производства, должна давать прибавочную прибыль. Эта рента должна удерживаться при капиталистическомъ способѣ производства, пока существуетъ разница въ сортахъ земли. Эта прибавочная прибыль отличается еще и въ другомъ отношеніи отъ случайной формы прибавочной прибыли, которую мы выяснили выше. Та возникла изъ *монопольной цѣны*—которая вызывалась, во всякомъ

случаѣ, условіями производства—и поэтому единственной границей ея возвышенія была потребность рынка. Эта образуется при посредствѣ рыночныхъ колебаній, но возникаетъ она не изъ рыночнаго отношенія, а изъ различій въ производствѣ. Предположенное возвышеніе цѣны хлѣба удерживается и обусловливаетъ прибавочную прибыль лишь потому, что и лишь настолько, насколько расширеніе воздѣлыванія хлѣба связано съ бо́льшими издержками производства. Поэтому границы этой прибавочной прибыли опредѣляются различіемъ въ цѣнахъ производства на худшей землѣ.

Это дифференціальная рента, собственно капиталистическая земельная рента. Мы видимъ, что она не имѣетъ ничего общаго съ абсолютной ограниченностью земли и почвы или даже площади, способной къ культурѣ. Данные предѣлы производства только до тѣхъ поръ абсолютны, пока цѣна хлѣба остается на одномъ уровнѣ. Разъ цѣна поднимается, предѣлы становятся относительными, т.-е. она допускаетъ распространеніе производства, однако только подъ болѣе тяжелыми условіями. Это препятствіе состоитъ какъ будто просто въ бо́льшихъ издержкахъ производства. Однако, капиталистическій способъ производства обусловливаетъ собою то, что дѣло происходитъ не совсѣмъ такъ. Чтобы выяснять являющееся измѣненіе, мы должны взять примѣръ. *Положимъ*, что рынокъ требуетъ 1 милліонъ метрическихъ центнеровъ хлѣба и располагаетъ для этого 20 мил. марокъ. Положимъ теперь, что производство хлѣба въ данный моментъ достигаетъ 900 т. центнеровъ, которые можно купить за 16 мил. марокъ; надо доставить еще 100 т. центнеровъ, за которые можно было бы заплатить 4 мил. марокъ.

4 мил. марокъ, которые были бы вновь издержаны, представляютъ извѣстное количество труда. Въ обществѣ безъ товарнаго производства, напримѣръ, при общественной организаціи производства, дѣло представлялось бы въ такомъ видѣ, что общество должно было бы затратить соотвѣтственную массу труда, чтобы произвести недостающіе 100 т. центнеровъ хлѣба. Оно дошло бы, выражаясь капиталисти-

чески, до цѣны производства въ 40 марокъ за каждый изъ этихъ недостающихъ 100 т. центнеровъ. Не то при господствѣ капитала.

Такъ какъ на капиталистическомъ рынкѣ цѣна производства хлѣба на худшей изъ воздѣлываемыхъ земель опредѣляетъ *общую цѣну хлѣба*, то 40 марокъ были бы этой общей цѣной, и общая стоимость хлѣбнаго запаса возрасла бы поэтому до 40 мил. марокъ. Но по нашему предположенію, для покупки хлѣба имѣется на рынкѣ 20 мил. марокъ, за которые можно купить теперь лишь 500 т. центнеровъ.

Такимъ образомъ явится избытокъ хлѣба, слѣдовательно цѣна хлѣба падетъ, и расширеніе земледѣлія при такихъ отношеніяхъ явится *безвыгоднымъ*. Легко расчислить, что капиталистическое общество въ нашемъ случаѣ можетъ дойти въ производствѣ хлѣба только до цѣны производства въ 20 марокъ за центнеръ [1]).

Отчего же это происходитъ? Рента, которая, слѣдуя законамъ капиталистическаго образованія цѣнъ, вытекаетъ изъ существованія естественныхъ относительныхъ предѣловъ расширенія производства, служитъ сама дальнѣйшимъ ограниченіемъ этого увеличенія производства! Нашъ примѣръ показываетъ еще одно: рента вытекаетъ не изъ различія въ количествѣ получаемаго хлѣба, а изъ различія въ цѣнѣ хлѣба. Различіе въ количествѣ хлѣба остается и при общественно организованномъ натуральномъ хозяйствѣ, но изъ него не возникаетъ никакой ренты, такъ какъ не существуетъ никакой капиталистической товарной цѣны. Прибавочная прибыль получается не оттого, что продукта съ худшей земли получается меньше, но оттого, что цѣна производства этого меньшаго количества становится всеобщей цѣной производства. Но разъ дано *это* условіе, то количество земельной ренты зависитъ не только отъ разницы въ цѣнѣ, но и отъ количества продукта.

---

[1]) Ученіе о конкурренціи, какъ уже упомянуто, не разработано Марксомъ. Сюда принадлежитъ разъясненіе даннаго отношенія, такъ же какъ и ближайшее изслѣдованіе ренты, вытекающей изъ монопольной цѣны, какъ мы объяснили это выше.

Прибавочную прибыль, вытекающую изъ монопольной цѣны, землевладѣльцы присваиваютъ себѣ просто какъ капиталисты, поэтому биржа и можетъ оттягать ее у нихъ. Но ренту, вытекающую изъ различія въ цѣнахъ производства, землевладѣльцы захватываютъ какъ таковые, т.-е. какъ частные собственники на землю.

Поэтому они могутъ совершенно устраниться отъ занятія сельскимъ хозяйствомъ, не теряя ренты. Разъ участокъ земли при данныхъ производственныхъ отношеніяхъ даетъ прибавочную прибыль, землевладѣлецъ находится въ положеніи, позволяющемъ ему назначить за этотъ участокъ арендную плату въ размѣрахъ ренты, такъ какъ капиталистическому арендатору всегда останется еще обыкновенная средняя прибыль на его капиталъ. И если землевладѣлецъ продаетъ свой земельный участокъ, то онъ сохраняетъ капиталистическую ренту въ цѣнѣ земли.

Когда вполнѣ развилась эта система земельной ренты, арендной платы и цѣны земли, то на ея почвѣ появляется рядъ новыхъ видоизмѣненій.

Во-первыхъ, когда вся земля въ странѣ находится въ частномъ владѣніи, то невоздѣланная земля лучшаго качества, чѣмъ худшая изъ воздѣланныхъ, имѣетъ такую же цѣну, какъ и воздѣланная земля равнаго качества. Эта земля не иначе будетъ отдана въ аренду, какъ подъ условіемъ уплаты такой ренты, какую уплачиваютъ воздѣланныя земли равнаго качества.

Во-вторыхъ, даже худшая изъ воздѣланныхъ земель платитъ ренту. Землевладѣлецъ потому будетъ въ состояніи заставить арендатора платить ему за эту землю, что иначе пришлось бы брать въ обработку землю еще худшаго качества.

По той же причинѣ арендаторъ или онъ самъ можетъ соотвѣтственно повысить цѣну хлѣба или извлечь пользу изъ уже послѣдовавшаго повышенія.

Если уже нѣтъ въ наличности никакой худшей земли, то, и худшая изъ обрабатываемыхъ земель будетъ давать ренту, просто потому, что землевладѣлецъ не отдаетъ ее даромъ. Если рыночный спросъ вызываетъ обработку

этой земли, то она можетъ и будетъ платить ренту. Если нѣтъ, то эта земля остается невоздѣланной, но тѣмъ не менѣе она имѣетъ цѣну, такъ какъ здѣсь спекуляція предвосхищаетъ будущую рыночную потребность и будущую ренту. Поэтому въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ нѣтъ ни одной частицы земли, которая не имѣла бы цѣны.

Въ послѣднемъ случаѣ частная собственность является, слѣдовательно, источникомъ ренты на землю, тогда какъ прежде мы считали ее только средствомъ присвоенія.

Эта антиципація земельной ренты и ея закрѣпленіе въ цѣнѣ земли—въ силу частной собственности на землю—является дальнѣйшимъ капиталистическимъ стѣсненіемъ для расширенія производства.

Ясно, что теперь, какъ мы отвлеченно предполагали, и на лучшей землѣ цѣна хлѣба будетъ опредѣляться издержками производства на худшей землѣ. Разъ образовалась рента—а для этого достаточно, чтобы рыночный спросъ распространился на весь хлѣбъ, произведенный на различныхъ сортахъ земли—то и невоздѣланная земля начинаетъ давать ренту.

Такъ какъ за каждую лучшую землю надо платить арендную плату, равную разницѣ въ цѣнахъ производства, то арендаторъ этой земли не можетъ, очевидно, продвать хлѣбъ дешевле, чѣмъ арендаторъ худшей земли. Поэтому—все при предположеніи капиталистической арендной системы—цѣна производства на худшей землѣ будетъ опредѣлять цѣну хлѣба. Что приходится уплачивать арендатору, то же—и покупщику земли, такъ какъ онъ долженъ въ цѣнѣ земли оплатить антиципированную ренту. И онъ или вовсе не будетъ въ состояніи продавать хлѣбъ дешевле, или же на самую малость. Какъ покупатель новой земли, такъ и прежній землевладѣлецъ ведетъ разсчетъ сообразно съ существующими цѣнами на землю. Хотя бы земля ему самому и ничего не стоила, все же онъ разсматриваетъ ее какъ капиталъ опредѣленной величины, который долженъ дать процентъ. Онъ будетъ антиципировать ренту въ цѣнѣ производства своего хлѣба—иначе ему было бы выгоднѣе продать землю. Дѣло будетъ ясно, если мы возьмемъ

крайній примѣръ: владѣлецъ пустого мѣста въ центрѣ большого города, построивши домъ, будетъ разсчитывать наемныя цѣны сообразно съ существующими цѣнами на землю, а не съ тѣми, которыя ему приходилось платить, можетъ быть, много лѣтъ назадъ; поэтому и наемныя цѣны онъ подыметъ такъ же высоко, какъ и владѣльцы окружающихъ домовъ.

Съ другой стороны, такъ какъ и не воздѣланная земля должна платить ренту, то расширеніе площади посѣва будетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда цѣна хлѣба подымется достаточно, чтобы и эта земля могла платить ренту.

Выяснились три источника ренты:

1) Монопольная цѣна (землевладѣльцы выступаютъ какъ простые капиталисты).

2) Различіе въ цѣнахъ производства, смотря по различію въ качествѣ земли (частная собственность служитъ средствомъ присвоенія ренты).

3) Капиталистическая монополія на землю и почву (частная собственность сама производитъ ренту).

Общая связь такова:

Расширеніе производства хлѣба имѣетъ естественные предѣлы. Этимъ стѣсняется конкурренція на хлѣбномъ рынкѣ. Конкурренція же есть единственная сила на капиталистическомъ рынкѣ, которая стремится понижать цѣны. Гдѣ прекращается ея дѣйствіе—цѣны растутъ, пока какое-нибудь другое отношеніе не явится въ видѣ препятствія этому возвышенію цѣнъ, или пока конкурренція опять не выступитъ на сцену. Это дѣйствительно по отношенію ко всѣмъ товарамъ.

Обусловленныя отношеніями производства препятствія для конкурренціи на хлѣбномъ рынкѣ отчасти случайны и временны—если они вызваны неблагопріятной погодой и зависимостью производства отъ временъ года — отчасти они правильны и постоянны, т.-е. поскольку они основываются на различіяхъ въ качествѣ земли. Первое препятствіе абсолютно, т.-е. пока оно существуетъ, оно не допускаетъ никакого расширенія производства. Поэтому выс-

шей границей здѣсь служитъ потребность рынка, опредѣляемая общими капиталистическими производственными отношеніями. Второе препятствіе относительно: когда цѣна хлѣба превосходитъ издержки его производства на худшей землѣ, конкурренція опять пріобрѣтаетъ силу.

Относительные предѣлы расширенія производства, обусловленные различіями въ качествѣ земель въ высшей степени суживаются, благодаря частной собственности на землю, такъ какъ землевладѣльцы предвидя, что возрастающій рыночный спросъ потребуетъ расширенія производства хлѣба, облагаютъ каждую способную къ культурѣ почву арендной платой, которой соотвѣтствуетъ цѣна земли. Благодаря этому, для расширенія производства хлѣба требуется не только, чтобы возросшій рыночный спросъ былъ въ состояніи, кромѣ обычнаго потребленія, окупить также цѣну производства недостающаго хлѣба — но рыночный спросъ долженъ пойти такъ далеко, чтобы быть въ состояніи окупить недостающій хлѣбъ, а иногда вмѣстѣ съ нимъ и весь наличный хлѣбный запасъ, по цѣнамъ производства на худшей изъ всѣхъ воздѣлываемыхъ земель. Землевладѣльцы не только присваиваютъ себѣ ту ренту, которая уже образовалась, но они вообще не допускаютъ и никакого расширенія производства хлѣба, пока оно не будетъ имъ приносить ренту. Другими словами, они до тѣхъ поръ тормозятъ расширеніе производства хлѣба, пока рыночная потребность не достигнетъ высоты, при которой хлѣбныя цѣны оплатятъ имъ желательную ренту.

Это совершается не произвольно, а путемъ закрѣпленія ренты въ формѣ арендной платы и цѣны земли. Такимъ образомъ, это есть общественный процессъ, который представляется землевладѣльцамъ какъ нѣчто самостоятельное и данное природой.

Надо разъяснить еще одинъ вопросъ: какъ происходитъ процессъ, когда увеличеніе производства хлѣба достигается не путемъ увеличенія площади посѣва, но такъ, что культура на воздѣланной уже землѣ интенсифицируется посредствомъ приложенія бо́льшаго капитала, т.-е. когда удается увеличить валовой (натуральный) доходъ съ земли?

Единственный случай, заслуживающій нашего разсмотрѣнія—тотъ, когда цѣна производства полученнаго прибавочнаго количества хлѣба меньше, чѣмъ господствующая хлѣбная цѣна. Тогда является слѣдующее:

Если увеличеніе производства не превышаетъ потребности рынка, то цѣна хлѣба остается неизмѣнной. Тогда полученное такимъ образомъ прибавочное количество продукта, благодаря меньшимъ издержкамъ производства, даетъ ренту, слѣдовательно, общая сумма ренты съ даннаго пространства земли возрастаетъ: арендаторъ платитъ большую плату, покупатель—высшую цѣну за землю, и землевладѣлецъ ожидаетъ болѣе высокаго процента на капиталъ. Итакъ, здѣсь происходитъ то же, что при обращеніи къ землѣ лучшаго качества: отягченная рентой она требуетъ такихъ же хлѣбныхъ цѣнъ, какъ и худшая земля, т.-е. земля, на которой господствуетъ еще прежній способъ культуры. Такимъ образомъ эта земля не понизитъ цѣны хлѣба. Она остается внѣ конкурренціи, завоевываетъ себѣ мѣсто hors de combat!

Если увеличеніе интенсивности культуры идетъ все дальше и дальше, то можетъ возникнуть перепроизводство. Тогда хлѣбныя цѣны падаютъ. Но это паденіе вовсе не должно идти до уровня издержекъ производства на новой культурѣ, меньшихъ по нашему предположенію. Именно, такъ какъ упавшія хлѣбныя цѣны дѣлаютъ производство хлѣба на всей землѣ прежней культуры менѣе выгоднымъ, то съ этой стороны возникаютъ безпрестанныя попытки опять поднять цѣны. Поэтому, какъ и при монопольной цѣнѣ, рыночная потребность опредѣляетъ здѣсь, на этотъ разъ низшую, границу цѣнъ. И для новой культуры имѣется полная возможность приносить ренту, несмотря на понизившіяся цѣны хлѣба.

Мы имѣемъ, слѣдовательно, такую разницу: одна земля остается при прежней культурѣ, на другой возникаетъ культура болѣе интенсивная. Пока обѣ культуры существуютъ наряду другъ съ другомъ, новая даетъ ренту по отношенію къ старой. Но тенденція, повидимому, состоитъ въ томъ, что новая культура все тѣснитъ старую и поэтому

стремится понизить цѣны. Между тѣмъ происходитъ такой же процессъ, какъ и относительно не воздѣланной земли: рента антиципируется. Земля одинаковаго качества должна имѣть одинаковую арендную плату и продажную цѣну. Если на опредѣленной землѣ, занятой новою, болѣе интенсивной культурой, арендная плата, а соотвѣтственно и цѣна земли, по приведеннымъ основаніямъ, повышается, то она повышается также и на всѣхъ земляхъ равнаго качества, хотя бы между ними были земли прежней культуры или даже вовсе невоздѣланныя. Отсюда выводъ, что примѣненіе новаго рода культуры не будетъ въ состояніи понизить цѣны на землю, такъ какъ на пути къ этому стоитъ возросшая, уже антиципированная рента. Еще другой выводъ — дальнѣйшее распространеніе новаго способа культуры наткнется на тѣ же препятствія, какъ и расширеніе площади посѣва: потребность рынка должна высоко подняться, чтобы поглотить возросшую массу хлѣба по прежней цѣнѣ. Этимъ объясняется, почему производственныя улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ гораздо медленнѣе получаютъ всеобщее распространеніе, чѣмъ въ промышленности. Въ промышленности производственныя улучшенія ведутъ къ удешевленію продукта. Этимъ расширяется рынокъ, а съ другой стороны конкурренція наноситъ ударъ старымъ способамъ производства. Въ сельскомъ же хозяйствѣ, какъ показано, расширеніе производства *слѣдуетъ* за рыночной потребностью, цѣны понижаются мало, и могущественно возрастающая рента преграждаетъ путь дальнѣйшему пониженію цѣнъ.

Капиталистическое сельское хозяйство имѣетъ тенденцію не допускать пониженія хлѣбныхъ цѣнъ ниже уровня отсталыхъ способовъ производства. Несомнѣнно, что введеніе раціональной плодоперемѣнной системы вызвало большое повышеніе ренты, но хлѣбныхъ цѣнъ оно не понизило. Наблюдая движеніе хлѣбныхъ цѣнъ въ капиталистической странѣ, легко придти къ мысли, что техника производства въ сельскомъ хозяйствѣ, по меньшей мѣрѣ, остается на томъ же мѣстѣ. Но достаточно бросить взглядъ на движеніе арендной платы или на цѣны земли, чтобы убѣдиться, кто собираетъ плоды развитія производства. Возвышеніе ренты

при такихъ условіяхъ почти можетъ служить мѣрою уменьшенія издержекъ производства [1]).

Вкратцѣ, экономическій смыслъ земельной ренты состоитъ въ томъ, что она создаетъ препятствіе паденію хлѣбныхъ цѣнъ.

Прикрывшись этимъ щитомъ, землевладѣльцы обращаютъ все экономическое развитіе въ свою пользу: они получаютъ прибыль отъ естественнаго плодородія своей земли, отъ ея искусственнаго плодородія, отъ возрастающей потребности рынка, отъ каждаго уменьшенія издержекъ производства.

Надо въ особенности уяснить еще одинъ моментъ. Каждое уменьшеніе заработной платы увеличиваетъ прибавочную стоимость. Фабрикантъ, которому удается понизить плату,

---

[1]) По этимъ причинамъ и капиталистическое уничтоженіе мелкаго крестьянства совершается иначе, чѣмъ разрушеніе мелкой промышленности. Ремесленникъ изгоняется съ рынка и теряетъ свое производство благодаря дешевому фабричному товару, крестьянинъ же, если цѣна хлѣба не падаетъ, несмотря на отсталость своего способа производства, одною конкурренціей не можетъ быть вытѣсненъ съ рынка. Поэтому англійское сельско-хозяйственное крупное производство должно было силою очистить землю отъ крестьянъ, чтобы быть въ состояніи вполнѣ развиться.

Развитое капиталистическое производство имѣетъ болѣе изящное средство, чтобы отдѣлаться отъ крестьянъ. Намъ достаточно здѣсь упомянуть, что если капиталистическая земельная рента отводитъ отъ головы крестьянина висящій надъ нею мечъ падающихъ цѣнъ, то, съ другой стороны, крестьянинъ не имѣетъ никакого представленія о земельной рентѣ. То, что онъ вырабатываетъ самостоятельнымъ производителемъ, есть не болѣе какъ нищенская заработная плата. Онъ сталкивается съ рентой въ первый разъ, и именно въ видѣ возросшей цѣны земли, когда онъ продаетъ (или закладываетъ) свою землю, т.-е. онъ выступаетъ какъ капиталистическій землевладѣлецъ только въ тотъ моментъ, когда перестаетъ быть землевладѣльцемъ. Если онъ хочетъ вернуться назадъ и снова стать сельскимъ хозяиномъ, то онъ опять сталкивается съ рентой, которая преграждаетъ ему дорогу, какъ ангелъ огненнымъ мечомъ, путь въ рай.

Поэтому подъ вліяніемъ ренты въ сельскомъ хозяйствѣ борьба между крупнымъ и мелкимъ производствомъ принимаетъ особыя формы.

получаетъ поэтому на свой капиталъ бо́льшую прибыль. Если вслѣдъ за нимъ и всѣ другіе продѣлываютъ то же, то всѣ они получатъ отъ этого прибыль. Но въ то же время въ этой отрасли промышленности произойдетъ расширеніе производства, такъ какъ каждый фабрикантъ будетъ стараться отвоевать для себя весь этотъ столь выгодный рынокъ. Результатомъ будетъ перепроизводство, и товарныя цѣны настолько понизятся, что, въ концѣ концовъ, останется лишь прежняя обыкновенная средняя прибыль.

Другое дѣло сельское хозяйство. Если здѣсь заработная плата падаетъ, то изъ этого не возникаетъ никакого расширенія производства хлѣба. Единственный результатъ будетъ, слѣдовательно, состоять въ томъ, что возрастетъ прибавочная прибыль. Такимъ образомъ, растетъ рента, которая затѣмъ, обыкновенно, фиксируется. Тогда арендная плата и цѣна земли становятся такимъ же препятствіемъ повышенію заработной платы, какъ и пониженію хлѣбныхъ цѣнъ.

Это служитъ причиной, почему капиталистическое сельское хозяйство является не только съ отсталыми хлѣбными цѣнами, но и съ отсталой заработной платой. Несмотря на то, что оно даетъ прибавочную прибыль, т.-е, земельную ренту, заработная плата въ немъ значительно ниже, чѣмъ въ промышленности. Понятно, что для этого необходима наличность дешеваго рабочаго матеріала. Но при разсмотрѣніи кризисовъ мы увидимъ, что даже если это предположеніе не вполнѣ осуществляется, тѣмъ не менѣе сельскохозяйственная заработная плата повышается лишь очень медленно [1]).

---

[1]) Д-ръ Gustav Ruhland открылъ, что по Рикардо возвышеніе цѣны предметовъ необходимости ведетъ за собою возвышеніе заработной платы. Это ничто иное, какъ извѣстная предпосылка хорошо всѣмъ знакомаго «желѣзнаго закона заработной платы». Но д-ръ Gustav Ruhland открылъ его опять. «Moritz, du bist ein grosser Mann!..»

Кучею вырванныхъ изъ связи, невѣрно переданныхъ цитатъ д-ръ Ruhland стремится затѣмъ доказать, что по Рикардо положеніе рабочаго улучшается, когда растутъ хлѣбныя цѣны, такъ какъ тогда возвышается заработная плата. Но все же, если бы д-ръ Ruhland

Наше изслѣдованіе показало, что условія земельной ренты тѣсно связаны съ потребностью рынка. Падаетъ рыночная потребность, и вся тѣсная компанія—земельная рента, арендная плата, цѣна земли, земельная собственность, цѣна

прочиталъ въ книгѣ Рикардо хоть одну коротенькую главу о заработной платѣ, онъ могъ бы убѣдиться, что Рикардо говоритъ какъ разъ обратное, доказывая это вычисленіемъ. Рикардо изслѣдуетъ вліяніе возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ на ренту и на заработную плату. Показавши, какъ землевладѣлецъ извлекаетъ при этомъ выгоду, онъ продолжаетъ: «участь рабочаго менѣе счастлива; правда, онъ получаетъ болѣе денегъ, но его хлѣбная плата понизилась, и не только онъ имѣетъ въ распоряженіи меньше хлѣба, но и общее положеніе его ухудшилось, такъ какъ ему труднѣе удержать рыночную норму своей заработной платы надъ уровнемъ естественной величины ея. Тогда какъ цѣна хлѣба возрастаетъ на 10%, заработная плата возвышается всегда менѣе чѣмъ на 10%, а рента всегда возрастаетъ болѣе; положеніе работника въ общемъ все ухудшается, а положеніе землевладѣльца постоянно улучшается» (глава о зар. платѣ).

Несмотря на это, д-ръ Ruhland, не смущаясь, «съ желѣзною послѣдовательностью», клеймитъ Рикардо названіемъ аграрія. Не смѣшиваетъ ли д-ръ Ruhland желѣзной послѣдовательности со своимъ не уступающимъ желѣзному лбомъ?

Отдѣлавши такимъ способомъ Рикардо, д-ръ Ruhland съ развязностью обращается къ Карлу Марксу, относительно котораго «еще гораздо легче» доказать, что онъ аграрій. Марксъ разбилъ съ безпощадной опредѣленностью аргументы англійскихъ фритредеровъ, обѣщавшихъ рабочимъ райское житье, какъ только будутъ отмѣнены хлѣбные законы. Онъ доказалъ, что паденіе цѣны хлѣба будетъ сопровождаться еще болѣе сильнымъ паденіемъ заработной платы. Этого достаточно! Марксъ обращается противъ фритредеровъ, слѣдовательно, онъ скрытый аграрій. Въ концѣ концовъ Марксъ самъ сказалъ, что онъ, какъ революціонеръ, стоитъ за свободную торговлю, слѣдовательно, каждый не революціонеръ долженъ быть противъ свободной торговли!

Марксъ изслѣдуетъ въ своей рѣчи только дѣйствіе экономическихъ силъ. Падетъ ли и насколько падетъ при пониженіи цѣны хлѣба заработная плата—понятно, это зависитъ еще отъ противодѣйствія, какое можетъ оказать рабочій классъ пониженію заработной платы. Марксъ былъ бы послѣднимъ изъ тѣхъ, кто сталъ бы оспаривать важность этого момента.

хлѣба—колеблется въ своихъ основахъ. Но что рыночная потребность не падаетъ, а повышается, въ этомъ порукою, какъ мы раньше выяснили, индустріальное развитіе. Оно способствуетъ этому даже въ такой мѣрѣ, что цѣны хлѣба повышаются. И каждое новое повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ тотчасъ знакомымъ уже намъ способомъ фиксируется въ видѣ ренты и ведетъ къ искусственному ухудшенію условій производства хлѣба.

Но такъ какъ развитіе капиталистической промышленности ведетъ къ удешевленію ея продуктовъ, а развитіе капиталистическаго сельскаго хозяйства къ ихъ вздорожанію, то капиталистическія страны побиваютъ другія на индустріальномъ рынкѣ и побиваются ими на сельско-хозяйственномъ рынкѣ. Такъ возникаетъ капиталистическій аграрный кризисъ, и намъ предстоитъ изслѣдовать его отношенія къ другимъ явленіямъ и его дѣйствіе на нихъ.

Б. Кризисъ.

Индустріальное развитіе возвышаетъ рыночный спросъ на хлѣбъ. Вмѣстѣ съ рыночнымъ спросомъ растутъ хлѣбныя цѣны. Съ возвышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ расширяется площадь посѣва и усиливается интенсивность культуры, т.-е. увеличивается количество продукта съ гектара, благодаря приложенію большаго капитала. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ земельная рента, соотвѣтственно ей

Съ другой стороны, если Марксъ мало симпатизируетъ промышленнымъ капиталистамъ, то еще меньше симпатіи онъ имѣетъ къ землевладѣльцамъ. Если только кто-нибудь, то именно Карлъ Марксъ показалъ, какимъ варварскимъ способомъ землевладѣльцы обогащаются, обирая рабочихъ. (См. въ особенности «Капиталъ», т. I, гл. 23, 3). Марксъ неопровержимо доказалъ, что возвышенію земельной ренты и хлѣбныхъ цѣнъ можетъ соотвѣтствовать жестокое ухудшеніе жизненаго положенія рабочихъ.

Но д-ру Ruhland'у не нужно, конечно, предварительно читать сочиненія писателей, относительно которыхъ онъ желаетъ публично высказывать свое мнѣніе.

арендная плата, а съ ними и цѣна земли. Все это тѣсно связано между собою. Но при этомъ показывается обратная сторона медали. Такъ какъ цѣна земли высока, то должна быть высока и рента—иначе землевладѣлецъ, купившій эту землю, не выручитъ своихъ затратъ. Но такъ какъ рента должна быть высока, то оборотный капиталъ не можетъ быть сокращенъ, иначе уменьшится количество получаемаго продукта и падетъ рента, А если наряду съ рентой и оборотный капиталъ долженъ быть значителенъ, то не могутъ быть уменьшены издержки производства—конечно предполагая неизмѣняющуюся заработную плату—а слѣдовательно и хлѣбныя цѣны должны оставаться на разъ достигнутой высотѣ.

Представимъ теперь, что высоко развитая въ промышленномъ отношеніи страна вступаетъ въ торговыя сношенія съ другою, въ которой промышленность развита гораздо меньше. Эта другая страна будетъ имѣть меньшія цѣны земли, низшую ренту, мало развитое сельское хозяйство, меньшій доходъ съ земли и низшія хлѣбныя цѣны. Это будетъ, слѣдовательно, сельско-хозяйственная страна: она будетъ ввозить хлѣбъ въ промышленную. Мы видимъ, что здѣсь дѣло совершенно не касается различій въ качествѣ земель. Пусть качество земли въ обѣихъ странахъ одинаково, все же земледѣльческая страна побьетъ промышленую на хлѣбномъ рынкѣ уже потому, что она будетъ имѣть низшую земельную ренту, то-есть фактически низшее сельско-хозяйственное развитіе. Этотъ теоретическій выводъ вполнѣ совпадаетъ съ дѣйствительностью. Средній урожай пшеницы достигаетъ (гектолитровъ съ гектара) [1]).

---

[1]) Цифра для Россіи взята изъ обработаннаго д ромъ Францомъ Юрашекомъ новаго изданія Нейманъ-Спаллартовскихъ «Uebersichten der Weltwirthschaft», остальныя данныя изъ книги: Max Sering, «Die landwirthschaftliche Konkurrenz Nordamerikas». Этому труду, основанному на превосходномъ изслѣдованіи, недостаетъ одного: теоретическаго единства. Поэтому авторъ со своими выводами относительно аграрной политики попадаетъ въ тупой переулокъ. Все вмѣстѣ представляетъ пѣсенку на тему: «Если Богу бу-

Великобританія	26,9.
Германія	17,0.
Франція	14,9.
Венгрія	11,0.
Соединенные Штаты	10,7.
Россія	6,7.

Такимъ образомъ, страны съ меньшей производительностью, страны меньшаго развитія сельскаго хозяйства господствуютъ на хлѣбномъ рынкѣ. Удивительная вещь: все сельско-хозяйственное развитіе этого столѣтія, развитіе химіи, спеціальной агрономіи, уразумѣніе обмѣна веществъ въ растеніяхъ, свойствъ почвы, введеніе машинъ, меліорацій, раціональной плодосмѣнной системы и т. д.—все это было для чего же?! Не лучше ли было бы остаться при старомъ трехпольномъ хозяйствѣ, которое даетъ въ Россіи 6,7 гектолитровъ съ гектара? Но это было бы осужденіемъ вся-

---

детъ угодно, то когда-нибудь все будетъ иначе. А пока счастливый оборотъ, съ Божьей помощью, еще не пришелъ, нужны охранительныя пошлины». И однако факты, приводимые Зерингомъ, говорятъ очень краснорѣчиво; но ключъ къ пониманію ихъ даетъ лишь теорія земельной ренты Карла Маркса.

Уже болѣе четверти столѣтія буржуазные экономисты стараются, съ грѣхомъ пополамъ, понять общія воззрѣнія Маркса на капиталистическія отношенія. Кажется, должна пройти еще другая четверть столѣтія, прежде чѣмъ они научатся читать третій томъ «Капитала». До сихъ поръ даже самъ Вернеръ Зомбартъ, безъ сомнѣнія талантливѣйшій изъ буржуазныхъ истолкователей «Капитала», покачиваетъ головой и объясняетъ намъ, что аграрныя воззрѣнія Маркса «должны быть выброшены за бортъ; какое значеніе будетъ имѣть все остальное, какъ единая теорія, трудно еще опредѣлить». И все-таки Марксъ былъ первый, который далъ критически неуязвимое и въ общихъ чертахъ полное изложеніе земельной ренты. Теорія ренты Маркса такъ же относится къ теоріи ренты Рикардо, какъ его теорія цѣнности, капитала, прибыли и цѣны къ классической трудовой теоріи цѣнности.

Однако мы ловимъ профессора Вернера Зомбарта на словахъ и ожидаемъ отъ него, въ числѣ другихъ обѣщанныхъ въ «Zukunft» великихъ дѣлъ, также и того, что онъ сумѣетъ «выкинуть за бортъ» аграрныя ученія Маркса.

*

каго успѣха въ сельскомъ хозяйствѣ. Ясно, что это лишь капиталистическій парадоксъ. Мы знаемъ, что выводы науки не могутъ ничего съ этимъ подѣлать. Пусть издержки производства падутъ еще ниже вслѣдствіе улучшеннаго хозяйства—выгоду отъ этого получитъ только капиталистическая земельная собственность. Хлѣбныя цѣны отъ этого не понизятся, только рента подымется, пока рыночный спросъ на хлѣбъ не уменьшится или другая страна не вступитъ въ конкурренцію.

Въ головѣ землевладѣльца это явленіе отражается, конечно, въ обратномъ видѣ. Цѣна земли кажется ему чѣмъ-то естественнымъ, даннымъ напередъ—такъ какъ онъ ее *заплатилъ*. Выступая въ качествѣ сельскаго хозяина, онъ застаетъ уже цѣны на землю какъ нѣчто существующее. Поэтому для него само собою понятно, что онъ долженъ получать такую именно, а не меньшую ренту, другими словами, что рента не смѣетъ понижаться, а должна только повышаться. Если всякій другой капиталистъ принимаетъ въ разсчетъ пониженіе цѣнъ, то землевладѣльцы разсчитываютъ только на *повышеніе* хлѣбныхъ цѣнъ. Если же цѣны на хлѣбъ все-таки падаютъ, что другое виною въ этомъ, какъ не „необузданная конкурренція“ чужихъ странъ, удовлетворяющаяся меньшими рентами? „Тамъ и цѣны на землю низки,—плачутся капиталистическіе землевладѣльцы,—а съ этимъ мы не можемъ бороться“. Что заграничныя цѣны на землю и ренты кажутся имъ низкими только потому, что ихъ собственныя *слишкомъ высоки*, это имъ не приходитъ на умъ.

Ничто не можетъ научить ихъ понимать истинное положеніе дѣлъ, такъ какъ на каждый доводъ они имѣютъ, съ своей точки зрѣнія, дѣйствительно неопровержимый отвѣтъ: „развѣ капиталъ, который мы заплатили за землю, не долженъ приносить такой же прибыли, какъ всякій другой капиталъ? [1]). А въ такомъ случаѣ рента не можетъ быть

---

[1]) Вульгарная экономія, задача которой состоитъ въ томъ, чтобы переводить на научный языкъ житейскій дѣловой лексиконъ капиталистовъ, объявляетъ, что и земля, и почва тоже *капиталъ*.

менѣе". Они причисляютъ земельную ренту, какъ процентъ на капиталъ, затраченный на покупку земли, вмѣстѣ съ процентомъ на оборотный капиталъ, къ цѣнѣ производства, и поэтому разница въ конкурренціи различныхъ странъ является въ видѣ общей разницы въ *издержкахъ производства*. Въ этомъ выраженіи дѣйствительный характеръ явленія вполнѣ исчезъ, такъ какъ издержки производства обусловлены не только рентой, но еще и другими обстоятельствами, именно различіемъ въ качествѣ земель.

Это явленіе, какъ оно отражается въ капиталистическомъ сельскомъ хозяйствѣ, не вполнѣ чуждо и капиталистической промышленности. Только здѣсь оно связано съ исключительными условіями и является случайностью. Эта исключительная случайность является при всякомъ весьма важномъ новомъ изобрѣтеніи, если удается на время монополизировать его примѣненіе. Новѣйшій примѣръ этого рода— газовая ауэровская горѣлка.

Общество ауэровскихъ горѣлокъ получало сначала, какъ извѣстно, совершенно исключительные барыши. Оно давало дивиденды въ 100 и даже 128%, пока никто не стоялъ у него на пути. Такимъ образомъ, оно въ дѣйствительности получало сверхъ средней нормы прибыли еще огромную прибавочную

Вѣрно при этомъ только то, что деньги, заплоченныя за землю, были капиталомъ.

Это манера буржуазной политической экономіи – разсматривать общественныя отношенія, какъ естественныя особенности тѣхъ вещей, которыя при этомъ играютъ роль. Но такъ какъ одинъ и тотъ же предметъ, смотря по отношеніямъ, въ которыя онъ вступаетъ, является каждый разъ инымъ, то она попадаетъ, такимъ образомъ, въ неразрѣшимую логическую путаницу, которая представляетъ неисчерпаемую матерію для схоластическихъ изслѣдованій. Такъ, недавно господинъ профессоръ Луйо Брентано углубился въ очень мудрое разсужденіе о томъ, представляетъ ли земельная собственность, владѣніе которою онъ называетъ «службою, налагающей обязанности», представляетъ ли она товаръ или капиталъ?.. Господинъ профессоръ могъ бы съ тѣмъ же успѣхомъ заняться изслѣдованіемъ вопроса, что ѣстъ быкъ: синекуру, товаръ, капиталъ, частную собственность или связку соломы?

прибыль—получало ренту. Соотвѣтственно этому повысился курсъ, т.-е. цѣна ихъ акцій, точно такимъ же образомъ, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ растутъ цѣны земли. Кто покупалъ, такимъ образомъ, ауэровскія акціи по курсу, тотъ оплачивалъ въ нихъ почти всю капитализированную прибавочную прибыль. Поэтому, если курсъ, напримѣръ, на акцію, цѣною номинально въ 100 марокъ, стоялъ 800 марокъ, то владѣлецъ десяти такихъ акцій, хотя бы онъ, со своей стороны, купилъ ихъ по номинальной стоимости, считалъ себя владѣльцемъ имущества не въ 1.000, а въ 8.000 марокъ.

Ясно, что пока продолжалось исключительное господство этого акціонернаго общества, оно ничѣмъ не было принуждаемо, несмотря на сбереженія въ издержкахъ производства, къ тому, чтобы понизить цѣны. Всѣ улучшенія, сдѣланныя въ производствѣ, оно могло обращать на увеличеніе прибавочной прибыли. По внѣшности казалось, будто издержки производства оставались тѣ же, а на самомъ дѣлѣ за это время техника могла очень улучшиться, и издержки производства могли быть понижены. Если бы пала цѣна сырого матеріала, то всѣ другія фабрики понизили бы товарныя цѣны—здѣсь онѣ бы не понизились, но возрасла бы прибыль.

То же при сокращеніи заработной платы и т. д. Но когда конкурренціи удалось пробить себѣ дорогу—при чемъ безразлично, сдѣлано ли было аналогичное новое открытіе или хитростью обойденъ законъ о патентахъ—тогда положеніе измѣнилось. Конкурренція заставила понижать цѣны. Если дѣло пойдетъ такъ дальше, то вся прибавочная прибыль общества газовыхъ горѣлокъ исчезнетъ. Цѣны горѣлокъ теперь упали почти на половину.

При этомъ курсъ даже первыхъ акцій общества газовыхъ горѣлокъ долженъ будетъ опуститься до номинальной цѣны. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что при такихъ предпріятіяхъ обыкновенно выпускается больше акцій, чѣмъ сколько капитала дѣйствуетъ въ предпріятіи. Часть акціонернаго капитала достается учредителямъ безвозмездно. Это значитъ, что учредители антиципируютъ прибавочную прибыль, какъ владѣльцы невоздѣланной земли антиципируютъ земельную ренту.

Ясно, что тѣ, кто купилъ акціи по ихъ позднѣйшему биржевому курсу, должны потерпѣть тѣмъ бо̀льшія потери, чѣмъ выше былъ этотъ курсъ, т.-е. прибавочная прибыль, на которой онъ основывался. Но и первые покупатели акцій, которые до сихъ поръ брали всю прибавочную прибыль, сразу попадутъ теперь въ очень жалкое положеніе. Они устроили всю свою жизнь соотвѣтственно высокой прибавочной прибыли съ вздорожавшихъ акцій; они выдавали своихъ дочерей замужъ сообразно своему состоянію; содержали своихъ сыновей, можетъ быть, въ гвардіи; сами позволяли себѣ кое что лишнее; вступали, наконецъ, въ другія предпріятія, напримѣръ, устраивали винокуренные и другіе заводы и т. д. Сверхъ того они потребляли не только свои большіе барыши, но широко пользовались также и своею сильно возросшею *кредитоспособностью*. Только одно различіе между ними и землевладѣльцами: они не могли устраивать никакихъ *гипотекъ*. Конечно, и они закладывали свои акціи, но способность бумагъ къ залогу далеко не такъ велика, и кредитъ гораздо дороже, чѣмъ на землю. Тѣмъ не менѣе и они теперь разоряются, такъ какъ вмѣстѣ съ прибавочной прибылью исчезаетъ также и ихъ платежная способность.

Но ясно еще и другое: то, что общества газовыхъ горѣлокъ, выступившія впослѣдствіи, вовсе не нуждаются въ открытіи какого-нибудь лучшаго, т.-е. болѣе дешеваго освѣщенія, чтобы быть въ состояніи конкуррировать съ первыми изъ такихъ обществъ. Напротивъ, они могутъ имѣть даже худшую и болѣе дорогую технику, и, тѣмъ не менѣе, они будутъ продавать дешевле, чѣмъ первое общество, такъ какъ это послѣднее должно сообразоваться съ тѣмъ, что его акціонеры ожидаютъ высокой прибыли, соотвѣтствующей высокому биржевому курсу. Какъ при такихъ отношеніяхъ возникаетъ борьба не на жизнь, а на смерть между учредителями, владѣльцами основныхъ акцій, владѣльцами другихъ акцій, борьба различныхъ акціонерныхъ обществъ между собою, и какъ разрѣшается вся эта каша, все это принадлежитъ къ ученію о *биржѣ*, что имѣетъ уже слишкомъ отдаленную связь съ нашимъ изслѣдованіемъ. Чтобы еще

дополнить аналогію съ земельной собственностью, надо только вспомнить, что впослѣдствіи является заграничная конкурренція, т.-е. конкурренція со страною, не подчиненною патентному праву. Тогда всѣ обиженные отечественные интересы станутъ приписывать все зло, конечно, иностранцамъ, станутъ требовать охранительныхъ пошлинъ, и если это не поможетъ, то весьма возможно, что они дойдутъ до такихъ же странныхъ проектовъ относительно валюты какъ и аграріи [1]). Однимъ словомъ, если тогда по-

---

[1]) Это не простая безсмыслица, что аграріи выступаютъ въ защиту биметаллизма, хотя, конечно, они могли бы очень обмануться въ своихъ ожиданіяхъ. Обезцѣненіе денегъ ведетъ за собою номинальное возвышеніе цѣнъ товаровъ, т.-е. цѣна товаровъ возвышается по отношенію къ золоту, но ихъ мѣновое отношеніе другъ къ другу остается прежнее. Такъ какъ теперь является общая дороговизна, то въ равной мѣрѣ возвышается и номинальная стоимость земельной ренты. Если владѣлецъ 100 гектаровъ получалъ раньше ренту въ 50 марокъ съ гектара, всего значитъ 5.000 марокъ, то, при вздорожаніи на 10%, онъ будетъ получать теперь 5.500 марокъ. Если онъ обращаетъ эти 5.500 марокъ исключительно на покупку товаровъ, все-равно, для производительныхъ ли цѣлей или для личнаго потребленія, то въ его положеніи не измѣняется совершенно ничто, такъ какъ онъ долженъ оплачивать всѣ товары соотвѣтственно дороже. Другое дѣло, если часть своихъ денегъ онъ обратитъ на уплату процентовъ или долговъ, такъ какъ сумма прежнихъ долговъ осталась та же, не возрасла вслѣдствіе общаго вздорожанія. Если онъ, такимъ образомъ, 9/10 ренты потребляетъ самъ, а 1/10 обращаетъ на уплату долговъ, то для этого ему прежде оставалось 500, а теперь 550 марокъ. Номинальное возвышеніе цѣнъ является для него въ этомъ смыслѣ очень реальнымъ уменьшеніемъ его долга.

Но дѣйствительность не такъ проста какъ спекулятивный разсчетъ. Спрашивается, въ такой ли степени возвысятся товарныя цѣны, въ томъ числѣ и хлѣбныя цѣны, въ какой падетъ золото? Дѣло въ томъ, что если принять во вниманіе иностранную конкурренцію, то это представляется очень проблематичнымъ. Далѣе спрашивается, не повлечетъ ли за собою колебаніе цѣнъ застоя въ хозяйствѣ, можетъ бы даже торговаго кризиса, который, вмѣсто повышенія цѣнъ, еще больше понизитъ ихъ?!

Нѣсколько вѣрнѣе была бы другая спекуляція: можетъ быть,

бывать на общемъ собраніи акціонеровъ этого общества, то его можно будетъ легко смѣшать съ „Союзомъ сельскихъ хозяевъ“. Но даже не самый фактъ обогащенія и разоренія сельскихъ хозяевъ больше всего бросается въ глаза. Аналогію можно ежедневно видѣть на биржѣ, съ которою капиталистическое землевладѣніе вообще имѣетъ очень тѣсную связь. Знаменательно то, что этотъ процессъ въ капиталистическомъ сельскомъ хозяйствѣ проявляется не въ видѣ случайностей и единичныхъ примѣровъ, но является въ видѣ общаго законосообразнаго результата экономическаго развитія.

Такъ называемыя земледѣльческія страны, исключая земледѣльческихъ колоній, имѣютъ сравнительно съ индустріальными странами преимущество не только въ видѣ низшей земельной ренты, но и въ видѣ низшей заработной платы [1]). Въ то время, какъ хлѣбныя цѣны, благо-

---

цѣны на рабочія руки возрастутъ въ меньшей степени, чѣмъ вздорожаютъ товары. Это было бы, конечно, чистой прибылью, которая тотчасъ была бы присвоена землевладѣльцами въ видѣ ренты Но и тутъ рабочій классъ достаточно остороженъ для того, чтобы пресѣчь возможность такихъ экспериментовъ.

Но что больше всего привлекаетъ при всей этой операціи—это возвышеніе цѣнъ земли. Номинальное возвышеніе земельной ренты идетъ на пользу землевладѣльцу лишь одною своей крошечной частью, частью, которую онъ не потребляетъ; возвышеніе же цѣнъ на землю достается ему въ полномъ объемѣ. Въ нашемъ примѣрѣ отъ возвышенія ренты онъ получилъ бы 50 марокъ выгоды, а считая по 4%, цѣна его земли возрасла бы на 12.500 марокъ!

Но существуетъ одна маленькая запятая. Эта возросшая цѣна земли будетъ реализована вполнѣ лишь тогда, когда земля будетъ продана. Но найдется ли при такихъ условіяхъ покупатель? Едва ли можно этого ожидать. Но на возросшую стоимость можетъ быть наложена новая гипотека. Вотъ это и есть то, что повлекло бы за собою введеніе биметаллизма: не освобожденіе отъ долговъ, а еще большую задолженность.

[1]) Въ колоніяхъ, гдѣ образуется самостоятельное фермерство, индустріальныя заработныя платы стоятъ высоко. Съ другой стороны—земледѣльческая заработная плата регулируется здѣсь

даря заграничному спросу растутъ, заработная плата остается на низкомъ уровнѣ, и земледѣлецъ стремится, гдѣ возможно, понизить ее, чтобы такимъ образомъ, не увеличивая оборотнаго капитала, покрыть возросшій спросъ на хлѣбъ [1]). Земельная рента, напримѣръ, прусскихъ юнкеровъ въ значительной степени образовалась такимъ способомъ.

Съ другой стороны, въ мало развитыхъ въ индустріальномъ отношеніи странахъ средняя норма прибыли бываетъ выше. Отсюда возникаетъ невыгода для землевладѣльцевъ, такъ какъ ихъ рента капитализируется въ низшей суммѣ (1.000 марокъ ренты даютъ, считая по 4%, цѣну земли въ 25.000 марокъ, а считая по 5%—только 20.000 марокъ). По той же причинѣ капиталистическій землевладѣлецъ, отдавая свой участокъ въ аренду, долженъ былъ бы предоставить арендатору бо́льшій процентъ въ видѣ прибыли. Выражаясь иначе: тогда какъ въ странѣ съ мало развитой промышленностью землевладѣлецъ долженъ довольствоваться меньшей земельной рентой, капиталистическій арендаторъ, какъ и всякій предприниматель, въ такой странѣ требуетъ, напротивъ, большей нормы прибыли. Но если землевладѣлецъ хозяйничаетъ самъ, то прибыль достается ему. Такимъ образомъ, собственное управленіе здѣсь выгоднѣе и болѣе выноситъ конкурренцію. Вотъ причина, почему въ капиталистическихъ странахъ, выступившихъ послѣ Англіи, крупная сельско-

---

сообразно индустріальной, тогда какъ въ капиталистической метрополіи, какъ уже сказано, сельско-хозяйственныя платы значительно ниже фабричныхъ. Это служитъ въ колоніи препятствіемъ развитію сельско-хозяйственнаго крупнаго капиталистическаго производства.

[1]) Если развитіе промышленности или организація рабочаго класса не противодѣйствуетъ этому, то землевладѣлецъ превосходитъ даже крестьянина способностью «сокращаться» вплоть до голода, разница только въ томъ, что онъ самъ не терпитъ голода, а «сокращаетъ» своихъ рабочихъ. Крестьянинъ распоряжается въ этомъ отношеніи только надъ своимъ семействомъ, а капиталистическій землевладѣлецъ—надъ всѣми крестьянами, которые уже не въ состояніи перебиваться собственнымъ хозяйствомъ—развѣ только имъ удастся пристроиться къ промышленности или эмигрировать.

хозяйственная аренда далеко не такъ развита, какъ въ Великобританіи.

Отмѣченныя общія условія большей способности сельскохозяйственныхъ странъ къ конкурренціи на хлѣбномъ рынкѣ сохраняютъ свое значеніе и для капиталистическихъ сельскохозяйственныхъ колоній, образцомъ которыхъ служатъ Соединенные Штаты. Представляющіяся здѣсь отличія не нарушаютъ общности основныхъ чертъ.

Мы хотимъ только выставить на видъ, что здѣсь, гдѣ сельское хозяйство основывается на свободномъ завладѣніи землей, образованіе цѣнъ должно быть инымъ, чѣмъ въ старыхъ капиталистическихъ странахъ. Вмѣстѣ съ цѣною невоздѣланной земли исчезаетъ также искусственная граница расширенія производства хлѣба, которая, какъ мы видѣли, играетъ такую большую роль. Конечно, есть и здѣсь земельная рента—сообразно съ различіями въ качествѣ земли, но нѣтъ еще антиципированной ренты; поэтому движеніе хлѣбныхъ цѣнъ зависитъ здѣсь только отъ того обстоятельства, берется ли въ обработку лучшая или худшая земля [1]).

Это измѣняется не только по мѣрѣ уменьшенія количества свободной земли, но и потому, что она становится менѣе доступной, напримѣръ, находится въ худшихъ условіяхъ сообщенія. Эта граница достигается не черезъ расширеніе площади посѣва, а черезъ распространеніе владѣнія на бо̀льшее количество земель [2]).

Прежде чѣмъ повести далѣе наше изслѣдованіе, мы чтобы устранить невѣрное пониманіе, скажемъ слѣдующее: если мы считаемъ экономическою основою капиталистическихъ аграрныхъ кризисовъ возвышеніе ренты, произведенное индустріальнымъ развитіемъ, то этимъ мы не отрицаемъ, что для рѣшенія вопроса о способности двухъ странъ къ конкурренціи надо принять во вниманіе еще много другихъ обстоятельствъ. Такъ, одна страна можетъ быть по при-

---

[1]) Отсюда теорія ренты Кэри.

[2]) Эта вторая стадія развитія нашла себѣ полное выраженіе въ воззрѣніяхъ Генри Джорджа.

родѣ плодороднѣе другой. Или здѣсь могутъ участвовать политическія вліянія, напримѣръ, тяжесть налоговъ, которая заставляетъ русскаго крестьянина продавать хлѣбъ за какую угодно цѣну; или это могутъ быть обстоятельства, которыя лежатъ въ общемъ хозяйственномъ характерѣ страны. Такъ напримѣръ, если страна натуральнаго хозяйства продаетъ часть своего продукта. Въ натуральномъ хозяйствѣ нѣтъ никакихъ товарныхъ цѣнъ, поэтому продуктъ, при случаѣ, можетъ быть отданъ ниже своей капиталистической цѣны производства. Чтобы оцѣнить значеніе этого момента, надо вспомнить, что американскій фермеръ сначала велъ, главнымъ образомъ, натуральное хозяйство. Можетъ быть и что-нибудь другое, напримѣръ, рабское хозяйство, какъ въ свое время на хлопчато-бумажныхъ плантаціяхъ южной Америки.

Все это и многое другое должно быть принято во вниманіе тѣмъ, кто хотѣлъ бы написать фактическую исторію какого нибудь опредѣленнаго случая. Для насъ же дѣло идетъ не объ единичныхъ случаяхъ, а о капиталистическихъ отношеніяхъ въ цѣломъ, и такъ какъ они какъ цѣлое—мы это уже доказали, существуютъ, то все вмѣстѣ представляется не случайностью, но закономѣрнымъ выводомъ изъ развитія капиталистическаго производства.

Теперь, разъ аграрный кризисъ сталъ фактомъ, какъ онъ будетъ проявляться? Какое вліяніе будетъ имѣть на сельское хозяйство?

По теоріи Рикардо дѣло было бы очень просто: земля худшаго качества будетъ оставлена, земельная рента падетъ, цѣны на землю падутъ, пока, наконецъ, не установится новое положеніе дѣлъ. Но въ дѣйствительности дѣло гораздо сложнѣе.

Прежде всего какъ препятствіе правильному ходу процесса является то, что съ момента, когда земельная рента закрѣплена въ формѣ арендной платы и цѣны земли, разница въ качествахъ земли уже не вліяетъ на конкурренцію. Арендаторъ лучшей земли платитъ за то большую ренту. Съ точки зрѣнія своихъ интересовъ онъ производитъ не дешевле, чѣмъ арендаторъ худшей земли, который платитъ соотвѣтственно меньшую ренту. Арендаторъ лучшей земли

не можетъ продавать свой хлѣбъ дешевле, такъ какъ иначе онъ не выручитъ своей арендной платы. Уменьшенія арендной платы требуютъ теперь всѣ капиталистическіе арендаторы. И землевладѣлецъ, самъ ли онъ хозяйничаетъ, или нѣтъ, терпитъ потери такъ же точно, какъ владѣлецъ акцій вслѣдствіе уменьшенія дивиденда и биржевого курса. Такимъ образомъ, кризисъ имѣетъ не частный, а общій характеръ [1]).

Развивается взаимное раздраженіе и борьба между землевладѣльцами и арендаторами изъ за арендной платы, а между сельскими хозяевами борьба на хлѣбномъ рынкѣ. Рѣшаетъ дѣло въ этомъ случаѣ владѣніе капиталомъ. Гдѣ землевладѣлецъ сильнѣе—онъ давитъ арендатора, который долженъ согласиться на уменьшеніе прибыли, чтобы совсѣмъ не остаться безъ занятія. Самостоятельно хозяйничающій землевладѣлецъ, съ своей стороны, можетъ тѣмъ дольше держаться чѣмъ болѣе у него капитала и чѣмъ меньше долговъ.

Пока цѣна земли возвышалась, залогъ былъ совершенно желательною вещью, такъ какъ онъ былъ капитализаціей ренты. Онъ былъ часто антиципаціей ренты, разъ закладывалась невоздѣланная земля. Землевладѣлецъ получалъ въ видѣ залога плату за нѣчто такое, чего вовсе еще не было на этой землѣ. Владѣлецъ клочка невоздѣланной земли беретъ на нее ссуду. На полученныя деньги онъ устраиваетъ винокуренный заводъ. Невоздѣланная земля остается какъ была; она никогда не произвела ни одного зерна пшеницы, но она дала возможность своему собственнику сдѣлаться владѣльцемъ фабрики. И стоимость этой невоздѣланной земли сама собою возрастаетъ. Она не производитъ ника-

---

[1]) Если участокъ земли дойдетъ до аукціона, то конечно это стѣсняющее дѣйствіе цѣны земли прекращается, такъ какъ цѣна соотвѣтственно понижается. Съ другой стороны, различіе въ сортахъ земли проявляется и во время кризиса въ томъ, что увеличеніе получаемаго продукта связано съ различными издержками производства. Но этотъ результатъ можетъ и не совпадать съ различіемъ въ качествѣ земли, часто можетъ даже противорѣчить ему.

кого хлѣба, но черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ дать возможность новаго залога. Ипотека даетъ такимъ образомъ возможность воспользоваться двойной рентой, во-первыхъ, какъ таковой, во-вторыхъ, какъ капитализированной земельной рентой. За этотъ рентный капиталъ надо конечно платить проценты, хотя проценты очень умѣренные; но подъ условіемъ, что сумма, полученная отъ залога, употреблена капиталистически, т.-е, въ промышленности или на биржѣ, она окупаетъ свой процентъ и даетъ еще прибыль.

Теперь, при кризисѣ, благодѣяніе становится несчастьемъ. Проценты платить надо, значитъ нельзя ни понизить цѣну хлѣба, ни уменьшить производство. Теперь выказывается экономически противорѣчивая природа самостоятельно хозяйничающаго капиталистическаго землевладѣльца: какъ землевладѣлецъ, онъ заинтересованъ въ высокой рентѣ и высокой цѣнѣ земли, но какъ капиталистъ, какъ производитель товара—хлѣба, который встрѣчается съ напряженной конкурренціей на рынкѣ, однимъ словомъ, какъ свой собственный арендаторъ, онъ имѣетъ прямо противоположный интересъ, такъ какъ земельная рента, въ видѣ процента на взятую ссуду, мѣшаетъ ему понизить цѣну хлѣба.

Общее стремленіе состоитъ въ томъ, чтобы уменьшить издержки производства, не уменьшая получаемаго продукта. Для этого необходима новая сельско-хозяйственная техника, а для этой цѣли нужно увеличеніе оборотнаго капитала. Необходимость улучшить технику производства является въ острой формѣ прежде всего во время кризиса, такъ какъ въ другія времена рента выкупаетъ все.

Гдѣ господствуетъ система капиталистической аренды, тамъ все это сравнительно легко сдѣлать: прогнать арендатора и замѣстить его другимъ, который имѣетъ достаточно капитала, чтобы произвести необходимыя измѣненія. Другое дѣло, когда землевладѣлецъ самъ хозяйничаетъ: его кредитоспособность исчерпана прежними ипотеками,—она вообще понижается, такъ какъ падаютъ ренты и цѣны на землю, слѣдовательно, онъ не можетъ ввести нужныхъ улучшеній. Отсюда выводъ, что раціональной формой капиталистическаго сельско-хозяйственнаго предпріятія является крупная аренда.

Съ другой стороны, гипотека прикрѣпляетъ этого бѣднаго капиталомъ землевладѣльца къ землѣ, такъ какъ если бы онъ продалъ землю при падающихъ цѣнахъ на нее, то у него осталось бы мало капитала. Гипотека служитъ здѣсь такимъ же препятствіемъ сельско-хозяйственному развитію, какъ раньше цѣна земли.

Въ то же время землевладѣлецъ обращается къ рабочимъ и пробуетъ, нельзя ли сократить имъ плату. Но плата уже раньше была такъ низка, что ее никакъ нельзя больше сократить. Вмѣсто того является постоянный отливъ рабочихъ изъ деревни, такъ какъ здѣсь плата гораздо ниже, къ индустріальнымъ центрамъ или въ колоніи. Теперь землевладѣлецъ въ отчаяніи подымаетъ яростный и жалобный крикъ: онъ разоренъ, потому что рабочіе уходятъ отъ него! Но если онъ хочетъ, чтобы рабочіе его не покидали, онъ долженъ всего только возвысить имъ плату.

Это онъ могъ бы сдѣлать, такъ какъ плата чрезвычайно низка, и въ то же время этого не можетъ сдѣлать! Онъ уже капитализировалъ прибавочную стоимость, какъ ренту и взялъ подъ нее ссуду. Что онъ остался долженъ рабочему, то онъ платитъ теперь въ видѣ процентовъ, конечно не рабочему, а капиталистическому банку. Короче, если индустрія развивается, то аграріи жалуются на недостатокъ и дороговизну рабочихъ рукъ вслѣдствіе индустріальной конкурренціи, а когда хлѣбныя цѣны падаютъ, тогда они жалуются на высокую заработную плату, такъ какъ уже капитализировали и положили въ карманъ всю прибавочную стоимость и не могутъ выжать ее еще разъ изъ тѣхъ же рабочихъ.

Слѣдуетъ къ этому прибавить еще только: неудачныя спекуляціи на биржѣ и перепроизводство водки и сахара—вотъ и все объясненіе жалобъ нѣмецкихъ аграріевъ. Прусскіе юнкера хотѣли дважды обогатиться: какъ землевладѣльцы и какъ капиталисты, поэтому они, какъ капиталисты, искупаютъ теперь грѣхи землевладѣльцевъ, а какъ землевладѣльцы—грѣхи капиталистовъ.

Мелкій крестьянинъ тѣмъ менѣе затрогивается кризисомъ, чѣмъ хуже его положеніе, т.-е. чѣмъ больше онъ уже раньше былъ принужденъ заниматься побочнымъ занятіемъ

и, слѣдовательно, не зависитъ уже исключительно отъ сельскаго хозяйства. Далѣе, онъ не будетъ чувствовать кризиса, насколько онъ выступаетъ какъ натуральный хозяинъ. Такъ какъ, съ другой стороны, развитіе землевладѣльческаго хозяйства во время кризиса страдаетъ отъ падающихъ хлѣбныхъ цѣнъ и отъ колебанія кредитоспособности, а при большей продолжительности кризиса часть имуществъ попадаетъ на аукціонъ, или сокращается площадь посѣва, то отстраненіе отъ сельскаго хозяйства можетъ быть выгодно для мелкаго крестьянства. Тѣ самые моменты, которые въ другое время дѣлаютъ крупное сельско-хозяйственное производство, болѣе выгоднымъ, чѣмъ крестьянское: большой рыночный сбытъ, образованіе высокой земельной ренты, низкій ипотечный процентъ, облегченныя условія займа и т. д., все это обращается теперь противъ крупнаго сельскаго хозяйства.

Индустріальный рынокъ и хлѣбный рынокъ.

Различія въ земельной рентѣ и въ хлѣбныхъ цѣнахъ странъ съ неравнымъ промышленнымъ развитіемъ образуютъ условія конкурренціи, необходимыя для наступленія аграрнаго кризиса. Это тѣ экономическія предварительныя условія, которыя необходимы для аграрнаго кризиса. Но чтобы аграрный кризисъ дѣйствительно наступилъ въ опредѣленный моментъ, надо сверхъ того: во-первыхъ, чтобы означенныя страны вступили между собою въ торговыя отношенія и затѣмъ, чтобы ихъ взаимная конкурренція дошла до того пункта, при которомъ произойдетъ крахъ—первый актъ кризиса. Такимъ образомъ, аграрный кризисъ съ начала до конца есть продуктъ развитія мірового рынка.

Мы указываемъ въ этихъ очеркахъ на то, что капиталистическое развитіе ведетъ къ образованію мірового производства.

„Производства различныхъ націй вступаютъ въ связь другъ съ другомъ, но только для того, чтобы затѣмъ по-

терять свой національный характеръ. На мѣсто международныхъ отношеній вступаетъ космополитизмъ. Національныя производства теряютъ свою самостоятельность. Они становятся подчиненными, связанными другъ съ другомъ, взаимно обусловленными частями производственнаго цѣлаго, не заключеннаго ни въ какихъ національныхъ рамкахъ, и это именно и есть міровой рынокъ. Чѣмъ болѣе прогрессируетъ развитіе въ этомъ направленіи, тѣмъ менѣе возможно разсматривать судьбы національнаго производства съ національной точки зрѣнія, даже принявши, какъ коррективъ, международную конкурренцію, но является необходимость выводить развитіе отдѣльныхъ національныхъ производствъ изъ развитія мірового рынка" [1]).

До сихъ поръ было выяснено, какъ образовалась міровая связь національныхъ индустрій и какъ развился индустріальный рынокъ. Затѣмъ мы познакомились съ общимъ дѣйствіемъ индустріальнаго развитія на развитіе капиталистическаго сельскаго хозяйства. Отсюда выяснились условія конкурренціи на міровомъ рынкѣ, подъ дѣйствіемъ которыхъ возникаетъ аграрный кризисъ, и уже стало возможнымъ охарактеризовать его сущность. Теперь слѣдуетъ указать на развитіе мірового хлѣбнаго рынка въ его взаимодѣйствіи съ промышленнымъ развитіемъ, чтобы достигнуть выясненія современнаго аграрнаго кризиса.

Образованіе мірового хлѣбнаго рынка начинается съ того, что промышленность какой-либо капиталистической страны ищетъ для своихъ продуктовъ внѣшняго рынка. Чѣмъ болѣе ей это удается, тѣмъ болѣе идетъ впередъ ея собственное развитіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ промышленное, вообще не земледѣльческое, населеніе. Возрастаетъ рыночный спросъ на хлѣбъ, а слѣдовательно, и хлѣбныя цѣны. Чѣмъ болѣе это происходитъ, тѣмъ выгоднѣе становится привозить хлѣбъ изъ странъ, куда вывозятся индустріальные продукты.

Тогда-то и повышается индустріальный вывозъ. Пока онъ оставался одностороннимъ, безъ соотвѣтственнаго ввоза, онъ имѣлъ тѣсныя границы въ видѣ малой по-

[1]) См. введеніе.

купательной способности менѣе развитой въ промышленномъ отношеніи страны. Теперь, прежде всего, развивается правильное капиталистическое мѣновое отношеніе. Промышленная страна вывозитъ въ земледѣльческую индустріальные товары и въ то-же время покупаетъ сельскохозяйственные продукты и увеличиваетъ, такимъ образомъ, покупательную способность земледѣльческой страны на сумму этихъ продуктовъ.

Этимъ пріобрѣтеніемъ внѣшняго рынка достигается два результата: промышленная страна свой собственный хлѣбный рынокъ открываетъ для другой страны, а въ этой другой странѣ открываетъ для себя индустріальный рынокъ.

Промышленная страна самоотверженно заботится объ распространеніи сельскаго хозяйства въ агрикультурной странѣ, покупая у нея всегда больше хлѣба, чѣмъ сколько стоятъ вывозимые туда индустріальные товары [1]). Тѣмъ не

---

[1]) Съ 1856 по 1894 г., т.-е. за 39 лѣтъ, Великобританія ввезла изъ Россіи по крайней мѣрѣ, на 400 мил. фунт. стерлинговъ больше товаровъ, чѣмъ вывезла въ Россію. Этотъ избытокъ денегъ, который прежде всего присвоила себѣ земельная собственность, послужилъ, однако, на пользу не русской промышленности, а казнѣ, въ формѣ высокихъ налоговъ, взимаемыхъ съ земледѣльческаго населенія.

Справедливо, что денежные налоги разлагаютъ натуральное хозяйство; но если это разложеніе происходитъ односторонне, такъ что крестьянинъ принужденъ все болѣе продавать, и въ то же время тяжесть недоимокъ отнимаетъ у него всякую надежду увеличить свою покупательную силу, то это ведетъ къ обѣдненію народа, но не способствуетъ промышленному развитію. Послѣднее зависитъ скорѣе всего отъ того, какое употребленіе имѣютъ деньги, полученныя путемъ налоговъ, т.-е. какимъ общественнымъ классамъ онѣ достаются. Такое же вліяніе оказало и обложеніе индустріальнаго ввоза пошлинами. Не защищая отечественной промышленности, которой тогда въ Россіи еще не было, оно скорѣе воспрепятствовало этимъ развитію индустріальнаго спроса, слѣдовательно, косвенно и отечественной промышленности. То и другое было вызвано фискальными цѣлями, вслѣдствіе необходимости развивать капиталистическій милитаризмъ, прежде чѣмъ образовалась экономическая предпосылка этого милитаризма—капиталистическая промышленность.

менѣе, промышленность первой изъ нашихъ странъ получаетъ отъ того выгоду: она получаетъ относительно болѣе дешевый хлѣбъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рынокъ для своихъ товаровъ.

Въ такомъ отношеніи до середины 60-хъ годовъ стояла Англія, какъ исконная индустріальная страна, къ прочимъ европейскимъ странамъ [1]). Ньюмарчъ даетъ въ „Исторіи цѣнъ“ довольно полный обзоръ снабженія Англіи хлѣбомъ, который хорошо освѣщаетъ тогдашнее положеніе. Мы приводимъ оттуда важнѣйшія цифры.

Ввозъ пшеницы и пшеничной муки въ Англію въ среднемъ въ годъ въ 1.000-хъ квартеровъ:

ГОДЫ.	Изъ Россіи.	Изъ Даніи.	Изъ Пруссіи.	Изъ остальн. Германіи.	Изъ Франціи.	Изъ Соедин. Штатовъ.	ВСЕГО.
1828—1830	198	71	374	272	31	104	1.355
1831—1835	115	24	113	74	—	105	660
1836—1840	138	109	526	270	84	98	1.496
1841—1845	111	113	652	250	159	88	1.879
1846—1850	563	146	567	339	492	818	4.111
1851—1855	602	251	702	361	445	1.064	4.700

Мы видимъ, что страны, которыя сами нуждаются теперь въ привозномъ хлѣбѣ — Франція, Германія, Данія— тогда выступали, въ противоположность Англіи, какъ сельско-хозяйственныя страны.

[1]) См. гл. 2. «Англія и Европа».

Въ особенности Германія въ теченіе всего періода стоитъ во главѣ странъ, вывозящихъ хлѣбъ, превосходитъ Россію и даже Соединенные Штаты. Повидимому, „издержки производства“ хлѣба въ Германіи были тогда еще такъ низки, что она даже на иностранномъ рынкѣ могла конкуррировать съ Россіей и Соединенными Штатами. Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ измѣнились эти „издержки производства“.

Эти страны имѣли преимущество передъ Англіей на хлѣбномъ рынкѣ, не только потому, что ихъ промышленное, но и ихъ сельско-хозяйственное развитіе было въ отсталомъ состояніи. Въ Англіи, подъ давленіемъ высокой земельной ренты, слѣдовательно и высокихъ цѣнъ на землю, развилось интенсивное машинное сельско-хозяйственное крупное производство. Этому развитію способствовала система капиталистической аренды, которая, съ другой стороны, конечно, была ея собственнымъ продуктомъ. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ отливъ населенія къ промышленнымъ центрамъ и въ Америку. Вся сельско-хозяйственная система была здѣсь, слѣдовательно, приспособлена къ высокимъ хлѣбнымъ цѣнамъ [1]). Такимъ образомъ, эта система такъ же мало могла

---

[1]) Веденіе хлѣбнаго производства въ крупныхъ размѣрахъ имѣло, впрочемъ, въ Англіи историческую основу въ крупномъ овцеводствѣ, которое, въ свою очередь, было обусловлено развитіемъ шерстяной мануфактуры. Въ общемъ, капиталистическое сельское хозяйство развивается только въ видѣ *преобразованія существующихъ отношеній* между владѣльцами, тогда какъ капиталистическая промышленность, съ правовой точки зрѣнія, нуждается только въ существованіи *частной собственности*.

«Крупное сельско-хозяйственное производство въ современномъ обществѣ нуждается еще въ одномъ дальнѣйшемъ предварительномъ условіи: въ крупномъ землевладѣніи; оно можетъ образоваться въ странѣ съ мелкимъ крестьянскимъ способомъ производства только путемъ уничтоженія мелкаго производства. Въ промышленности это уничтоженіе есть *слѣдствіе* развитія крупнаго производства, въ сельскомъ хозяйствѣ—его *предварительное условіе*. Капиталистическое производство въ сельскомъ хозяйствѣ развивалось поэтому впервые въ странахъ капиталистическаго производства, въ которыхъ издавна существовало крупное землевладѣніе, какъ

быть безъ измѣненій перенесена въ другія страны, какъ политическая представительная система, лондонская биржа и англійскія банкноты [1]).

Но по мѣрѣ того, какъ въ самой земледѣльческой странѣ развивается промышленность, она, конечно, теряетъ свое выгодное положеніе. Что это такъ, въ этомъ порукою родоначальница капитализма—Англія: во-первыхъ, какъ приведено раньше, она открываетъ земледѣльческой странѣ свой собственный рынокъ для многихъ индустріальныхъ предметовъ потребленія, такимъ образомъ давая ей внѣшній рынокъ; во-вторыхъ, въ этой самой земледѣльческой странѣ, тоже указаннымъ уже образомъ, она развиваетъ внутренній индустріальный рынокъ. Къ этому присоединяется еще масса другихъ обстоятельствъ: различія въ нормѣ прибыли, въ

въ Англіи... Это крупное землевладѣніе было введено посредствомъ насилія, посредствомъ насильственнаго попранія законовъ о частной собственности». (Kautsky).

[1]) Это испытали русскіе землевладѣльцы, когда они, въ началѣ 60-хъ годовъ, послѣ освобожденія крестьянъ, возымѣли желаніе замѣнить ускользнувшаго изъ ихъ рукъ крестьянина «машиной». Но введеніе англійской сельско-хозяйственной техники на поляхъ, на которыхъ только что крѣпостной крестьянинъ ковырялъ землю своимъ первобытнымъ плугомъ съ нищенскою упряжью, имѣло быстрый и плачевный исходъ. Безъ сомнѣнія, и невѣжество и ограниченность играли при этомъ видную роль. Но, въ концѣ концовъ, и въ Россіи такъ же хорошо научились бы управлять сельско-хозяйственными машинами, какъ кафры и китайцы научились употреблять усовершенствованное европейское оружіе, или какъ русскій фабричный рабочій научился работать на mule Jenny и станкѣ Жакарда, если бы только въ Россіи существовали предварительныя экономическія условія для интенсивнаго крупнаго производства на англійскій ладъ. Что какую бы то ни было систему не такъ просто пересадить на новую почву, это видно хотя бы изъ того, что англійскіе банкноты въ переводѣ на русскій языкъ стали называться—ассигнаціями. Примѣненіе сельско-хозяйственныхъ машинъ быстро развивается. Возникла даже русская агрономія, которая открыла существенныя техническія средства для развитія раціональнаго крупнаго производства въ Россіи; а отмѣна бумажныхъ денегъ сдѣлалась одною изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей...

заработной платѣ, отчасти обусловленныя разницей въ цѣнѣ хлѣба и предметовъ необходимости вообще, избытокъ капитала въ промышленной странѣ, который, съ одной стороны, составляетъ естественный продуктъ накопившейся прибавочной стоимости, а съ другой стороны, быстро возрастаетъ при посредствѣ кредита; перепроизводство техниковъ, вызывающее разселеніе инженеровъ по другимъ странамъ: несоотвѣтственное развитіе отдѣльныхъ отраслей промышленности: мы уже показали, какъ англійскій вывозъ пряжи благопріятствовалъ германскому ткацкому производству. И многое другое! [1]).

Мы показали въ другомъ мѣстѣ, какъ Англія изъ страны хлѣбнаго вывоза обратилась въ страну хлѣбнаго ввоза. Теперь мы знаемъ также, какъ случилось, что Франція, Германія и другія промышленныя государства Европы послѣдовали за нею. Каждая изъ этихъ странъ имѣла свой періодъ значительнаго процвѣтанія капиталистическихъ землевладѣльцевъ, которое было создано промышленнымъ развитіемъ.

---

[1]) Такимъ образомъ, не охранительныя пошлины создаютъ національную промышленность. Охранительныя пошлины, напротивъ, обозначаютъ извѣстную, уже достигнутую ступень промышленнаго развитія. Онѣ предназначены къ тому, чтобы защитить не отечественныхъ ремесленниковъ, а отечественныя фабрики, значитъ, послѣднія уже должны существовать. Охранительныя пошлины представляютъ уже к о н ф л и к т ъ двухъ національныхъ индустрій. Онѣ составляютъ средство оранжерейнаго разведенія національнаго производства. Онѣ представляютъ средство обезпечить себѣ преимущества торговыхъ сношеній съ промышленно болѣе развитой страной и въ то же время охранить себя отъ ихъ невыгодъ. Но если бы эти пошлины были установлены съ обѣихъ сторонъ и совершенно прекратили бы всякія торговыя сношенія, то вмѣсто промышленнаго развитія получился бы промышленный застой—доказательство, что это развитіе такъ же мало произведено охранительными пошлинами, какъ сливки—ложкой, которою ихъ собираютъ. Безъ торговыхъ сношеній Германіи и Америки съ Англіей не существовало бы ни германской, ни американской промышленности.

Радость и горе юнкерства.

А. Ходъ дѣла.

Германія была одною изъ первыхъ странъ по вывозу хлѣба въ Англію [1]). Значителенъ былъ германскій хлѣбный вывозъ во время наполеоновскихъ войнъ. Въ 1795 –96 гг. было вывезено изъ Пруссіи приблизительно на 2 мил. талеровъ болѣе хлѣба, чѣмъ ввезено въ нее. Хотя этотъ обмѣнъ былъ на короткое время нарушенъ континентальной системой, за то ему особенно благопріятствовали слѣдующіе затѣмъ годы англо-американской войны (1809—1817).

Но чтобы хлѣбный вывозъ распространился, и чтобы развилось капиталистическое сельское хозяйство, прежде всего была необходима замѣна натуральнаго хозяйства, основаннаго на крѣпостномъ правѣ—товарнымъ производствомъ. Это случилось въ Пруссіи, какъ извѣстно, именно въ указанное время развивающагося хлѣбнаго вывоза и совершилось не безъ вліянія со стороны этого послѣдняго обстоятельства.

Во всякомъ случаѣ научно установлено (Кнаппъ), что „регулированіе“ обозначало собою экспропріацію одной части крестьянства землевладѣльцами, и ей подверглась треть и даже до половины всего крестьянскаго земельнаго владѣнія. Съ другой стороны, отмѣна натуральныхъ повинностей дала въ руки землевладѣльцамъ большой капиталъ [2]).

---

[1]) См. выше этюдъ о промышленности и сельскомъ хозяйствѣ.

[2]) Мейценъ, завѣдомый патріотъ и благонамѣренный человѣкъ, вычисляетъ дѣйствительную стоимость отмѣненныхъ повинностей (Hand-und Spanndienste)—$1^1/_3$ мил. рабочихъ дней простыхъ рабочихъ и $5^4/_5$ мил. дней конныхъ рабочихъ—въ 5 мил. талеровъ ежегодно. Капитализируя это по 4%, какъ было принято при освобожденіи, получимъ 125 мил. талеровъ. На самомъ дѣлѣ, опять по Мейцену, сумма, которую крестьяне должны были заплатить за отмѣну натуральныхъ повинностей, достигла 214 мил. талеровъ. Такимъ образомъ, крестьяне были просто обсчитаны на 90 мил. талеровъ, т.-е. на $^4/_{10}$ суммы, уплоченной за освобожденіе (A. Meitzen. Der Boden und die landw. Verhältnisse des Preuss. Staats Bd. I, s. 437).

И подъ видомъ „свободнаго работника“, въ ихъ распоряженіе поступилъ пролетаризованный крестьянинъ. Такъ появились условія для новаго господства юнкеровъ, уже на капиталистическій ладъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и условія ихъ позднѣйшей гибели.

Соприкосновеніе съ индустріальной Англіей подняло, точно по мановенію волшебника, земельную ренту и цѣны на землю. Въ Мекленбургъ-Шверинѣ аллодіальныя или свободно отчуждаемыя рыцарскія владѣнія оцѣнивались за гуфу (Hufe) [1]).

ГОДЫ.	Въ общемъ средній.		ГОДЫ.	Въ общемъ средній.	
1770—1774	20.457	марокъ.	1790—1794	41.235	марокъ.
1775—1779	20.352	»	1795—1799	55.728	»
1780—1884	23.805	»	1800—1804	66.681	»
1785—1789	27.165	»	1805—1809	71.253	»

Мы видимъ, какъ въ 1790—1794 годы, земля сразу поднялась въ цѣнѣ, и это повышеніе продолжалось и дальше. Это огромное повышеніе цѣны земли, которое предполагаетъ возвышеніе земельной ренты, имѣло свою причину вовсе не только въ возвышеніи хлѣбныхъ цѣнъ. Мы знаемъ, что кромѣ возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ есть еще масса причинъ для возвышенія цѣнъ на землю [2]). Подъ вліяніемъ англійскаго спроса площадь воздѣлываемой земли была расширена, въ то же время совершился переходъ къ воздѣлыванію пшеницы и къ усиленію интенсивности культуры. Но и безъ того уже одинъ переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ товарному производству долженъ былъ возвысить цѣны на землю, а соотвѣтственно этому и денежную стоимость рентъ.

Какъ бы велики ни были натуральныя полученія землевладѣльца, ихъ денежная стоимость зависитъ прежде всего отъ того, могутъ ли они быть проданы. Давленіе на крестьянъ могло быть очень велико, но его результатомъ былъ только

---

[1]) Beiträge zur Statistik Meklenburgs Bd. I, 1880, s. 87.

[2]) См. выше этюдъ о промышленности и сельскомъ хозяйствѣ.

излишекъ продуктовъ, а не денежное богатство. Поэтому мы видимъ, что пока хлѣбный рынокъ былъ еще мало развитъ, какъ въ сѣверной Германіи до начала нынѣшняго столѣтія, т.-е. до отмѣны крѣпостного права, въ хозяйствахъ землевладѣльцевъ скоплялись большіе натуральные запасы продуктовъ; напротивъ, деньги были рѣдки. Тогда, конечно, для опредѣленія цѣнности земельной ренты, слѣдовательно и земли, надо было принимать во вниманіе кромѣ товарныхъ цѣнъ еще и другіе посторонніе моменты. Въ то время, когда землевладѣлецъ получалъ доходъ натурою—продуктами и работой, количество продукта, получаемаго съ земли, было лишь подчиненною и зависимою частью стоимости имѣнія. Для послѣдней имѣла значеніе не только площадь земли, ея качество, цѣна сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, наличныя зданія и инвентарь, но главнымъ образомъ число принадлежащихъ къ имѣнію крестьянъ и высота ихъ повинностей. Гдѣ имѣла мѣсто свободная покупка земли, земля фигурировала не какъ *источникъ ренты* [1]), но покупка происходила по такимъ же хозяйственнымъ соображеніямъ, какъ, напр., покупка скота или возведеніе хозяйственныхъ зданій,—тогда, конечно, и основанія для опредѣленія цѣнъ были иныя, чѣмъ теперь. Торговыя связи съ Англіей принесли нѣмецкимъ хозяевамъ прежде всего обращеніе ихъ натуральныхъ излишковъ въ

[1]) Такъ какъ землю нельзя было покупать какъ источникъ ренты, то надо было покупать ренту какъ таковую, отдѣльно отъ земли. Отсюда «покупка ренты» это докапиталистическое учрежденіе, которымъ бредилъ Родбертусъ. Но если мы отъ гипотеки, которая представляетъ собою капиталистическую покупку ренты, отнимемъ еще и безъ того очень невѣрное обезпеченіе - стоимость земли, то мы придемъ къ такой же нелѣпости, какъ банкноты безъ металлическаго обезпеченія, которыя въ значительной своей части, дѣлаются, такимъ образомъ, фиктивными. Родбертусъ и его послѣдователи похожи въ этомъ отношеніи на рыцаря печальнаго образа: они посвящаютъ свою дѣятельность Дульцинеѣ, которую воображаютъ себѣ романтической красавицей, и совсѣмъ не хотятъ замѣчать, что на самомъ дѣлѣ это юнкеръ винокуръ въ кирассирскихъ сапогахъ.

денежное богатство, продукта ихъ земли—въ капиталистическую денежную ренту. Возникла капиталистическая фикція, что не трудъ производитъ стоимость, но что имѣть денежную стоимость есть естественное свойство продукта, что рента вырастаетъ изъ земли какъ хлѣбъ, свекла и картофель. Денежные доходы землевладѣльцевъ расли, и цѣны на землю стали повышаться [1]).

Изъ только что указанныхъ различій выходитъ, что и образованіе хлѣбныхъ цѣнъ въ докапиталистическое время должно было быть иное, чѣмъ теперь; такъ какъ рента впервые образовалась какъ разница между единичными цѣнами производства, то не было никакой общей цѣны производства. Была, конечно, извѣстная рыночная цѣна. Для нея опредѣляющимъ моментомъ являлся городской спросъ [2]). Такъ какъ неземледѣльческое

---

[1]) «Моментъ, въ который большія помѣстья Мекленбурга—также и Помераніи—стали посылать свои продукты за границу, гдѣ они удовлетворяли чужую потребность и все болѣе подчиняли отечество этимъ цѣлямъ.—это было то время, когда поземельныя отношенія страны потеряли ихъ прежній характеръ, когда земледѣліе пріобрѣло искусственную тенденцію—добываніе денегъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отдаленную цѣль, лежащую внѣ его самого. Какъ бы не называли этотъ моментъ, невозможно съ достаточной силой указать на всю его важность». K. F. Deiters, Die Kreditnoth der Landgüter. 1869. Эта книга, которая въ 60-хъ годахъ произвела нѣкоторую сенсацію, совершенно забыта. Она представляетъ въ буржуазной нѣмецкой экономической литературѣ одно изъ самыхъ проницательныхъ изслѣдованій капиталистическаго сельскаго хозяйства.

[2]) Если Фр. Энгельсъ въ своемъ послѣсловіи къ III тому «Капитала» принимаетъ, что въ это время, время городского ремесла и натуральнаго хозяйства въ земледѣліи, товары обмѣнивались приблизительно по заключеннымъ въ нихъ количествамъ рабочаго времени, то мы не можемъ съ этимъ согласиться. Энгельсъ думаетъ, что крестьянинъ и ремесленникъ обмѣнивали свои продукты соотвѣтственно количествамъ заключеннаго въ нихъ труда, потому что они не прилагали къ производству ничего, кромѣ своего труда, и что имъ были хорошо извѣстны условія труда другъ друга. Допустимъ, что эти предположенія справедливы,—отсюда можно

населеніе было еще незначительно, то цѣны на хлѣбъ стояли низко.

Какъ только теперь явился внѣшній англійскій хлѣбный рынокъ, онъ сталъ опредѣлять цѣны. За вычетомъ

вывести только желаніе обѣихъ сторонъ обмѣнивать продукты по рабочему времени. Но главный вопросъ въ томъ, допускали ли это экономическія отношенія, отношенія, въ которыхъ стояли другъ къ другу различные общественные классы подъ господствомъ тѣхъ формъ производства.

Какъ могъ крестьянинъ опредѣлить рабочее время, заключенное въ возѣ сѣна, который онъ везъ на рынокъ, въ мѣшкѣ хлѣба, въ кадкѣ масла или сотнѣ яицъ, которыя онъ продавалъ ремесленнику, если этотъ крестьянинъ обязанъ былъ помѣщику барщиной разныхъ видовъ; если онъ долженъ былъ свое рабочее время въ перемежку употреблять то на помѣщика, то на свое собственное хозяйство; если, кромѣ того, онъ долженъ былъ еще отдавать часть продукта помѣщику, который, и съ своей стороны, оказывалъ за это нѣкоторыя взаимныя услуги; если онъ производилъ массу разнообразныхъ предметовъ, начиная отъ хлѣба и кончая шерстью и льномъ, которые потомъ перерабатывались его женою, матерью, дочерьми; далѣе, масло, сыръ, сало, птицу, яйца и т. п.; если онъ большую часть произведенныхъ продуктовъ тотчасъ опять употреблялъ въ собственномъ хозяйствѣ въ видѣ сырья и средствъ производства, другую часть употреблялъ для поддержанія собственнаго существованія; если его рабочій день вообще былъ неопредѣленъ и неравномѣренъ, смотря по временамъ года; если онъ работалъ не одинъ, но вмѣстѣ съ женой, дѣтьми и стариками, при чемъ производительность его работы зависѣла отъ погоды и другихъ случайностей.

При обмѣнѣ между помѣщикомъ и ремесленникомъ также не можетъ быть рѣчи о законѣ трудовой цѣнности. Если помѣщикъ платитъ натурою, то онъ беретъ ее изъ своихъ амбаровъ, которые были наполнены трудомъ подвластныхъ крестьянъ, и все это вовсе не кажется ему овеществленіемъ общественно-необходимаго рабочаго времени. Если онъ платитъ деньгами, то онѣ представляютъ собою стоимости, которыя онъ получаетъ уже готовыми изъ обмѣна.

Въ торговомъ обмѣнѣ помѣщика и всѣхъ другихъ съ купцомъ совершенно не можетъ быть рѣчи о рабочемъ времени. Купецъ доставлялъ сукна, драгоцѣнности, пряности, мѣха и т. д.—все продукты отдаленнѣйшихъ странъ, добытые путемъ большихъ трудовъ и опасностей, которые поэтому имѣли монопольную цѣну.

высокихъ издержекъ перевозки и неопредѣленной прибыли многочисленныхъ посредниковъ тогдашней хлѣбной торговли, на нѣмецкомъ хлѣбномъ рынкѣ господствовала англійская рыночная цѣна. Она имѣла значеніе большее чѣмъ

Также въ торговомъ обмѣнѣ ремесленниковъ между собою законъ трудовой стоимости не имѣлъ мѣста въ предполагаемомъ Энгельсомъ смыслѣ. Рабочее время, затраченное ремесленниками, во всякомъ случаѣ можно было опредѣлить и измѣрить—это вычисленіе впослѣдствіи стало производиться на фабрикахъ еще гораздо болѣе точно—но дѣло сводилось уже, какъ и въ капиталистическомъ производствѣ, на опредѣленіе стоимости сырья и средствъ производства. Ткачъ плиса и бархата, золотыхъ дѣлъ мастеръ, скорнякъ, отчасти и суконщикъ покупали свой матеріалъ у купца; такимъ образомъ, они имѣли дѣло съ *готовыми товарными стоимостями*, при образованіи которыхъ, какъ мы указали, рабочее время играло въ высшей степени подчиненную роль. И другіе ремесленники, какъ слесаря, оловянщики, должны были покупать болѣе важное сырье частью у купцовъ, частью у крестьянъ. А затрата на средства производства у нѣкоторыхъ ремесленниковъ была не малая. Но прежде всего надо принять во вниманіе относительно обмѣна ремесленниковъ другъ съ другомъ, что онъ *отчасти былъ обусловленъ* торговымъ обмѣномъ между ремесленниками и другими общественными классами. Отъ того обстоятельства, какъ ремесленникъ велъ свои дѣла съ крестьяниномъ, помѣщикомъ и купцомъ, существенно зависѣло, какъ велика была его покупательная сила относительно другихъ ремесленныхъ продуктовъ.

Не можетъ быть вообще никакого частичнаго закона цѣнности, который дѣйствовалъ бы только по отношенію къ одному общественному классу. Это ведетъ насъ къ слѣдующему общему соображенію: пока капиталистическая земельная рента еще не образовалась (къ условіямъ, приведеннымъ въ текстѣ, мы прибавляемъ еще, что это предполагаетъ уже наличность, образовавшейся средней индустріальной нормы прибыли),—не имѣетъ еще мѣста и приведеніе индивидуальныхъ цѣнъ производства хлѣба къ одной общей цѣнѣ производства. Въ различныхъ хозяйствахъ то же количесто хлѣба имѣетъ *различную цѣнность* вслѣдствіе различія въ плодородіи земли. Мѣшокъ пшеницы представляетъ то 12, то 15, то 18 рабочихъ часовъ. Если обмѣнъ будетъ происходить по количеству труда, то, очевидно, ремесленникъ долженъ за ту же работу требовать съ различныхъ хозяевъ различныя количества хлѣба. Оди-

отечественная цѣна. Такимъ образомъ явилось возвышеніе хлѣбной цѣны, которое не могло быть вообще объяснено капиталистически: ни расширеніемъ площади культуры, ни усиленіемъ ея интенсивности. Объясненіе этого

наковый сюртукъ вымѣнивается здѣсь на одинъ мѣшокъ пшеницы, тамъ $1^1/_4$, а тамъ на $1^1/_2$ мѣшка. Но, можетъ быть, въ городѣ стоимость мѣшка пшеницы будетъ опредѣляться иначе? Нѣтъ, въ тотъ моментъ, когда въ городѣ образуется общая рыночная цѣна хлѣба, опредѣленіе по количеству труда уже не имѣетъ силы.

Законъ цѣнности нуждается въ капиталистической рентѣ, чтобы пріобрѣсти значеніе. Онъ нуждается для этого и въ существованіи прибыли. Поэтому не такъ просто достигнуть обмѣна товаровъ по количеству заключеннаго въ нихъ рабочаго времени.

Историческое построеніе Энгельса опирается на одно мѣсто въ третьемъ томѣ «Капитала», которое ни въ какомъ случаѣ не исключаетъ возможности иного толкованія. Во всякомъ случаѣ можно привести изъ «Капитала» другія соображенія, которыя противорѣчатъ такому толкованію. Мы удовольствуемся слѣдующей цитатой изъ третьяго тома, на которую нужно указать прежде всего:

«Если въ средніе вѣка деревня политически обирала городъ всюду, гдѣ феодализмъ не былъ нарушенъ случайнымъ исключительнымъ городскимъ развитіемъ, какъ въ Италіи, зато городъ вездѣ и безъ исключенія эксплоатируетъ экономически деревню своими монопольными цѣнами, системой налоговъ, цехами, прямымъ торговымъ обманомъ и ростовщичествомъ» («Капиталъ», т. III, ст. 661).

Наше объясненіе не исключаетъ, разумѣется, возможности построить абстрактный случай самостоятельныхъ товарныхъ производителей, которые обмѣниваются сообразно количествамъ рабочаго времени, такъ же какъ можно экспериментальнымъ путемъ создать пустое пространство, чтобы демонстрировать законы паденія тѣлъ. Имѣлъ ли когда-нибудь въ исторіи законъ цѣнности такое значеніе или нѣтъ — это такъ же безразлично для его дѣйствія въ капиталистическомъ обществѣ, какъ для законовъ паденія тѣлъ на нашей землѣ безразлично, существуетъ ли внѣ земной атмосферы абсолютная пустота или нѣтъ.

Какъ законъ прямолинейнаго распространенія свѣта проявляется только въ повидимому противорѣчащихъ ему явленіяхъ преломленія и отраженія, законъ равнаго притяженія землею всѣхъ матеріальныхъ частицъ, отъ котораго должно зависѣть равномѣрное паденіе тѣлъ, проявляется только въ своемъ кажущемся нарушеніи — въ неравномѣрномъ паденіи; такъ и законъ цѣнности

явленія лежало скорѣе въ томъ, что эти капиталистическія отношенія только что начинали образовываться.

Юнкерство обогащалось. Но когда процессъ капиталистическаго преобразованія завершился, оказалось, что общая цѣна производства хлѣба въ сѣверной Германіи еще далеко отставала отъ перенесенной изъ Англіи рыночной цѣны, что, слѣдовательно, возросшія цѣны земли въ значительной степени опирались на громадную абсолютную ренту, которая была вполнѣ обусловлена рыночной конъюнктурой. Какъ только послѣдняя измѣнилась, все быстро расцвѣтшее благополучіе рухнуло вмѣстѣ съ нею. Это былъ большой аграрный кризисъ двадцатыхъ годовъ, проявившійся съ большою жестокостью и произведшій опустошеніе, какого не приносилъ ни одинъ изъ послѣдующихъ кризисовъ. Это ни въ какомъ случаѣ не былъ еще капиталистическій аграрный кризисъ: это были муки рожденія капиталистическаго сельскаго хозяйства.

Рыночная конъюнктура должна была уже потому перемѣниться, что передъ Англіей, соотвѣтственно ея промышленному господству на всемірномъ рынкѣ, стояла вся Европа, открывая свои житницы. Кромѣ того, послѣ войны начался значительный ввозъ хлѣба изъ Америки.

Между тѣмъ и капиталистическое превращеніе нѣмецкаго помѣщичьяго хозяйства вело къ увеличенію сбыта хлѣба не только потому, что натуральное хозяйство превратилось въ товарное, но и потому, что владѣніе помѣщиковъ распространилось и на включенную въ него „регулированіемъ“ крестьянскую землю.

Мекленбургскіе юнкера въ то время повели съ крестьянами дѣло на чистоту. Какъ только явился англійскій спросъ на хлѣбъ, первою заботою ихъ было расширить площадь полей.

находитъ свое выраженіе въ явленіяхъ, которыя, повидимому, противорѣчатъ ему, но которыя иначе совсѣмъ не могли бы быть объяснены, вся закономѣрность которыхъ, какъ закономѣрность, съ которою падаетъ тѣло въ воздухѣ, скрывается въ ихъ противорѣчивомъ характерѣ.

„Земля, особенно изъ подъ лиственныхъ лѣсовъ, была хорошаго качества, но не обработана. Воздѣланныя земли съ убогими жилищами находились у крестьянъ. Добраться до нихъ и до ихъ земель вмѣстѣ со средствами производства можно было почти безъ издержекъ и безъ особыхъ церемоній. 16 февраля 1821 г. закономъ опредѣлено—и это имѣетъ силу до сихъ поръ (1869 г.)—что крестьяне, которые не могли доказать, что они состоятъ наслѣдственными арендаторами—владѣніе и обработка земли не защищала ихъ—должны, по требованію закона, безпрекословно передать свои участки землевладѣльцамъ, въ крѣпостномъ состояніи у которыхъ они по большей части и находились сами. Передъ тридцатилѣтней войной при рыцарскихъ имѣніяхъ состояло до 12.000 крестьянскихъ участковъ. Теперь ихъ въ этихъ имѣніяхъ всего около 1.750-ти. Кромѣ того, эти участки сведены на малое количество земли съ плохимъ хозяйствомъ". (Дейтерсъ).

Вмѣстѣ съ сильно возросшимъ предложеніемъ относительное уменьшеніе спроса, рядъ особенно хорошихъ урожаевъ дали избытокъ, и хлѣбныя цѣны стали падать. Стремительное паденіе цѣнъ шло неудержимо; цѣны пали даже ниже предѣла, представляемаго потребностью внутренняго рынка, чтобы потомъ опять начать повышательное движеніе.

Какое движеніе происходило въ цѣнахъ, показываетъ слѣдующій обзоръ, взятый изъ мекленбургской оффиціальной статистики.

Цѣна пшеницы въ маркахъ за 100 килограммовъ достигала въ Ростокѣ:

ГОДА.	Цѣна пшеницы.	ГОДА.	Цѣна пшеницы.
1781—1885 . . .	11,31	1821—1825	9,47
1786—1790	14,18	1826—1830 . . .	13,79
1791—1795	14,62	1831—1835	13,42
1796—1800 . . .	17,48	1836—1840	16,01
1801—1805	23,65	1841—1845	16,23
1806—1810	19,07	1846—1850 . . .	18,28
1811—1815	14,20	1851—1855 . . .	20,38
1816—1820 . . .	29,15		

Изъ приведенныхъ чиселъ видно, что высота хлѣбныхъ цѣнъ предшествовавшаго кризису періода потомъ, при нормальномъ развитіи была достигнута лишь 30 лѣтъ спустя,— доказательство, что цѣны передъ кризисомъ стояли на такой высотѣ, которая не соотвѣтствовала внутреннимъ производственнымъ отношеніямъ, но, какъ указано выше, была вызвана благопріятной конъюнктурой англійскаго рынка. Между тѣмъ какъ кризисъ, благодаря ложной оцѣнкѣ не только хлѣба, но и земли и земельной ренты, производилъ свои опустошенія (это можно считать проявленіемъ закона цѣнности), онъ впервые положилъ основаніе правильному развитію капиталистическаго сельскаго хозяйства.

Начался періодъ благоденствія юнкерской земельной собственности, которое, какъ раньше описанное золотое время англійскаго сельскаго хозяйства продолжалось почти полстолѣтія, до конца 70-хъ годовъ; расширеніе площади посѣва, новые виды культуры, увеличеніе интенсивности. Для иллюстраціи приведемъ числовое сравненіе, взятое изъ оффиціальнаго изслѣдованія, сдѣланнаго для провинціи Западной Пруссіи (Zeitschrift des preussischen statistischen Bureaus 1867).

Было получено (въ шеффеляхъ).	Фальваркъ 1772—1773 гг.	Брезинъ. 1863—1864 гг.
Кормовой рѣпы	—	380
Пшеницы	—	1.068
Ржи	288	835
Ячменя	273	232
Овса	306	607
Гороха	15	220
Итого (безъ кормовой рѣпы) . . .	882	2.962

Мы воздерживаемся отъ приведенія дальнѣйшихъ цифръ, которыя доказываютъ тоже самое. Какъ возрасла арендная плата—было уже приведено въ другомъ мѣстѣ. Что касается цѣны земли, то она возрасла въ Мекленбургѣ съ 45.000 марокъ за рыцарскую гуфу (Ritterliche Hufe) въ 1825—1829 гг. и 56.000 мар. въ 1830—1834 гг., до 163.000 мар. въ 1875—

1878 гг., что означаетъ болѣе чѣмъ утроеніе цѣны земли. Контрастъ съ приведенными выше цифрами для начала столѣтія еще гораздо больше. Кризисъ двадцатыхъ годовъ устранился вмѣстѣ съ фиктивной цѣнностью ренты, но это не исключило, какъ мы видѣли, возможности дальнѣйшаго возрастанія ренты по другимъ причинамъ; даже болѣе того, это только и сдѣлало возможнымъ дальнѣйшій ростъ.

Какъ въ Англіи, такъ и здѣсь, благополучіе капиталистическихъ землевладѣльцевъ сопровождалось ухудшеніемъ положенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Для Мекленбурга мы находимъ въ такъ часто цитируемой нами книгѣ Дейтерса, который вовсе не врагъ землевладѣльцевъ, интересное описаніе развитія этого отношенія.

„Если мы обратимъ взоры на дѣйствительную жизнь, какою она представлялась съ начала до конца этого періода (отъ начала хлѣбнаго обмѣна съ Англіей и отмѣны крѣпостного права до кризиса 60-хъ годовъ), то мы найдемъ въ одинаковой степени съ возвышеніемъ высшихъ классовъ паденіе низшихъ... Въ положеніи поденщиковъ съ уничтоженіемъ крестьянскихъ хозяйствъ произошла перемѣна: люди, которые прежде имѣли болѣе обезпеченное положеніе, стали простыми рабочими. Многіе поденщики потеряли ту поддержку, которую раньше находили въ семействахъ родственниковъ—зажиточныхъ крестьянъ... Отхожіе работники и пастухи стали, по большей части, нищими... Помѣщичьи хозяйства, которыя сами стали заниматься скотоводствомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не стали терпѣть въ своихъ стадахъ чужого скота. Поденщики должны были отказываться отъ содержанія своихъ овецъ, мѣстами даже коровъ, первыхъ безъ вознагражденія, вторыхъ за молоко и все это постепенно все болѣе и болѣе измѣнялось, пока въ новѣйшее время не стало постоянно высказываться и осуществляться положеніе, что наемные рабочіе должны по возможности быть вознаграждаемы чистыми деньгами. Въ торговлѣ сталъ примѣняться исключительно денежный способъ вознагражденія...

„Всѣ, кто имѣли хоть немного имущества, были высо-

саны и выжаты. Сельскіе рабочіе, не получая больше обычныхъ натуральныхъ продуктовъ, легко пріучались добывать ихъ кражею... Устроенный въ 1817 г. въ Гюстро рабочій домъ для людей, „которые по лѣности, запрещеннымъ занятіямъ или нищенству, стали тягостны или опасны для гражданскаго общества“, такъ быстро переполнился, что, когда не удалось отправить часть народа въ Бразилію, пришлось отъ времени до времени усиливать ограниченія для принятія въ это учрежденіе.

„Рабочій классъ обнищалъ... Малый заработокъ велъ къ лишеніямъ, производилъ болѣзни и тѣмъ бо́льшую нужду, которая вела за собою смерть. Въ 1821 г. появился законъ о призрѣніи бѣдныхъ, который особенно заботился о томъ, чтобы нуждающіеся получали помощь только въ той общинѣ, къ которой они принадлежали. Законъ вызывалъ поэтому въ общинныхъ властяхъ только страхъ передъ бѣдными и страхъ этотъ продолжается до сихъ поръ... Тогда возникла между общинными властями не то чтобы торговля людьми, но мѣна способными къ труду индивидами и семействами, которую только тотъ можетъ считать возможною и правдоподобной, кто видѣлъ ее вокругъ себя въ продолженіе болѣе сорока лѣтъ.

„Каждый человѣкъ былъ олицетворенною опасностью и бременемъ для своей общины... Если живущіе въ данномъ мѣстѣ забирались и переводились закономъ въ другое, то на ихъ мѣсто являлся транспортъ принадлежащихъ сюда обывателей. Такъ какъ дѣти, принадлежавшія къ другой общинѣ, чѣмъ родители, не могли уйти отсюда и жить при родителяхъ въ качествѣ членовъ семьи, то бѣднякъ оставался безъ семейства. Его община могла пристроить его въ другомъ мѣстѣ, иногда даже отдать въ наемъ...

„Съ точки зрѣнія помѣщика, каждый членъ общины имѣетъ цѣнность лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ доставляетъ или можетъ доставлять свой трудъ его хозяйству. Разъ этотъ трудъ не нуженъ, исчезаетъ и цѣнность. А когда она исчезла, то вмѣсто прежняго простого риска держать такого человѣка является положительный вредъ.

„Правильный разсчетъ приводитъ помѣщика прежде

всего къ тому, чтобы отказать всѣмъ промышленнымъ рабочимъ и выпроводить изъ имѣнія... Какая польза помѣщику отъ этихъ людей? Бремя, опасность, издержки и больше ничего, такъ какъ эти слабыя промышленныя силы не могутъ хорошо исполнять его работъ. Онъ прогоняетъ ихъ и обращается въ городъ къ лучшимъ силамъ... Увеличивающееся обнищаніе помѣщичьихъ рабочихъ уменьшаетъ ихъ полезность, увеличиваетъ рискъ ихъ содержанія въ такой степени, что это ведетъ къ дальнѣйшему разсчету: не лучше ли, если не совсѣмъ, то въ извѣстной степени освободить имѣніе отъ бремени осѣдлыхъ рабочихъ?"

Между тѣмъ какъ юнкеръ производилъ эти разсчеты и дѣлалъ эксперименты съ пришлыми рабочими, рабочій, три четверти столѣтія тѣснимый со всѣхъ сторонъ произвелъ другой разсчетъ: упаковалъ весь свой скарбъ и поплылъ въ Америку! Смущенные и обезпокоенные смотрѣли землевладѣльцы на этого „человѣка", отъ котораго они не знали раньше какъ отдѣлаться, смотрѣли какъ онъ цѣлыми толпами двигался въ Америку. Дейтерсъ считаетъ, что за 15 лѣтъ изъ Мекленбурга выселилась $^1/_{10}$ часть населенія.

Это продолжалось недолго, и юнкера, которые только что гнали осѣдлыхъ рабочихъ, потребовали законовъ, которые прикрѣпили бы ихъ къ землѣ. Такъ возникъ „недостатокъ рабочихъ рукъ", этотъ знакомый всѣмъ ингредіентъ „нужды сельскаго хозяйства"!

Между тѣмъ зрѣли матеріальныя условія кризиса, и подготовлялась общая перемѣна въ ходѣ дѣлъ.

В. Расцвѣтъ спекуляціи.

Что нѣтъ розъ безъ шиповъ, это испытали и прусскіе юнкера. Полстолѣтія возрастающаго развитія капиталистическаго сельскаго хозяйства въ Пруссіи не обошлись, конечно, безъ нарушеній въ ходѣ. Они являлись прежде всего какъ послѣдствія промышленнаго кризиса. Таковъ былъ, напримѣръ, для Пруссіи сельско-хозяйственный кризисъ конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ. Та же самая Англія, которая доставила юнкерамъ благополучіе, внезапно показала

*

имъ эту оборотную сторону капиталистическаго блаженства. Хлѣбныя цѣны пали въ Пруссіи, такъ какъ англійскіе фабриканты повели плохо свои дѣла [1]). Но это скоро прошло. Съ открытіемъ калифорнскаго золота, началась новая эра въ развитіи мірового рынка. Промышленность развивалась быстро и при томъ не только въ Англіи, но кромѣ нея прежде всего во Франціи и Германіи [2]). Юнкера получали выгоду отъ возрастающей потребности Англіи въ хлѣбѣ, такъ же, какъ и отъ быстро росшаго, вслѣдствіе развитія промышленности, внутренняго рыночнаго спроса на сельскохозяйственные продукты.

Мы уже нѣсколько разъ указывали на характерное сходство между биржей и капиталистической земельной собственностью. Во времена хозяйственнаго благополучія это проявляется въ спекуляціи землями вмѣстѣ съ сопутствующимъ явленіемъ — закладной (ипотечной) горячкой.

Спекуляція землями представляетъ неисчислимое богатство видоизмѣненій и промежуточныхъ образованій. Самая чистая форма ея — покупка земли исключительно съ тою цѣлью, чтобы опять продать ее. Для такого покупщика, сельско-хозяйственное предпріятіе составляетъ побочную вещь. Онъ ожидаетъ только, пока цѣны на землю значительно подымутся и реализуетъ тогда свой земельный участокъ, чтобы купить новый. Это совершенно та же биржевая игра на повышеніе.

---

[1]) «Извѣстно, что ни одна изъ европейскихъ странъ такъ непосредственно, въ такихъ размѣрахъ и съ такою интенсивностью дѣйствія не затрогивается англійскими кризисами, какъ Германія. Причина проста: Германія образуетъ главнѣйшій континентальный рынокъ сбыта для Англіи и главнѣйшіе предметы германскаго экспорта—шерсть и хлѣбъ—находятъ въ Англіи сбытъ, отъ котораго зависитъ самое существованіе ихъ производства». К. Марксъ. «Neue Rheinische Zeitung», 1850. Въ другомъ мѣстѣ мы указали, какъ съ тѣхъ поръ измѣнилось торговое отношеніе между Англіей и Германіей.

[2]) «Neue Rheinische Zeitung» за 1850 г. даетъ въ высшей степени интересное освѣщеніе этихъ отношеній.

Покупка и продажа земельной собственности становится, по большей части, постояннымъ самостоятельнымъ явленіемъ, совершенно такъ же, какъ торговля цѣнными бумагами. Богатые владѣльцы дѣлаютъ себѣ изъ игры землями своего рода спортъ, какъ изъ торговли лошадьми. Выставляется положеніе: „Не надо пропускать никакого случая, чтобы пріобрѣсти землю!“ Спекулируютъ на то, что, если даже земля не можетъ принести въ настоящее время никакой выгоды сверхъ процента на капиталъ, то впослѣдствіи можно получить вѣрную прибыль изъ возросшей цѣны земли. Даже городской капиталъ при такихъ отношеніяхъ стремится въ деревню, чтобы быть вложеннымъ въ землю.

Это обращеніе земель облегчается, даже впервые становится возможнымъ, благодаря ипотечнымъ учрежденіямъ. Ипотека даетъ возможность съ малыми затратами купить землю. Опять сама собою напрашивается аналогія съ биржевыми операціями. Благодаря ипотекамъ, число оборотовъ земель и ихъ объемъ необыкновенно умножаются. Если землю можно заложить за 80% стоимости, то тою же денежной суммой можно купить въ 5 разъ больше земли, чѣмъ при уплатѣ полностью, или же можно одною пятой необходимой иначе суммы купить землю. Въ связи съ уже изображенной спекуляціей землями, на этой почвѣ развивается еще родъ сдѣлокъ на разность. Этого мало! Земли закладываются для того, чтобы на вырученную сумму пріобрѣсти новыя, которыя, разумѣется, тоже пойдутъ въ залогъ. При раздѣлѣ наслѣдствъ налагаются также высокія ипотеки и выдѣляющійся наслѣдникъ на полученный капиталъ покупаетъ землю, которой во всякомъ случаѣ придется быть заложенной. Ипотеки, далѣе, устанавливаются, чтобы завести побочное сельско-хозяйственное предпріятіе, какъ винокуренный, сахарный заводъ и т. п., чтобы основать промышленное предпріятіе, купить побольше желѣзнодорожныхъ акцій и государственныхъ бумагъ, отдать деньги за ростовщическіе проценты мелкимъ крестьянамъ или другимъ желающимъ.

Наконецъ, ипотеки устанавливаются просто потому, что установить ихъ очень легко: деньги будутъ получены, а

тамъ уже видно будетъ, куда ихъ истратить. Въ этой формѣ операція становится чистымъ надувательствомъ. Но изъ-за этого юнкера не останавливаются передъ ней.

На эти обстоятельства бросаютъ яркій свѣтъ произведенныя при участіи Родбертуса оффиціальныя изслѣдованія о движеніи дворянской (рыцарской) земельной собственности. Родбертусъ выражаетъ результатъ этого статистическаго изслѣдованія слѣдующимъ образомъ:

„Изъ разслѣдованія оказывается, что въ 11.771 рыцарскихъ имѣній провинцій: Пруссіи, Помераніи, (кромѣ Нейфорпоммерна), Познани, Шлезвига, Бранденбурга, Саксоніи и Вестфаліи, въ теченіе 30-ти-лѣтняго періода съ 1835 по 1864 годъ произошло 23.654 измѣненій владѣнія. Изъ нихъ только 7.903 наслѣдованій, 14.404 свободныхъ и 1.347 принудительныхъ продажъ.

„Такимъ образомъ, каждое имѣніе въ среднемъ перемѣнило двухъ хозяевъ. Изъ общаго числа этихъ перемѣнъ владѣнія, какъ мы видѣли, 34,7% приходится на наслѣдованія, 60,2% на добровольныя продажи, 5,1% на аукціонныя продажи. Изъ общаго числа имѣній перешло за это время по наслѣдству 67,1%, свободно было продано 122,3%, а недобровольно 11,4%. Такимъ образомъ, въ среднемъ $^2/_3$ всѣхъ рыцарскихъ имѣній за это время перешло по наслѣдству. Напротивъ, число продажъ значительно больше, чѣмъ число имѣній. Въ среднемъ каждое рыцарское имѣніе не только разъ было продано за этотъ періодъ, но третья часть ихъ была продана еще и во второй разъ... Если раздѣлить періодъ отъ 1835 до 1864 г. на 3 десятилѣтія, то въ первое, отъ 1835 до 1844 г., когда началось возвышеніе стоимости имѣній и къ концу котораго оно достигло высшей точки, оказалось и наибольшее число добровольныхъ продажъ, именно 4.976; въ слѣдующее десятилѣтіе это число падаетъ до 4.694; въ послѣднее оно опять повышается до 4.734. Число же принудительныхъ продажъ въ это время постоянно уменьшается“ [1]).

---

[1]) Родбертусъ. Zur Erklärung und Abhilfe der heutigen Noth der Grundbesitzer. 1868.

„Это огромное число перемѣнъ владѣнія, именно добровольныхъ продажъ, говоритъ Родбертусъ въ заключеніе, должно очень сильно способствовать задолженности нашего землевладѣнія". Статистика движенія ипотекъ представляетъ прекрасное дополненіе къ приведеннымъ даннымъ о движеніи земельной собственности.

Для значительнаго числа болѣе крупныхъ имѣній въ Пруссіи ихъ задолженность вмѣстѣ съ цѣною земли была оффиціально изслѣдована для 1837, 1847, и 1857 гг. Общій выводъ представляется въ слѣдующемъ видѣ [1]):

Годъ.	Объявленная стоимость земли (талеры).	Задолженность (талеры).	Долги достигаютъ части стоимости земли въ %.
1837	6.895.772	5.498.284	80
1847	10.144.654	8.787.230	84
1857	13.737.029	11.076.974	80

Цѣнность земли за 20 лѣтъ возрасла почти на 100%, признакъ быстро растущаго благосостоянія, и такой же успѣхъ дѣлаетъ и задолженность. Въ 1847 г., когда вздорожаніе земли было относительно наибольшее и задолженность была относительно, т.-е. въ отношеніи къ цѣнѣ земли, наивысшая. Связь настолько очевидна, что при недостаткѣ другихъ данныхъ по возвышенію ипотечной задолженности съ достаточною увѣренностью можно заключить о возвышеніи земельныхъ цѣнъ, слѣдовательно, о движеніи впередъ капиталистическаго сельскаго хозяйства, а вовсе нельзя видѣть въ этомъ симптомъ разоренія.

Юнкера (помѣщики) поступали, какъ банкиръ, который закладываетъ купленныя цѣнныя бумаги, чтобы купить новыя. Разница только въ томъ, что юнкера не нуждались въ первоначальномъ капиталѣ, чтобы устроить спекуляцію. Сама цѣна земли возрастала, и отсюда вытекала возможность предпринять новую болѣе обширную залоговую операцію.

---

[1]) Мы цитируемъ по Мейцену, т. III, стр. 110. И Родбертусъ пользуется этими данными въ упомянутой книгѣ о задолженности.

Этотъ горячешный періодъ юнкерскаго землевладѣнія, внутренно связанный съ ростомъ капиталистическаго землевладѣнія прекрасно и забавно изображенъ д-ромъ K. Fraas. Надо замѣтить, что его появившійся въ 1886 г. трудъ о „земледѣльческихъ кризисахъ", конечно, разсматриваетъ это развитіе ретроспективно, съ точки зрѣнія наступившаго уже кризиса 60-хъ годовъ, который онъ при этомъ считаетъ образцомъ капиталистическихъ аграрныхъ кризисовъ, хотя онъ въ дѣйствительности такъ же относится къ послѣднимъ, какъ биржевой крахъ къ индустріальному кризису.

„Аналогично признакамъ приближенія производственныхъ и торговыхъ кризисовъ и земледѣльческіе кризисы возвѣщаются явленіями, которыя мы всѣ недавно пережили,—смѣлыми покупками земли по огромнымъ цѣнамъ, такъ же какъ и слишкомъ высокими оцѣнками при переходѣ имуществъ, при случаяхъ раздѣловъ и т. п., пользованіемъ сельско-хозяйственнымъ кредитомъ на возможную высоту и за высокіе проценты; легкомысленнымъ согласіемъ заимодавцевъ на уплату очень крупной доли оцѣночной суммы; увеличеніемъ роскоши въ земледѣльческомъ населеніи; частыми продажами недвижимостей расточительными владѣльцами; стремленіемъ къ новымъ отраслямъ предпріятій, особенно къ техническимъ побочнымъ производствамъ".

K. Fraas продолжаетъ, — мы опять указываемъ на то, что онъ думаетъ изобразить общія условія аграрнаго кризиса, тогда какъ онъ просто рисуетъ симптомы капиталистическаго роста сельскаго хозяйства вмѣстѣ съ сопровождающей его спекулятивной горячкой:

„Непомѣрное возвышеніе цѣнъ на землю... Во времена полнаго мира и при цвѣтущей индустріи, которая устанавливаетъ на хлѣбъ очень хорошія цѣны, растетъ рента, а вмѣстѣ съ нею являются и послѣдствія этого роста.

„Пустующіе участки земли, безъ всякаго соображенія съ тѣмъ, имѣется ли необходимый оборотный капиталъ въ видѣ рабочаго скота, навоза, орудій и т. д., распахиваются и обращаются подъ воздѣлываніе легко и выгодно продаваемыхъ продуктовъ и прежде всего хлѣба.

„Тогда какъ въ другія времена сельско-хозяйственное образованіе, преміи, опытныя поля и т. п. остаются безъ всякаго успѣха или имѣютъ самое ничтожное вліяніе на земледѣльческую культуру, теперь все движется впередъ съ удивительнымъ рвеніемъ.

„На ряду съ этими нововведеніями осушаютъ также и болота и осушенныя мѣста обрабатываютъ, не жалѣя оборотнаго капитала и не обращая вниманія на трудность обработки.

„Волнообразно движутся цѣны на землю вездѣ, начиная съ тѣхъ мѣстностей, гдѣ населеніе густо, гдѣ индустрія высоко развита, и переходя къ противоположнымъ мѣстностямъ, какъ бы ихъ почва ни была плодородна и климатъ ни былъ благопріятенъ. Если политическія вліянія или условія путей сообщенія не вторгаются насильственно въ этотъ процессъ, то это волнообразное движеніе довольно правильно идетъ по Европѣ съ запада на востокъ, и только каждая волна, чѣмъ дальше подвигается впередъ, тѣмъ становится ниже, пока не переходитъ, наконецъ, въ степяхъ южной Россіи и Сибири въ зеркально-гладкое море пастбищнаго хозяйства.

„Цѣны на земли опускаются въ такой же мѣрѣ. Но тамъ, гдѣ всякое производство идетъ дѣятельно, гдѣ капиталы дешевы, а трудъ съ помощью всѣхъ техническихъ улучшеній легко доставляетъ огромные результаты, тамъ цѣна земли возрастаетъ болѣе всего, и происходитъ совершенно особенное явленіе — капиталы, возросшіе въ индустріи, бросаютъ ее, чтобы найти отдыхъ и покой „въ землѣ отцовъ“, и вкладываются въ землю.

„Мы видимъ теперь, что промышленникъ, фабрикантъ, даже банкиръ и биржевой спекулянтъ покупаютъ землю, и хотя они вовсе не обольщаются относительно того, что не будутъ получать большихъ процентовъ (такъ какъ цѣна земли высока), даже сами подтруниваютъ надъ своимъ сельско-хозяйственнымъ невѣжествомъ, однако, все-таки пріобрѣтаютъ недвижимости—ради ихъ вѣрности (а вмѣстѣ съ тѣмъ и чтобы получить выгоду отъ растущей ренты!)...

„Это — время, когда изящный вкусъ и искусство проникаютъ даже въ помѣщичьи усадьбы и римскія виллы, греческія рощи, розовые сады арабовъ, сельскіе дома съ парками, каскадами и зелеными лужайками занимаютъ мѣсто стариннаго замка землевладѣльца съ дикими изгородями и темными лѣсами. Вмѣстѣ съ тѣмъ является сельско-хозяйственный прогрессъ въ видѣ дорогихъ машинъ, улучшенныхъ породъ животныхъ, раціональныхъ экономическихъ построекъ, блестяще обставленныхъ сельско-хозяйственныхъ библіотекъ, все это на проценты съ индустріальныхъ предпріятій, дивидендовъ отъ акціонерныхъ компаній, остъ-индскихъ акцій, и старое практическое земледѣліе съ удивленіемъ покачиваетъ головою надъ всѣми этими затѣями, а новый „помѣщикъ“ не безъ пріятности пріобрѣтаетъ юнкерскія манеры и не прочь немножко пожить жизнью феодала со всей ея ничѣмъ не стѣсненной свободой.

Во вновь „упроченномъ землевладѣніи“ „дѣло не обходится безъ оживленія старыхъ стремленій. Земля покупается, раздробляется и опять продается... И если миръ продолжается, если остъ-индскія куры кладутъ свои золотыя яйца, а акціи приносятъ свой дивидендъ, то эта пріятная роскошь свободнаго обращенія земель, индустріи и торговли продолжается, пока не наступитъ кризисъ“.

Надо прибавить, что спекулируетъ не только „новый землевладѣлецъ“, но что и старый практическій „земледѣлецъ“ на вырученныя отъ гипотекъ суммы покупаетъ остъ-индскія акціи, устраиваетъ винокуренные заводы и производитъ операціи съ землями.

Что касается отношенія земельной собственности къ мелкому производству, то д-ръ Фраасъ, невольный Пиндаръ этой юнкерской эпопеи, выражается слѣдующимъ образомъ.

„Кто смѣетъ спорить со мной? „Напрасно“, говоритъ крупная, богатая капиталомъ земельная собственность мелкой, „напрасно ты придѣлываешь новый отвалъ къ своему скрипучему плугу, напрасно устраиваешь вмѣсто стараго двойного ярма одиночную упряжь для твоей коровы, которая замѣнила собою быка, который давно прошелъ ло-

шадь; я пашу и молочу паровымъ локомобилемъ, варю пиво, накашиваю столько травы въ часъ, какъ ты со своей первобытной косой не успѣешь скосить и за много дней. Ты можешь чистить себѣ пескомъ свой старый перегонный кубъ, приготовлять свой жалкій сыръ, толочься на одномъ мѣстѣ до могилы, но ты не перегонишь моей паровой винокурни со спиртовымъ аппаратомъ, моего машиннаго кирпичнаго завода, моего искусственнаго удобренія и травосѣянія, моего раціональнаго молочнаго хозяйства. Продавай лучше свою хижину и иди примѣнять свою рабочую силу въ городъ или, пожалуй, оставайся и у меня, а то поѣзжай въ Австралію или куда угодно, гдѣ ты можешь заработать болѣе, чѣмъ здѣсь своими голыми руками".

Теперь, конечно, юнкера поютъ совсѣмъ на другой ладъ. Теперь говорится только о „дырявыхъ соломенныхъ крышахъ" и о крестьянахъ, только о крестьянахъ!

Теперь юнкера заботятся только о томъ, чтобы крестьянскія „хижины" оправились отъ разоренія. Поэтому полезно вспомнить о тѣхъ временахъ, когда юнкерское высокомѣріе проявлялось свободно, безъ всякихъ заднихъ мыслей о „дарахъ любви"—пошлинахъ и преміяхъ.

Аграрный кризисъ шестидесятыхъ годовъ не былъ, какъ кажется предполагаетъ д-ръ Фраасъ, просто продуктомъ спекуляціи, но онъ былъ слѣдствіемъ общаго застоя финансовыхъ дѣлъ, что уже тогда было ясно Родбертусу [1]). Это было „гипотечное бѣдствіе", трудность совершить новый залогъ, вмѣстѣ съ дополнительнымъ явленіемъ, что кредиторы гипотекъ требовали возвращенія денегъ, такъ какъ находили для своего капитала лучшее приложеніе. Явилась дороговизна кредита—„кредитное бѣдствіе". Причиной этого финансоваго замѣшательства не были одни только большіе американскіе займы.

Скорѣе дѣло въ томъ, что тогда Германія была въ самомъ разгарѣ того періода оранжерейнаго развитія

[1]) Такого мнѣнія и проф. Конрадъ; его статистическія изысканія относительно «аграрныхъ кризисовъ въ его Handwörterbuch d. Staatswissenschaften вообще достойны полнаго вниманія.

ея индустріи, которое впослѣдствіи обусловило собою франко-германскую войну и германское единство и получило свое достойное капиталистическое заключеніе въ огромныхъ спекуляціяхъ 70-хъ годовъ.

Вотъ какъ росли акціонерныя предпріятія въ Пруссіи:

	Отъ 1826 г. до 1850 г. (25 л.).		Отъ 1851 г. до первой половины 1870 г. (19½ л.).	
	Число.	Капиталъ (милл. мар.).	Число.	Капиталъ (милл. мар.).
Акціонерныхъ обществъ вообще	102	638,0	295	2405,0
Въ томъ числѣ банковъ. . .	3	18,6	10	94,6

Мы видимъ, какъ стремительно развилась учредительная дѣятельность съ пятидесятыхъ годовъ. Сравнительно съ огромными массами капитала, которыхъ требовала для себя быстро развивающаяся индустріальная дѣятельность, банковое дѣло, какъ мы видимъ изъ приведеннаго обзора, получило лишь умѣренное развитіе. Поэтому возросъ процентъ. Учетный процентъ прусскаго банка достигалъ отъ 1847 г. до 1856 г. 4 — 4,3%, въ 1856 г, — 4,9%, 1857 г.— 5,7% [1]). Затѣмъ въ 1858—1862 гг., опять 4,2—4,3%, 1863 г.—

[1]) Это было меньшее изъ кредитныхъ замѣшательствъ 50-хъ годовъ, которое повело за собою первую работу Родбертуса о гипотекахъ (Die Handelskrisen und die Hypothekennoth der grundbesitzer. Berlin 1858).

Родбертуса, какъ всякаго выдающагося изслѣдователя, можно понимать только въ связи съ его эпохой. Какъ его теорія аграрныхъ кризисовъ связана съ «гипотечнымъ бѣдствіемъ» 50-хъ и 60-хъ годовъ, такъ его теорія земельной ренты есть отраженіе капиталистическаго развитія юнкерскаго сельскаго хозяйства. Чтобы объяснить это развитіе, недостаточно, какъ видно уже и изъ нашихъ бѣглыхъ очерковъ, одного только различія въ качествѣ земель, дифференціальной ренты, которую одну только и зналъ Рикардо. Отсюда противорѣчіе между Родбертусомъ и Рикардо, которое привело его очень близко къ тому, чтобы открыть теорію абсолютной земельной ренты.

5%, 1864 г.—5,3%, 1865 г.—4,9%, 1866 г.—6,2%! Вмѣстѣ съ тѣмъ дивидендъ прусскаго банка въ годы 1864, 1865 и 1866 достигъ неслыханной высоты отъ 10,1 до 10,9%! Какія слѣдствія это вело за собою, можно видѣть у Родбертуса. Кредиторы гипотекъ предъявляли ко взысканію. Такъ какъ норма процента возрасла, то цѣны на землю пали. Гипотеки потеряли свою вѣрность. Новую гипотеку можно было совершить только на небольшую сумму и за гораздо высшіе проценты. Такимъ образомъ произошло множество аукціонныхъ продажъ.

Это было преходящимъ явленіемъ. Процентъ понизился уже съ 1867 г. Кредитъ стремительно сталъ развиваться. Тутъ подоспѣлъ потокъ французскаго золота. Банки выростали изъ земли, какъ грибы. Вскорѣ возникъ излишекъ банковъ. Со второй половины 1870 г. до 1874 г. включительно учреждено 103 новыхъ акціонерныхъ банка, съ капиталомъ въ 838 милл. марокъ. Отношеніе новаго банковаго капитала къ общему капиталу новыхъ акціонерныхъ учрежденій было таково: въ годы 1826/50 какъ 1 : 34, въ періодъ 1851/70 какъ 1 : 25, напротивъ, въ годы 1870/74 какъ 1 : 4; не удивительно, что изъ новыхъ банковыхъ учрежденій къ концу 1874 г. 29 предпріятій съ капиталомъ въ 176 милл. марокъ уже лопнуло. Наравнѣ съ быстрымъ развитіемъ промышленности возвысились цѣны на хлѣбъ и цѣна земли. Юнкера могли заключить новыхъ гипотекъ, сколько бы имъ ни пожелалось. А желанія у нихъ были не малыя!

Въ 70-хъ годахъ задолженность юнкерской земельной собственности, должно быть, приняла колоссальные размѣры; но, къ сожалѣнію, статистика задолженности въ Германіи находится въ такомъ неудовлетворительномъ состояніи, что для этого періода мы не можемъ привести никакихъ сравнительныхъ данныхъ.

Когда разразился большой индустріальный кризисъ 70-хъ годовъ, Германія явилась уже вполнѣ сформировавшимся индустріальнымъ государствомъ: съ высокими земельными рентами, высокими цѣнами на землю, сильной гипотечной задолженностью, высокими хлѣбными цѣнами и, выражаясь капиталистически, высокими издержками производства хлѣба!

Происшедшія перемѣны выясняются изъ слѣдующаго сопоставленія цѣнъ пшеницы, которое указываетъ и на дальнѣйшій ходъ развитія.

Цѣна пшеницы въ маркахъ за 1.000 килограммовъ достигала:

Года.	Англія.	Франція.	Пруссія.	Разница между Англіей и Пруссіей.
1816—1820. . .	364,0	265,0	206,2	—157,8
1821—1830. . .	266,0	192,0	121,4	—144,6
1831- 1840. . .	254,0	199,2	138,4	—115,6
1841—1850. . .	240,0	206.6	167,8	— 72,2
1851—1860. . .	250,0	231,4	211,4	— 38,6
1861—1871. . .	248,0	224,6	204,6	— 43,4
1871—1875. . .	246,0	248,8	235,2	— 11,2
1876—1880. . .	206,0	229,4	211,2	+ 4,4
1880—1889. . .	169,2	197,7	190,5	+ 21,3

Начало столѣтія, когда англійскій спросъ господствовалъ на хлѣбномъ рынкѣ, обнаруживаетъ наибольшую разницу въ цѣнахъ между земледѣльческимъ материкомъ и индустріальной Англіей. При этомъ цѣны во Франціи, какъ и въ Пруссіи высоки. Вслѣдъ за этимъ является катастрофа 20-хъ годовъ.

Несмотря на страшное паденіе цѣнъ, разница въ цѣнахъ между Англіей и Пруссіей почти не уменьшилась,—доказательство того, что торговыя и транспортныя издержки парализовали это уменьшеніе. Послѣ этого насталъ періодъ развитія на материкѣ, который повелъ за собою правильно совершившееся уравненіе хлѣбныхъ цѣнъ въ трехъ странахъ. Характерно, что отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ въ Англіи, какъ мы видимъ, не повела за собою (для болѣе длиннаго періода) никакого пониженія англійской цѣны на пшеницу, но произвела возвышеніе цѣнъ пшеницы на материкѣ.

Уравненіе цѣнъ на пшеницу въ трехъ странахъ произошло, по большей части, такимъ образомъ, что цѣны на хлѣбъ возросли во Франціи и Германіи вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности. Въ 1870—1875 гг., въ періодъ

великаго праздника европейской промышленности, это уравненіе завершилось. Вмѣстѣ съ индустріальнымъ кризисомъ начинается также во всѣхъ трехъ странахъ паденіе цѣны пшеницы, (которая иллюстрируетъ для насъ общее движеніе хлѣбныхъ цѣнъ); 1880—1889 года представляютъ періодъ таможенной охраны. Англія, не имѣя никакихъ пошлинъ на хлѣбъ имѣетъ теперь значительно низшія хлѣбныя цѣны чѣмъ Пруссія и Франція.

Высокія земельныя ренты и низкая заработная плата. Высокія цѣны на землю и огромная задолженность. Высокія хлѣбныя цѣны и большія „издержки производства“. Низкая заработная плата ведетъ за собою „недостатокъ рабочихъ рукъ“, большая задолженность вынуждаетъ уплату тяжелыхъ процентовъ, высокія „издержки производства“ производятъ неспособность къ конкурренціи на всемірномъ рынкѣ. Условія благополучія становятся предпосылками „разоренія сельскаго хозяйства“.

Русская и американская конкурренція. Хозяйственное угнетеніе. «Разореніе сельскаго хозяйства».

Страна, которая была призвана исторіей вслѣдъ за Германіей пройти такой же процессъ развитія отъ „земледѣльческой“ страны до „индустріальной“, это Россія. Она принялась выполнять эту возложенную на нее исторіей миссію. Послѣ крымской войны, которая для Россіи, mutatis mutandis, имѣла такое же значеніе, какъ для Германіи наполеоновскія войны, произошло освобожденіе крестьянъ, и русскій вывозъ пшеницы съ 3,7 милл. гектолитровъ въ десятилѣтіе 1851—1860 гг. дошелъ до 13,3 милл. въ десятилѣтіе 1861—1870 гг.

На міровомъ рынкѣ существовали всѣ условія чтобы вовлечь Россію въ общую систему мірового капиталистическаго производства. Чтобы вполнѣ использовать этотъ

удобный случай, Россія стала строить желѣзныя дороги, гавани и понизила свои ввозныя пошлины.

Ожидаемые результаты, казалось, должны были появиться. Прежде всего послѣ 1861 г. произошло хозяйственное угнетеніе, аналогичное германскому кризису 20-хъ годовъ. Однако, послѣ того какъ въ 1863 г. достигнута была точка самаго глубокаго паденія цѣнъ, началось быстрое движеніе вверхъ, выразившееся особенно въ ввозѣ сырья, полуфабрикатовъ и машинъ, признакъ, что стали образовываться первые зачатки русской промышленности. Не трудно было бы опредѣлить, какъ пошло бы дальнѣйшее развитіе, если бы не вмѣшались обстоятельства, которыя дали совершенно другое направленіе движенію мірового рынка. Ихъ мы выяснимъ ниже. Хлѣбный вывозъ Россіи развивался бы все больше, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивался бы и ея индустріальный рынокъ и ея собственная индустрія. Въ зависимости отъ этого явилось бы движеніе вверхъ хлѣбныхъ цѣнъ, земельной ренты, цѣнъ на землю, „издержекъ производства“. Пока, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, не произошло бы въ Европѣ выравненія хлѣбныхъ цѣнъ, во всякомъ случаѣ интенсивность конкурренціи на хлѣбномъ рынкѣ должна была бы все уменьшаться, а не увеличиться внезапно, какъ это произошло въ дѣйствительности. Хлѣбныя цѣны, достигши въ 70-хъ годахъ, приблизительно во время индустріальнаго кризиса, своей низшей точки, должны были бы не падать болѣе, а подниматься. Въ дѣйствительности съ конца 70-хъ годовъ хлѣбныя цѣны внезапно пали, что именно и представляетъ собою характерную черту „разоренія сельскаго хозяйства“ нашихъ дней.

Такимъ образомъ Европа, и въ частности Германія, не избавились бы отъ аграрнаго кризиса; но онъ наступилъ бы и протекъ такимъ же образомъ, какъ и англійскіе хлѣбные кризисы послѣ наполеоновскихъ войнъ и отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Въ Германіи прежде всего произошло бы уменьшеніе воздѣлыванія ржи въ пользу пшеницы. Въ то же время уменьшеніе цѣнъ на землю вмѣстѣ съ примѣненіемъ улучшенной техники производства на почвѣ опять мало-по-малу

растущихъ хлѣбныхъ цѣнъ, снова возвѣстило бы новую эру благополучія капиталистическаго сельскаго хозяйства.

Но все это произошло совершенно иначе; и этому виною прежде всего Соединенные Штаты. Какъ разъ, когда европейская исторія превосходно наладила всѣ отношенія, въ дѣло вмѣшался предпріимчивый янки, безъ всякаго уваженія попралъ ногами всѣ историческія привилегіи отдѣльныхъ странъ и смѣшалъ всѣ отношенія къ своему полному удовольствію.

Площадь посѣва въ Соединенныхъ Штатахъ развивалась быстро. Соотвѣтственно этому, но еще гораздо быстрѣе развивался американскій вывозъ пшеницы.

Онъ направился прежде всего въ Англію, потомъ во Францію, потомъ въ Бельгію и Германію, куда въ 1868 г. было ввезено первыя 4.000 бушелей американской пшеницы. Какъ развивалась теперь конкурренція на европейскомъ хлѣбномъ рынкѣ, показываютъ вычисленныя Зерингомъ процентныя доли единичныхъ странъ въ снабженіи Англіи пшеницею.

Страны вывоза.	1846—1850	1851—1855	1856—1860	1861—1865	1866—1870	1871—1875	1876—1880	1881—1885
Россія	19,7	16,9	19,8	20,1	33,0	27,1	14,9	15.0
Соединенные Штаты	6,2	11,6	18,8	32,1	22,8	40,9	54,0	48,8
Германія	31,7	29,2	23,5	23,2	18,2	8,2	6,9	3,4
Франція	9,3	5,5	11,6	3,4	3,1	2,7	0,7	0,01
Другія страны	33,1	26,8	26,3	21,2	22,9	21,1	23,5	32,8

До 1861 г. Германія господствуетъ на англійскомъ хлѣбномъ рынкѣ, не малъ и ввозъ пшеницы изъ Франціи въ Англію. Въ 1861—1865 гг. Россія начинаетъ завладѣвать положеніемъ, но радость ея омрачается тѣмъ, что Соединенные Штаты слѣдуютъ за нею по стопамъ. Съ 1871 г. Америка могущественно выступаетъ впередъ, совершенно сбиваетъ Россію съ позиціи и завладѣваетъ положеніемъ

такъ, какъ ни одна страна до тѣхъ поръ. Только въ послѣднемъ изъ обозначенныхъ выше періодовъ замѣтно нѣкоторое ослабленіе роли Соединенныхъ Штатовъ вслѣдствіе появляющейся конкурренціи Остъ-Индіи и Австраліи.

Во всемъ этомъ движеніи дѣло идетъ не просто о замѣнѣ одной страны другою на міровомъ рынкѣ: Россіи—Соединенными Штатами. Чтобы понять это направленіе въ развитіи мірового рынка и прежде всего, чтобы понять положеніе сельскаго хозяйства въ Европѣ, надо принять во вниманіе: характеръ Америки, какъ капиталистической колоніи, взаимодѣйствіе между нею и метрополіями, измѣненія во взаимныхъ торговыхъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ, благодаря привхожденію хлѣбнаго ввоза изъ Америки, также какъ и дѣйствіе, произведенное этимъ послѣднимъ на развитіе европейской промышленности. Ни американская, ни русская конкурренція, ни та и другая вмѣстѣ недостаточны, чтобы объяснить современное „разореніе сельскаго хозяйства“. Скорѣе ихъ надо разсматривать, какъ составныя части капиталистическаго мірового производства, какъ цѣлаго, въ совокупномъ движеніи котораго только и можно найти рѣшеніе задачи. На чемъ основывается сельскохозяйственный перевѣсъ Америки, это достаточно выяснилось уже изъ предшествовавшихъ теоретическихъ положеній. Достаточно будетъ, если мы подкрѣпимъ свое дальнѣйшее изложеніе ссылкой на основательнѣйшаго изъ нѣмецкихъ изслѣдователей американскаго сельскаго хозяйства — Макса Зеринга. Онъ приходитъ къ такому заключенію:

„Изъ всего (сказаннаго) слѣдуетъ, что единственное соціально-экономическое преимущество, которымъ обладаетъ сельско-хозяйственное производство Сѣверной Америки сравнительно съ западной и средней Европой, состоитъ въ низкой цѣнѣ земли. Относительно другихъ факторовъ производства: заработной платы, обычнаго процента, цѣны всякаго рода движимаго капитала германскіе, французскіе, англійскіе сельскіе хозяева лучше поставлены, чѣмъ ихъ коллеги по ту сторону океана. Американская конкурренція имѣетъ свое общественно-экономическое основаніе въ рѣд-

комъ населеніи и въ обусловленной этимъ обстоятельствомъ низкой цѣнѣ земли“ [1]).

Низкія цѣны на землю, конечно, такъ же мало обусловлены „рѣдкимъ населеніемъ“, какъ напримѣръ, солнечная теплота обусловлена высотою ртутнаго столба въ термометрѣ. Сама книга Зеринга содержитъ достаточно фактовъ, чтобы установить это. Общее основаніе этого явленія лежитъ, какъ мы знаемъ, въ отношеніи между промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ, подъ чѣмъ, понятно, надо разумѣть не отношеніе индустріальнаго населенія къ сельско-хозяйственному, но отношеніе производства хлѣба къ потребности неземледѣльческаго населенія, т.-е. къ рыночной потребности въ хлѣбѣ. Гдѣ промышленность развита относительно больше, тамъ больше и эта рыночная потребность, и хлѣбныя цѣны, такъ же какъ и цѣны на землю, выше, населеніе же скучивается на тѣсномъ пространствѣ. Это относится и къ Соединеннымъ Штатамъ.

Отличіе Соединенныхъ Штатовъ отъ Европы и вмѣстѣ черта, отличающая ихъ, какъ капиталистическую колонію— это малое постоянство въ развитіи отношенія между промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ. Именно это развитіе здѣсь систематически прерывается потокомъ иммигрантовъ, которые занимаютъ новую площадь земли и расширяютъ поверхность производящую хлѣбъ. Такимъ образомъ постоянно возникаетъ перепроизводство хлѣба, не позволяющее хлѣбнымъ цѣнамъ повышаться. Въ Европѣ расширеніе площади посѣва обусловливаетъ собою повышеніе ренты; здѣсь, гдѣ цѣна земли не стоитъ на пути, оно служитъ, наоборотъ, препятствіемъ такому повышенію.

Наряду съ иммиграціей, какъ справедливо указываетъ Зерингъ, надо принимать во вниманіе внутреннія переселенія. Послѣднія на различныхъ ступеняхъ колоніальной жизни имѣютъ различныя причины. Въ тотъ періодъ времени, изъ котораго мы исходимъ, они были обусловлены характеромъ Америки, какъ страны хлѣбнаго вывоза.

---

[1]) Max Sering. Die Landwirthschaftliche Konkurrenz Nordamerikas, s. 181.

Чтобы можно было вывозить дешевый хлѣбъ, старыя поселенія, какъ только культура хлѣба въ нихъ переставала приносить выгоду, покидались, чтобы занять новую землю. Съ другой стороны вообще всякій, кто потерпѣлъ крушеніе въ своей дѣятельности, быстро оборачивался и основывалъ новое мѣсто жительства. Кризисъ 70-хъ годовъ, согласно Зерингу, оказалъ въ этомъ направленіи могущественное вліяніе.

Такимъ образомъ, въ сельско-хозяйственномъ отношеніи нельзя сравнивать Америку съ Пруссіей или Россіей, вообще со страной, имѣющей ограниченную территорію и опредѣленное населеніе; процессъ развитія происходилъ здѣсь такимъ образомъ, что во время развитія одного сельскохозяйственнаго района образовывался уже другой, за нимъ третій и т. д. Какъ будто на міровой рынокъ вступалъ цѣлый комплексъ земледѣльческихъ странъ одна за другой.

Затѣмъ ясно также, что это развитіе вовсе не заключено въ политическія границы Соединенныхъ Штатовъ, но что оно представляетъ собою вообще образованіе капиталистическихъ земледѣльческихъ колоній. Что таковъ смыслъ этого явленія, это показало недавнее развитіе въ видѣ выступленія на міровой рынокъ Аргентины.

На первый взглядъ кажется, что развитіе земледѣльческихъ капиталистическихъ колоній зависитъ лишь отъ двухъ факторовъ: эмиграціи и наличности плодородной незанятой земли, при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ. Но ближайшее разсмотрѣніе указываетъ еще на одно условіе — возможность оплачиваемаго хлѣбнаго сбыта. Развившееся въ пустынной странѣ человѣческое поселеніе, безъ связи съ міровымъ рынкомъ, не есть еще капиталистическая колонія. Эта связь для земледѣльческихъ колоній устанавливается сбытомъ хлѣба. Если теперь, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, явится такое перепроизводство хлѣба, что низкія цѣны на хлѣбъ сдѣлаютъ занятіе земледѣліемъ невыгоднымъ, то, очевидно, въ этихъ колоніяхъ произойдетъ кризисъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ эмиграція туда должна будетъ искать другихъ цѣлей. Такимъ образомъ, мы опять имѣемъ взаимодѣйствіе: сами обуслов-

ливая міровой рынокъ, колоніи въ то же время обусловливаются состояніемъ этого мірового рынка.

Разсмотрѣвши своеобразную роль, которую Америка, какъ капиталистическая колонія, играетъ на хлѣбномъ рынкѣ, посмотримъ теперь, какъ развивалась, выражаясь въ числахъ, эмиграція въ Америку. Число иммигрантовъ въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1820 по 1894 г. достигло 17,4 милл. человѣкъ. Въ разсматриваемый періодъ съ 1861 г. въ Соединенные Штаты переселилось 12,3 милл. человѣкъ. Теперь приведенныя прежде данныя о расширеніи площади посѣвовъ, о ростѣ относительнаго хлѣбнаго производства и о быстромъ увеличеніи американскаго хлѣбнаго вывоза не представляютъ болѣе загадки. Мы видимъ, что американская хлѣбная конкурренція есть законное порожденіе европейскаго капитала.

Давленіе американскаго вывоза пшеницы на міровой хлѣбный рынокъ обусловило собою прежде всего стѣсненіе русскаго вывоза пшеницы. Но такъ какъ условія конкурренціи на пшеничномъ рынкѣ были затруднены, то Россія, еще болѣе чѣмъ прежде, обратилась къ вывозу ржи. Благодаря этому направленіе ея вывоза измѣнилось и произвело еще большее давленіе на германскій хлѣбный рынокъ.

Гораздо важнѣе, однако, было то обстоятельство, что Россія была вынуждена продавать свой хлѣбъ по американской цѣнѣ. Этимъ былъ стѣсненъ въ своемъ развитіи процессъ, уже много разъ изображенный нами, процессъ возвышенія земельной ренты и фиксированія ея въ видѣ цѣны земли. Вмѣсто капиталистическаго помѣщичьяго хозяйства образовались отношенія въ родѣ ирландскихъ, отмѣченныя выжиманіемъ соковъ изъ мелкихъ арендаторовъ. Вмѣсто того, чтобы обращать крестьянъ въ наемныхъ рабочихъ, спекулятивный землевладѣлецъ предпочелъ отдавать землю крестьянамъ въ аренду за ужасныя цѣны. Гдѣ онъ не вступалъ самъ въ непосредственную связь съ крестьянами, тамъ эту операцію производилъ промежуточный арендаторъ. Часть дворянъ-землевладѣльцевъ была также разорена. На ихъ мѣсто выступилъ деревенскій капита-

листъ, особа средняя между купцомъ и ростовщикомъ, который сталъ примѣнять еще съ большею жестокостью систему выжиманія соковъ путемъ аренды. Такимъ образомъ представилась возможность конкуррировать съ Америкой, и явилось и со стороны Россіи могущественное давленіе на хлѣбный рынокъ. Весь хлѣбный вывозъ Россіи основанъ на искусственномъ пониженіи издержекъ производства. Финаломъ этого была катастрофа 1891 и 1892 года.

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ этихъ отношеній было замедленіе индустріальнаго развитія Россіи.

Заграничный ввозъ Россіи съ конца 70-хъ годовъ сильно палъ. Въ пятилѣтіе 1876—1880 гг. онъ достигалъ 2.414 милл. рублей, въ годы 1856—1890 гг. — только 1.783 милл.! Ввозъ изъ Германіи достигалъ въ 1871—1875 гг. 903 милл. руб., въ 1876—1880 гг.—1.150 милл., а въ 1886—1890 гг.—608 милл. рублей [1]).

Паденіе хлѣбныхъ цѣнъ—предвѣстникъ „разоренія сельскаго хозяйства“ — началось торговымъ кризисомъ 70-хъ годовъ. Теченіе остраго періода кризиса къ 1879 году почти закончилось, но тѣмъ не менѣе ожидаемый періодъ благополучія не наступалъ. Чтобы это случилось, во всякомъ случаѣ недостаточно было (для Германіи) одного основанія африканскихъ колоній, куда можно было вывозить только водку и прусскихъ офицеровъ. Необходимо было открыть бо́льшую область сбыта для текстильныхъ продуктовъ, машинъ и предметовъ культурныхъ потребностей. Если бы капиталистическое развитіе Россіи продолжалось такимъ же образомъ, какимъ оно проявило себя въ 60-хъ годахъ, то этимъ былъ бы открытъ подходящій рынокъ неизмѣримаго объема. И кромѣ Россіи надо принять во вниманіе еще Венгрію, Галицію и Дунайскія княжества. Но благодаря конкурренціи Америки и развитію капиталистическихъ колоній капиталистическое развитіе сельскаго

[1]) Троекратное измѣненіе въ теченіе этого промежутка времени русскихъ ввозныхъ пошлинъ, которыя были чисто финансовыми, надо разсматривать такъ же, какъ результатъ индустріальнаго застоя.

хозяйства и промышленности этой огромной части Европы было стѣснено. Америка представляетъ тоже вѣрный и все растущій индустріальный рынокъ, но она не могла замѣнить этой громадной европейской области сбыта. И при этомъ обратное дѣйствіе индустріальнаго развитія Америки на европейскій рынокъ, какъ уже указано, все вновь и вновь нарушалось непрерывнымъ распространеніемъ площади американскаго земледѣлія. Каждое повышеніе хозяйственнаго благосостоянія Америки сопровождалось усиленіемъ европейской эмиграціи въ эту страну. Каждому кораблю, ввозившему въ Америку индустріальные товары, соотвѣтствовалъ другой, транспортировавшій туда крестьянъ и рабочихъ.

Такъ образовалось то состояніе замедленнаго индустріальнаго развитія, которое обозначаютъ названіемъ *хозяйственнаго угнетенія* и которое продолжается уже болѣе полутора десятилѣтія. Для иллюстраціи этихъ общеизвѣстныхъ отношеній позволимъ себѣ только слѣдующее сопоставленіе.

Общая цѣнность внѣшней торговли достигала (въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ):

	1883 г.	1887 г.	1892 г.	Разница между 1892 и 1883 г.
Германія . . .	326,8	313,0	349,6	+6,0%
Франція. . . .	330,2	291,0	305,9	—7,0%
Англія.	731,3	643,4	715,4	—2,0%
Итого.	1388,3	1247,4	1370,9	—1,3%

Таблица явственно указываетъ на застой въ торговыхъ сношеніяхъ этихъ важнѣйшихъ индустріальныхъ странъ.

Разъ явился индустріальный застой, онъ, въ свою очередь, дѣйствовалъ на хлѣбный рынокъ, и прежде всего въ томъ смыслѣ, что *повышалъ ввозъ хлѣба*. Аграріи слишкомъ охотно забываютъ, что паденіе хлѣбныхъ цѣнъ явилось слѣдствіемъ торговаго кризиса, что пока продолжался промышленный подъемъ, хлѣбныя цѣны, несмотря на могучій и быстро растущій ввозъ изъ Россіи и Америки,

все повышались. Какъ только промышленный застой сталъ вліять на пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, американскій фермеръ и русскій крестьянинъ должны были предназначить къ вывозу болѣе хлѣба, чтобы денежное полученіе ихъ за проданный хлѣбъ было не ниже обычнаго. Въ 1877 г. цѣна пшеницы была на 30% выше, чѣмъ въ 1879 г.—и американскій фермеръ, вывезшій въ Европу въ 1877 г. только 25% своего производства пшеницы, въ 1879 г. отправилъ въ Европу уже 40%! Такъ какъ въ среднемъ это дѣлалъ каждый фермеръ, да сверхъ того еще расширялась въ то же время и площадь посѣва, то американскій вывозъ пшеницы возросъ на 100%! Вотъ объясненіе внезапнаго повышенія американскаго хлѣбнаго вывоза въ Европу въ 1878 г. и 1879 г., имѣвшаго своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ введеніе хлѣбныхъ пошлинъ на европейскомъ континентѣ [1]).

Сами хлѣбныя пошлины явились дальнѣйшимъ факторомъ, увеличивавшимъ давленіе на хлѣбный рынокъ. Но чѣмъ дѣйствительнѣе это давленіе, тѣмъ недѣйствительнѣе вліяніе хлѣбныхъ пошлинъ на отечественное сельское хозяйство,—если даже удается путемъ пошлинъ въ значительной мѣрѣ сдержать ввозъ хлѣба, то тѣмъ же самымъ стѣсняется индустріальный вывозъ, а съ нимъ и развитіе отечественной индустріи, и вслѣдствіе этого опять является давленіе на хлѣбныя цѣны. Чѣмъ меньше хлѣба вывозятъ Америка и Россія, тѣмъ меньше могутъ они ввезти продуктовъ индустріи. Когда Германія въ 1885 г. установила высокія пошлины на хлѣбъ, ея хлѣбный ввозъ, дѣйствительно, палъ, по сравненію съ 1884 г., на 213 милл. марокъ, но въ то же время палъ и ея товарный вывозъ на 219 милл. мар., а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея товарный ввозъ, помимо уменьшенія хлѣбнаго импорта, палъ еще на 159 милл. марокъ! Если повышеніе пошлинъ въ 1887 г. не имѣло та-

---

[1]) Такъ объясняется кажущійся парадоксъ, выставленный нами во введеніи къ нашему изслѣдованію: «большой ввозъ хлѣба изъ Америки обусловленъ низкими цѣнами въ Европѣ». Съ 1869 г. по 1877 г. включительно Соединенные Штаты вывозили около 23% своего сбора пшеницы, съ 1878 г. по 1893 г.—около 31%.

кого же вліянія, то только потому, что и ввозъ хлѣба упалъ тоже незначительно, едва лишь на 35 милл. мар.

Благодаря такому положенію мірового рынка, въ это время внутренній рынокъ сталъ пріобрѣтать относительно большее значеніе. Быстро стала развиваться желѣзнодорожная сѣть и стали расти большіе города. Длина германскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1875 г. достигала 27.981 кил., въ 1892—1893 г.—уже 42.908 кил. Города съ населеніемъ свыше 100 тыс. заключали въ себѣ въ 1875 г. 6,2% всего населенія, въ 1890 г. уже 12,1%. Соотвѣтственно этому возросло и потребленіе индустріальныхъ и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ городахъ.

Въ Бременѣ, напримѣръ, для котораго можно найти статистическія данныя, потребленіе ржаной и пшеничной муки и хлѣба въ 1872 — 1876 гг. достигало въ среднемъ 105.189 метрическихъ центнеровъ, а въ 1887 — 1888 гг. 132.482 метр. центнеровъ,—увеличеніе на 25% [1]).

Но и развитіе городовъ, которое до извѣстной степени можетъ подвигаться самостоятельно, имѣетъ, въ концѣ-концовъ, свой предѣлъ въ развитіи промышленности, слѣдовательно, мірового рынка. Чѣмъ больше города являются простыми центрами накопленія денегъ и потребленія, тѣмъ

---

[1]) При этомъ относительное потребленіе уменьшилось со 114,6 килограммовъ до 109 кил. на душу населенія Бремена. Это не есть какое-либо исключеніе. По Юрашеку среднее годовое потребленіе хлѣба въ Германіи со 185 кил. на душу въ 1880—1881 гг.—1884—1885 гг. уменьшилось до 176 кил. въ годы 1885 — 86 — 1889 — 90. Такъ какъ явилось относительное уменьшеніе количества хлѣба, находящагося въ распоряженіи одного жителя, а, съ другой стороны, потребленіе городовъ (разсматривая Бременъ, какъ типъ), возросло въ гораздо большей степени, чѣмъ общее населеніе страны—послѣднее увеличилось за указанный въ текстѣ промежутокъ времени всего на 16%,—то, слѣдовательно, сельское населеніе должно было отдавать въ города все бо́льшую часть произведеннаго хлѣба. Такимъ образомъ, при понижающихся хлѣбныхъ цѣнахъ потребленіе хлѣба уменьшилось, а при уменьшившемся потребленіи хлѣба возросъ внутренній хлѣбный обмѣнъ. Ср. выше этюдъ «Аграрныя противорѣчія».

болѣе они ведутъ чисто паразитическое существованіе. Ихъ населеніе состоитъ тогда изъ рентьеровъ и ихъ коррелата—нищихъ (Lumpenproletarier). Вмѣстѣ съ кварталами, состоящими изъ дворцовъ и роскошныхъ виллъ, они заключаютъ въ себѣ полныя собранія всѣхъ преступленій. Они становятся убѣжищемъ массъ бродячаго населенія, и ихъ ростъ, вмѣсто того, чтобы служить признакомъ благосостоянія, является признакомъ застоя.

Стремленіе защитить внутренній хлѣбный рынокъ очень легко приняло при этихъ условіяхъ форму защиты внутренняго рынка вообще.

Вотъ въ общихъ чертахъ внутренняя подкладка европейской торговой политики послѣдняго времени: такъ какъ индустріальное развитіе шло недостаточно быстро, чтобы, по крайней мѣрѣ, предотвратить паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, то были введены хлѣбныя пошлины, чѣмъ индустріальное развитіе было сильно стѣснено; внутренній рынокъ былъ загороженъ, и развитіе мірового рынка, а слѣдовательно и промышленности было замедлено. „Въ европейской таможенной охранѣ выражается внутренній строй капиталистическаго производства Европы, а поэтому также и связь между промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ, но все это, соотвѣтственно характеру капиталистическаго производства, въ видѣ противоположностей и противорѣчій“ [1]).

Хозяйственное угнетеніе обусловило собою болѣе медленно развитіе капиталистическихъ противорѣчій. Въ этомъ отношеніи громадную роль играла эмиграція. Можно себѣ вообразить, что было бы, если бы 12 милліоновъ эмигрировавшихъ въ теченіе одного поколѣнія, остались на родинѣ!

Какое страшное раздробленіе и безъ того уже раздробленной крестьянской собственности, какая массовая пролетаризація явилась бы въ результатѣ! Вотъ истинная причина наблюдаемаго теперь временнаго „сохраненія“ нашего крестьянства.

Съ другой стороны, европейская эмиграція породила не

[1]) См. выше этюдъ третій.

только американскаго фермера съ его хлѣбной конкурренціей, но также и американскую промышленность. По американской переписи 1880 г. изъ нѣмецкихъ эмигрантовъ 293.722 занимались сельскимъ хозяйствомъ, а 739.468—другими отраслями труда, а именно: ремеслами и личными услугами 218.687, торговлею 152.491, горнымъ дѣломъ и индустріей 368.110. Съ тѣхъ поръ это отношеніе должно было еще болѣе измѣниться не въ пользу сельскаго хозяйства. И развитіе Соединенныхъ Штатовъ въ индустріальную страну уже очень даетъ себя чувствовать Европѣ на рынкахъ Центральной и Южной Америки, Остъ-Индіи и Восточной Азіи. Но это относится уже къ зачаткамъ новой эры развитія мірового рынка.

Хозяйственное угнетеніе и „разореніе сельскаго хозяйства“ тѣсно связаны между собою. Оба взаимно обусловливаютъ другъ друга. Индустріальный вывозъ развивается медленно. Индустріальная дѣятельность направляется, главнымъ образомъ, на предметы внутренняго спроса. Внутренній торговый обмѣнъ сильно развивается при помощи коммиссіонеровъ, транспортныхъ конторъ и т. д. Товарный кредитъ принимаетъ самыя рискованныя формы. Денежный капиталъ быстро накопляется. Фондовая биржа обнаруживаетъ признаки прочнаго повышенія. Процентъ падаетъ. Развитіе раціональнаго сельскаго хозяйства замедляется. Очень сильно развивается обработка побочныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Крестьянство нищаетъ, но еще не разстается съ землею. Крестьянскіе участки меньше раздробляются, такъ какъ ихъ семейства уменьшаются. Тѣмъ временемъ превращеніе крестьянскаго натуральнаго хозяйства въ товарное идетъ своимъ чередомъ. Для землевладѣльцевъ ипотеки дѣлаются невыносимою тяжестью. Однако до аукціона дѣло доходитъ сравнительно рѣдко: землевладѣлецъ усиливается платить проценты, такъ какъ боится, что при продажѣ на его долю не останется ничего; кредиторы, съ своей стороны, тоже боятся, что при аукціонѣ они не выручатъ даже своего капитала Заработная плата не падаетъ, но ея возможное повышеніе очень незначительно. Домашняя промышленность (Hausindustrie) развивается какъ въ деревнѣ, такъ и въ городахъ.

Является вопросъ: гдѣ выходъ изъ такихъ условій? Отвѣтъ на него зависитъ отъ того, какъ складываются отношенія мірового рынка. Онъ не можетъ быть данъ апріорно, но лишь изображеніемъ вѣроятнаго дальнѣйшаго развитія мірового капиталистическаго производства. Эти новыя отношенія уже достаточно созрѣли, чтобы ихъ можно было намѣтить.

Относительно „разоренія сельскаго хозяйства“ во всякомъ случаѣ ясно слѣдующее:

Послѣдняя и основная причина аграрнаго кризиса—это поднятыя исключительно капиталистическимъ развитіемъ земельныя ренты и соотвѣтствующія имъ цѣны на землю. Устраните эти цѣны, и европейское сельское хозяйство будетъ опять въ состояніи конкуррировать съ русскимъ и американскимъ. Разъ устранены высокія цѣны на землю, опять выступитъ различіе въ производительности участковъ земли разнаго качества, а съ тѣмъ вмѣстѣ устранится и теперешнее почти одинаковое вліяніе кризиса на землю всѣхъ родовъ. Самое большее, что наихудшая земля будетъ извлечена изъ обработки, но прочая останется способной къ конкурренціи.

Уже изъ этого видно, что въ высшей степени нелѣпо представленіе объ американской конкурренціи, какъ о естественномъ бичѣ Европы. Эта конкурренція есть чисто капиталистическое явленіе. Она уже значительно уменьшилась бы, если бы прекратилась эмиграція изъ Европы. А эмиграція прекращается тогда, когда работникъ на родинѣ находитъ оплачиваемое занятіе. Если этого нѣтъ — причина лежитъ не въ существѣ производства вообще, а въ существѣ капиталистическаго производства.

Капиталистическое общество, основою котораго служитъ частная собственность, можетъ устранять ея противорѣчія только такимъ образомъ, что одинъ собственникъ разоряется и сходитъ со сцены, а на его мѣсто появляется другой. Частный собственникъ долженъ погибать, чтобы сохранялась частная собственность. Единственное ея средство противъ аграрнаго кризиса, если не говорить о случайной благопріятной комбинаціи мірового рынка, есть:

продажа съ молотка всей капиталистической земельной собственности. Такимъ образомъ цѣны на землю были бы приведены къ размѣрамъ, соотвѣтствующимъ новымъ условіямъ, и европейское сельское хозяйство стало бы опять способно выдерживать конкурренцію. Вмѣсто того, чтобы облагать хлѣбъ пошлинами, надо было бы скорѣе на соотвѣтственный процентъ понизить цѣну земли. Еще ни одинъ кризисъ не былъ устраненъ таможенной охраной. Единственное капиталистическое средство противъ этого капиталистическаго зла есть свободная конкурренція, которая сводитъ мѣновыя цѣнности къ уровню, опредѣляемому новыми отношеніями мірового рынка, и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяетъ производство и торговый обмѣнъ. Конечно, это противорѣчитъ интересамъ застигнутаго кризисомъ землевладѣльца и его ипотечнаго кредитора; но только ихъ интересамъ, а не интересамъ капиталистическаго производства вообще, ни въ промышленности, ни въ сельскомъ хозяйствѣ.

Ипотеки—это отраженіе цѣнъ на землю. Если бы онѣ сдѣлались государственными, это доставило бы прочное обезпеченіе кредиторамъ, но нисколько не помогло бы землевладѣльцамъ. Тягость ипотеки не въ высокомъ процентѣ, а въ высокой долговой суммѣ, которая является слѣдствіемъ высокихъ цѣнъ на землю.

Также и погашеніе ипотекъ—простая иллюзія. Если бы у землевладѣльца, кромѣ приличныхъ средствъ къ жизни, оставалось еще столько, что можно было бы амортизировать ипотечный долгъ, то ипотека не была бы тягостной, и землевладѣлецъ навѣрное заключилъ бы новую.

Если бы земля была куплена государствомъ по ея теперешней цѣнѣ, то землевладѣльцамъ была бы сохранена ихъ высокая рента, а ипотечнымъ кредиторамъ ихъ капиталъ. Это значило бы, что высокая рента, образовавшаяся путемъ пониженія заработной платы и повышенія цѣны хлѣба, была бы упрочена навсегда. Совершенно такъ же, какъ отдѣльный землевладѣлецъ не можетъ выдержать тяжести своего ипотечнаго долга, въ такомъ же положеніи очутилось бы и капиталистическое государство, подчиненное ходу развитія мірового рынка.

Разъ ничего не измѣнилось въ условіяхъ мірового рынка, въ цѣнахъ на землю и гипотекахъ, конечно, тѣмъ менѣе принесутъ пользу „маленькія средства“ — меліораціи, машины, кредитныя учрежденія, кооперацiи.

Чтобы предотвратить аграрные кризисы и устранить „разореніе сельскаго хозяйства“, для этого необходимо было бы, чтобы на мѣсто индивидуальныхъ цѣнъ производства, различія въ которыхъ образуютъ ренту, поставлена была бы общественная цѣна производства. Это требовало бы веденія сельскаго хозяйства всей страны, какъ одного предпріятія и планомѣрнаго общественнаго натуральнаго хозяйства. Затѣмъ образованіе избытка сельскаго населенія могло бы быть предотвращено занятіемъ его въ промышленности раціональнымъ распредѣленіемъ общественнаго рабочаго времени и населенія въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства. Наконецъ, необходимы были бы техническія усовершенствованія въ сельско-хозяйственномъ производствѣ.

Какимъ образомъ должны были бы быть развиты и осуществлены детали, это мы надѣемся изложить когда-либо, при случаѣ.

* * *

Мы подошли къ концу нашего изслѣдованія. Оно прежде всего нисколько не претендуетъ на научную полноту. Многіе важные вопросы были нами или совсѣмъ обойдены, или очерчены въ двухъ словахъ. Прежде всего надо указать на конкурренцію между крупной и мелкой земельной собственностью, индустріализацію сельскаго хозяйства, условія эмиграціи, законы колоніальнаго развитія и условія капиталистическаго перепроизводства. Также и изложеніе политическихъ движеній, которое по первоначальному плану нашей работы должно было освѣтить экономическое развитіе, мы оставляемъ безъ разсмотрѣнія.

Наша задача свелась къ выясненію самыхъ общихъ причинныхъ связей, такъ какъ именно онѣ, по большей части, упускаются изъ вида.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Введеніе	1
Англія и Европа	4
Положеніе Германіи на міровомъ рынкѣ	10
Города и желѣзныя дороги	22
Аграрныя противорѣчія	33
Промышленность и сельское хозяйство	34
Общее объясненіе капиталистическихъ аграрныхъ кризисовъ	63
Индустріальный рынокъ и хлѣбный рынокъ	96
Радость и горе юнкерства	103
Русская и американская конкурренція. Хозяйственное угнетеніе. «Разореніе сельскаго хозяйства»	127

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.		*Стрк.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
6	сверху	3	примитивной	примитивныхъ
6	снизу	12	прежде	прежде всего
14	сверху	13	тамъ и тамъ	здѣсь и тамъ.
14	снизу	4	производствомъ	производствамъ.
15	»	1	и потому	и, поскольку
16	сверху	13	фарфоровое производство фаянса.	производство фаянса и фарфора.
16	»	15	фарфоровая фабрикація	фабрикація
18	снизу	3	тѣмъ болѣе	тѣмъ сильнѣе
19	сверху	10	покрыть	покрывать
20	снизу	4	какъ чугунные	чугунные
21	сверху	6	Германіи и Европы къ Соединеннымъ Штатамъ	отношеніе Германіи къ Европѣ и Соединеннымъ Штатамъ,
23	снизу	18	допросы,	вопросы,
28	сверху	11	знанія	значенія
31	»	17	процента	платы
31	снизу	14	доходы	долги
41	сверху	5	оставляя изъ вида различныя его видоизмѣненія	различныя видоизмѣненія котораго мы оставляемъ безъ разсмотрѣнія
41	»	15	но наоборотъ	наоборотъ,
51	снизу	13	открытія	открытіе
56	»	10	помноженное	помноженныя
57	»	6	готовыхъ	числовыхъ.
59	сверху	8	гектара	гектаръ
64	»	13	на $^{8}/_{10}$	на $^{3}/_{10}$,
64	»	14	уменьшеніе въ $^{2}/_{10}$	уменьшенію на $^{2}/_{10}$.
64	»	14	въ $^{8}/_{10}$	на $^{8}/_{10}$,
64	»	15	въ $^{16}/_{10}$	на $^{16}/_{10}$
66	снизу	2	связи временами	связи съ временами
68	сверху	2	на землю и почву	на землю

Стр.	*Стрк.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
68	снизу 7	частной собственности	права частной собственности
69	сверху 10	издержки производства	издержки
70	» 15	земли и почвы	земли
72	» 6	на землю	земли.
87	» 19	кредитъ гораздо дороже чѣмъ на землю	кредитъ подъ нихъ гораздо дороже чѣмъ подъ землю.
89	» 12	исключая	за исключеніемъ
92	снизу 15	будетъ	будетъ онъ
95	сверху 18	этого не можетъ	этого онъ не можетъ
96	» 7	имуществъ	имѣній
104	» 10	Въ общій средній	Въ среднемъ.
107	» 8	тѣхъ формъ	этихъ формъ
110	снизу 2	скрывается	сказывается
113	сверху 8	ростъ	ростъ ея.
113	снизу 14	отхожіе работники и пастухи	крестьяне мызники и овцеводы.
114	» 14	закономъ	на законномъ основаніи
115	сверху 2	выпроводить	выпроводить ихъ
120	» 4	1886	1866.
122	снизу 1	прошелъ	прогналъ
131	» 15	Именно	А именно
140	» 3	Единственное ея средство	Единственное средство капиталистическаго общества

160

12 MAR 1941

2007334081